ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Іюль 1759 года.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

ПСАЛМЫ и МОЛИТВА.

ПСАЛОМЪ CL.

На сей псаломѣ музыка Г: Раупаха.

ХВалите господа во святости его,
Великой власти въ силахъ равныхъ;
И обладателя сего,
Въ величествѣ отъ дѣлъ его преславныхъ.

*

ХВалите господа на разныхъ голосахъ;
Хвалите хорами, хвалите на трубахъ,
Псалтирью, гуслями, въ тимпанѣ;
Хвалите господа на струнахъ и органѣ.

*

ХВалите господа небеснаго царя;
Въ кимвалѣхъ ясныхъ,
И въ умиленіи горя,
Хвалите господа въ кимвалѣхъ доброгласныхъ.

*

Господа отца,
Всякое хвали дыханье:
Прославляй созданье,
Бога и творца.

* * *

ПСАЛОМЪ CXLIII.

Благословенъ Творецъ вселенныя,
Кѣмъ я къ побѣдѣ ополченъ!
Се руки нынѣ вознесенны,
И духъ ко брани устремленъ:
Къ тебѣ всю мысль надежда правитъ,
Твоя рука меня прославитъ.

* * *

Защитникъ слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтутъ мои мя люди
Подверженны подъ скипетръ мой.
Источникъ безконечна вѣка!
Кого ты помнишъ! человѣка.

* * *

Его весь вѣкъ какъ тѣнь преходитъ:
Его всѣ лѣта суета.
Какъ вѣтеръ пыль въ ничто преводитъ
Такъ гибнетъ наша красота.
Кого ты, творче, вспоминаешъ!
Кою толико прославляешъ!

* * *

О Боже ! рцы мѣстамъ небеснымъ ,
Гдѣ твой Божественный престолъ ,
Превыше звѣздъ верьхамъ безвѣснымъ ,
Да преклонятся въ низкій долъ :
Спустись ; да долы освятятся !
Коснись горамъ , и воздымятся !

* * *

Да снидетъ огнь и громъ да грянетъ ,
Да взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ :
Рази врага , и не востанетъ ;
Пронзи огнемъ ревущій вѣтръ ;
Смяпи врага пуская стрѣлы ;
И дай покой въ мои предѣлы !

* * *

Простри съ небесъ свою зѣницу ,
Избавь меня отъ враѓъ моихъ ;
Подай мнѣ крѣпкую десницу ,
Изми мя отъ сыновъ чужихъ ,
Смири , грозящія мнѣ , воды ,
Разрушь бунтующи народы !

* * *

Не приклони къ ихъ уха слову :
Дѣла ихъ гнусны предъ тобой.
Я воспою тебѣ пѣснь нову ,
Взнесу до облакъ голосъ мой ,
И восхвалю тя пѣснью въ мирѣ ,
Во многострунной я псалтирѣ.

* * *

Дающій области, державу,
И царскій на главу вѣнецъ,
Царямъ спасеніе и славу,
Премудрый всѣхъ судебъ творецъ!
Ты грознаго меча спасаешь,
Даешь побѣды, низлагаешь.

* * *

Какъ грозды пучно напоенны,
Сыны ихъ въ юности своей,
И дщери ихъ преукрашенны,
Подобьемъ красоты церьквей:
Богаты, славны, благородны;
Стада, ихъ, овчи многоплодны.

* * *

Волы въ лугахъ благоуханныхъ,
Во множествѣ сладчайшихъ травъ,
На паству и на пищу данныхъ,
И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
Которы бъ ихъ не миновали.

* * *

Благополучны вы народы,
Имущи таковую часть;
Послушны вамъ земля и воды,
Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть;
Но кто живетъ по Творчей волѣ,
Еще стократно щастливъ болѣ.

* * *

МОЛИ-

МОЛИТВА.

Не терпи о Боже власти,
Беззаконныхъ ты людей,
Кои дѣлаютъ напасти,
Только силою своей!
Сколько злоба возвышенна,
Столько правда устрашенна.

*

Не на то даны дни вѣка,
Чтобъ другъ друга намъ губити;
Человѣку человѣка,
Творче, ты велѣлъ любити:
Кто какъ титлами ни славенъ,
Предъ тобой съ послѣднимъ равенъ.

*

Титла громкаго содѣтель,
Часто развращенный свѣтъ:
Лишь едина добродѣтель,
Преимущество даетъ,
И она всево дороже;
Защищай ее ты Боже!

* * *

А. С

II.

ПРОДИКОВА АЛЛИГОРІЯ

ОБЪ ИРАКЛІИ

Изъ Ксенофонта.

ПРемудрый Продикъ въ своемъ объ Ираклїи сочиненїи, которое многимъ показываютъ, о добродѣтели пишетъ, говоря такъ, сколько я припомнить могу. Ираклїй по окончанїи отроческихъ лѣтъ вступивъ уже въ юношескій возрастъ: въ которое время молодые люди получивъ сами надъ собою власть, являютъ, коимъ путемъ они въ жизни сей шествовать будутъ, тѣмъ ли, которой Добродѣтель, или тѣмъ которой Злоба учредила: вышелъ въ уединенное мѣсто, и сѣдши началъ съ собою размышлять, который ему предпрiять путь. Вдругъ увидѣлъ онъ двухъ женщинъ возраста совершеннаго къ себѣ идущихъ: одна изъ нихъ была благоприятна видомъ, и возрастомъ благородна, тѣло имѣла чистое, взглядъ стыдливый, осанку постоянную и бѣлое платье,

платье, другая упитанна тучно и нѣжно, преукрашенна на тѣлѣ такъ, что и бѣлѣе и краснѣе казалась, нежели въ самой вещи быть можетъ; осанка ея прямѣе природной, глаза распросперты, платье, сколь возможно, нескрывающее красотъ ея; она и сама себя осматривала; и поглядывала, смотритъ ли кто на ее, часто и на тѣнь свою взирала. И какъ уже они обѣ не въ далекомъ были отъ Ираклія разстоянїи, то перьвая все равными шагами къ нему подходила, а вторая упредить хотя перьвую, прибѣжавъ къ Ираклїю, начала говорить: Я вижу, Ираклїй, что ты недоумѣваешъ, которой тебѣ путь въ жизни избрать. Ежели ты со мною въ дружество вступишъ, то я тебя на самый сладчайшїй и удобнѣйшїй путь наставлю; изо всѣхъ веселостей жизни сея не будетъ ни единой, которой бы ты не вкусилъ; а что въ свѣтѣ горестно, того ты и знать не будешъ. Сперьва ни о военныхъ ниже о гражданскихъ дѣлахъ не будешъ ты имѣть попеченія, но только о томъ какое бы кушанье и питїе по вкусу сыскать, чѣмъ зрѣніе и слухъ свой усладить, чѣмъ удовольствовать обоняніе и осязаніе; предавъ себя любовной страсти, неизреченную будешъ чувствовать

радость, на мягкой лежа постелѣ, почивать, и какъ бы сіе все безъ великихъ, или лучше сказать, безъ всякихъ трудовъ получить, о томъ неусыпно будешъ стараться. Естьли же окажется когда нибудь хотя малое подозрѣніе недостатка тѣхъ вещей, которыя намъ сіи увеселенія приносятъ, то не ужасайся и не думай, что бы я тебя въ такое привела состояніе, въ которомъ съ трудами и въ бѣдствіяхъ тѣлесныхъ не меньше, какъ и душевныхъ оныя должно сыскивать: но что другіе въ потѣ пріобрѣтаютъ, тѣмъ ты въ покоѣ будешъ наслаждаться, не отвращаясь ни чего, откуда бы можно было пріобрѣсть себѣ что нибудь въ пользу: ибо я пребывающимъ со мною даю власть отвсюды пользоваться. Ираклій услышавъ сіе сказалъ; Жено, какъ тебя зовутъ? На что она ему отвѣтствовала: Друзья мои зовутъ меня Щастіемъ, а ненавистники умолчевая собственное мое имя, даютъ мнѣ ложное, и называютъ Злобою. Между тѣмъ другая женщина пришедши такъ съ нимъ говорила. И я къ тебѣ пришла, Ираклій, зная родителей твоихъ, и, каковъ ты въ отрочествѣ былъ, довольно вѣдая. Чего ради уповаю, что естьли ты моимъ путемъ

шемъ шествовать пожелаешь, то и ты совершишь честныя и славныя дѣла къ несравненно великой себѣ похвалѣ, и я предъ очами добрыхъ людей являюся достопочтеннѣе и великолѣпнѣе. Прелестными предисловіями не хочу тебя уловлять, но какими дарованіями Боги меня украсили, и какова я въ самой вещи, истинну о себѣ объявлю. Ибо безъ трудовъ и прилѣжанія люди отъ Боговъ ничего не получаютъ, что истиннаго добра имя заслуживаетъ: естьли ты желаешь, что бы Боги къ тебѣ были милостивы, то должно Богамъ служить, и ихъ почитать; естьли хочешь приобрѣсть любовь у пріятелей, то пріятелямъ благодѣтельствовать надлежитъ; естьли у гражданъ въ почтеніе прійти имѣешь желаніе, то надобно о общей гражданской стараться пользѣ; естьли стремишся добродѣтелію своею привесть всю Грецію во удивленіе, то должно всей Греціи показать услуги; естьли хочешь, что бы земля обильные плоды тебѣ приносила, въ земледѣліи должно упражняться; естьли ты думаешь обогатить себя отъ стадъ, то надобно о стадахъ прилѣжное имѣть попеченіе; естьли войною прославиться желаешь, и быть въ силахъ, освобождать

ждать изъ плѣна друзей, а враговъ порабощать, то и военнымъ наукамъ у знающихъ обучиться, и какъ оныя съ успѣхомъ употреблять, самымъ дѣломъ извѣдать надлежитъ; а ежели силу тѣлесную получить хочешъ, то должно тѣло свое къ тому приобучать, чтобъ оно разсужденію повиновалось, въ трудахъ бы пребывало, и потомъ въ ученіяхъ обливалося. Сію рѣчь прервавъ Злоба, какъ пишетъ Продикъ, говорила такъ: Видишъ ли, Ираклій, о какъ трудномъ и долгомъ пути къ радостямъ жена сія тебѣ разсказываетъ: а я удобнымъ и самымъ кратчайшимъ путемъ поведу тебя ко благополучію. Добродѣтель на то ей отвѣтствовала: Бѣдная! какое у тебя добро, или какое увеселеніе? ты не желаешъ ничего дѣлать, для пріобрѣтенія оныхъ: ты ниже времени дожидаешся, въ которое бы захотѣлось тебѣ что нибудь въ сладость употребить, но прежде, нежели возжелаешъ, всѣмъ насыщаешся; не имѣя алчбы, ѣшь; не имѣя жажды, пьешъ; а что бы пріятныя тебѣ были кушанья, стараешся имѣть поваровъ искусныхъ въ приуготовленіи нѣжныхъ и сладкихъ яствій; что бы пріятно тебѣ было питіе, драгоцѣнныхъ ищешъ винъ, и лѣ-

и лѣтомъ вездѣ за снѣгомъ бѣгаешь; и чтобы пріятнымъ и сладкимъ уснуть сномъ, то не только имѣешь мягкія постели, но и одры и подножія у одровъ ставишь; ибо не отъ трудовъ, но для того, что нѣчего тебѣ дѣлать, спать хочешь. Сему ты своихъ друзей научаешь, ночью погружая ихъ въ страстяхъ, а днемъ для угодія ихъ ко сну привлекая. И хотя ты слывешь безсмертною, однако и Боги тебя отвергаютъ, и честные не почитаютъ люди. Самаго пріятнаго слушанія, то есть похвалы своей, ни когда ты ни отъ кого не слышишь; самаго пріятнаго зрѣлища ты лишенна, по тому что ты никогда никакого добраго дѣла, которое бы отъ тебя произошло, не видала. Кто тебѣ повѣритъ въ томъ, что бы ты ни говорила? Кто тебѣ въ какой ни будь нуждѣ вспоможеніе дастъ? или кто благоразсудный дерзнетъ вступить въ бѣшеное твое игрище? Молодые изъ твоихъ послѣдователей, тѣломъ немощны, а старые душею безумны: гладкіе лицемъ въ юношествѣ для того, что безъ трудовъ питаются; гнусные въ старости для того, что въ трудахъ и въ бѣдствіяхъ оную провождаютъ, стыдясь тѣхъ дѣйствій, которыя они совершили, а тѣми, которыя

рыя дѣлаютъ, отягощаемы; претекшій всѣ пріятности и сладости въ молодыхъ лѣтахъ, на старость оставили себѣ горести и скуки. А я обитаю съ Богами, обитаю и съ честными людьми; и ни единое доброе дѣло ни божественное ниже человѣческое безъ меня не бываетъ: я въ большемъ отъ всѣхъ почтеніи у Боговъ, и у людей, которыя мнѣ послѣдуютъ. Я возлюбленная соработница художникамъ, вѣрная хранительница домовъ господамъ, благосклонная предстательница слугамъ, прилѣжная помощница въ трудахъ во время мира, твердая поборница въ воинскихъ дѣлахъ, и участница въ дружествѣ самая лучшая. Друзья мои пищу и питіе не великихъ трудовъ и малаго иждивенія стоящія, употребляютъ съ крайнимъ удовольствіемъ по тому, что они до тѣхъ поръ не ѣдятъ ни пьютъ, покамѣстъ не получатъ алчбы и жажды; сонъ ихъ бываетъ сладостнѣе нежели тѣхъ, кои никогда не утруждаются; и лишившись онаго не весьма за то досадуютъ, ниже оставляютъ должность свою, не исполняя оной: молодые радуются, слыша о себѣ похвалу старыхъ, а старые веселятся о чести имъ воздаваемой молодыми. Прежнія свои дѣйствія воспоминаютъ

наютъ они съ сердечнымъ увеселеніемъ, а предлежащія отправляютъ безъ всякой досады; за что и Боги имъ благоволеніе свое оказываютъ; и другими они любимы, и отъ отечества бываютъ почитаемы. Естьли же постигнетъ ихъ опредѣленная имъ кончина, то мертвы не будутъ они лежать въ забвеніи безъ всякой чести, но память ихъ въ вѣчные роды всѣми славима процвѣтать не престанетъ. Сіи труды, чадо честныхъ родителей, Ираклій, когда понесешъ, то не сомнѣнно вѣрь, что достигнешъ къ самому большему въ свѣтѣ семъ благополучію и къ незыблемому во вѣки блаженству.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

III.

МАКСИМА ТИРСКАГО
Платоническаго Философа
ЧЕТВЕРТОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ
о томъ, чѣмъ разнствуетъ ласкатель отъ друга.

Продикъ въ баснѣ Ираклія уже въ совершенной возрастъ пришедшаго и возмужавшаго на двѣ дороги вывелъ, приставивъ

ставивъ къ одной добродѣтель, а къ другой роскошь предводительницею. Одна изъ нихъ имѣла видъ важной и постоянной, тихую походку, рѣчь приятную; взоръ кроткой, одежду простую, а у другой было лице къ сластолюбїю склонно, и нарумянено, цвѣтная одежда, позоръ дерзокъ, походка непостоянна, нестройной голосъ. Ираклїй будучи остроуменъ, какъ Дїевъ сынъ, самъ сїе усмотрѣлъ, и оставивъ роскошь, поручилъ себя предводительству добродѣтели. По сему примѣру вымыслимъ и мы баснь, учредимъ двоякой путь, поставимъ при немъ честнаго человѣка, и вождами изберемъ въ мѣсто добродѣтели друга, а въ мѣсто роскоши ласкателя; пускай и сіи разнствуютъ между собою ростомъ, лицемъ, платьемъ, рѣчью и походкою, одинъ пусть кажется пріятнѣйшимъ, а другой правдивѣйшимъ человѣкомъ. Одинъ съ улыбкою простирая десницу, пусть помянутаго человѣка, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ, похвалами, ласкательствомъ, прозьбою и моленїемъ убѣждаетъ, и описываетъ ему чудные нѣкіе роскоши: или взявъ его за руку обѣщаетъ его повесть на цвѣтущїя луга, гдѣ льются источники, гдѣ слад-

ко

ко поютъ птицы, гдѣ прохладной дышетъ вѣтерокъ, дерева широко тѣнь свою мещутъ, гдѣ гладкіе дороги, удобные стези, гдѣ цвѣтами устланные сады, приносящіе всякаго рода плодовъ изобиліе. А другой предводитель пусть мало говоритъ, но правду, а именно: что большая часть дороги трудна, а самая малая удобна. И долженъ доброй путешественникъ такъ себя къ ней приготовить, чтобъ, гдѣ нужда потребуетъ, могъ трудъ понесть, и по пролитіи обильнаго пота получить упокоеніе. Которому изъ предлагающихъ сіе онъ повѣритъ, и коимъ путемъ шествовать вознамѣрится? Сочинителю сея басни отвѣчаю, что ежели бы былъ сей нещастливой человѣкъ подобенъ Сарданапалу, или Финикійскому Стратону, или Кипрскому Никоклу, или оному Сиваритянину; то бы по истинѣ одного изъ сихъ предводителей возненавидѣлъ, и почелъ бы его за необходительнаго, угрюмаго, ненавистника рода человѣческаго, а другаго за благосклоннаго, ласкаваго и весьма человѣколюбиваго. Позволимъ помянутому дорогому предводителю взять и повесть сего человѣка: не ввергнетъ ли онъ его въ огонь какъ Сарда-

напала? или въ убожество какъ Стратона? или въ оковы какъ Никокла? или въ другое какое нибудь нещастїе, котораго причиною бываетъ ложное увеселенїе. Ежели же онъ будетъ Иракліевымъ подражателемъ, то изберетъ себѣ другомъ прямаго предводителя такъ, какъ тотъ избралъ добродѣтель. Но время уже басню окончить, и оставя оную приступить къ намѣренїю и разсудить, чѣмъ разнствуетъ другъ отъ ласкателя. Камень, когда золото на немъ тереть станутъ, показываетъ отмѣну онаго отъ прочихъ металловъ; а для отдѣленїя дружбы отъ ласкательства гдѣ намъ взять оселку? Не почтемъ ли конецъ обоихъ за разнствїе? Но ежели конца ихъ ожидать будемъ, другой вредъ прежде, нежели мы оной узнаемъ, насъ постигнуть можетъ: ибо должны мы о вещахъ разсуждать прежде, нежели начнемъ употреблять оные. Ежели же послѣ употребленїя станетъ объ нихъ разсуждать тотъ, которой употребляетъ, и будетъ о томъ каяться, безполезнымъ можно назвать его разсужденїе. Не желаешъ ли, чтобъ я положилъ различїе между другомъ и ласкателемъ въ печали и радости? Но часто случается, что ласкатель въ самомъ боль-

шемъ

шемъ щастїи весьма скученъ, и несносенъ бываетъ; а другъ напротивъ того и при маломъ благополучїи приятенъ.

Не вредомъ ли ихъ и пользою другъ отъ друга опїличать надобно? Но и въ семъ великое я имѣю сомнѣнїе. Ибо ласкатель хотя вредъ кому и причиняетъ, то онъ ему или убытокъ въ имѣнїи здѣлаетъ; или въ роскошь его ввергнетъ. Убытокъ въ имѣнїи здѣлать вещь маловажна, а въ роскошь ввергнуть приятна. На противъ того многїе уже для дружбы и въ ссылку за своими приятелями слѣдовали; многїе безчестїя ихъ были участниками, многїе и смерть за нихъ претерпѣли. И такъ ежели ни въ концѣ; ни въ радости; ни во вредѣ разности между другомъ и ласкателемъ не находимъ; то въ чемъ намъ оную полагать должно? Того ради каждаго порознь разсмотримъ, и изслѣдуемъ, надобно ли того за друга почитать, которой насъ всегда веселитъ? Конечно такъ кажется. Ежели мы причиняющаго намъ печаль называемъ непрїятелемъ, то приносящаго намъ увеселенїе какъ не причтемъ къ числу приятелей? Однако сїе въ самомъ дѣлѣ инако. Для того, что и пекущїйся неусыпно о здравїи человѣческомъ

врачь , и воинской порядокъ строго наблюдающій полководецъ , и въ самыхъ малыхъ опасностяхъ весьма осторожной кормщикъ часто бываютъ неприятны. Любятъ и отцы дѣтей своихъ , и учители учениковъ. Но что скучнѣе быть можетъ иногда сыну отца , и ученику учителя ? Никто я думаю не будетъ сомнѣваться о томъ , что любилъ товарищей своихъ Одиссей , которой толь много бѣдствій претерпѣлъ , имѣя неусыпное стараніе о своемъ и товарищей своихъ въ отечество возвращеніи. Но когда онъ по случаю пріѣхалъ въ народъ невоздержной и сластолюбивой , которой жилъ по подобію скотовъ несмысленныхъ , питаяся Лотомъ меду подобнымъ [ибо такъ нѣгдѣ Омиръ называетъ сластолюбіе] ; и увидѣлъ , что товарищи его заразилися ихъ роскошью , и чуднаго онаго Лота сладости отвѣдали , то плачущихъ и нехотящихъ погналъ на корабль. Не таковъ Евримахъ между полюбовниками , но былъ онъ изъ числа тѣхъ , коихъ мы ласкателями называемъ , по тому , что онъ товарищамъ своимъ жирныхъ колоть свиней и козъ приказывая , дозволяетъ вино въ мѣстѣ пить непрестанно , и ночь съ рабынями провождать , домъ

цар-

царской пустошить, и всякïе хитростïя употреблять, какъ бы на его супругу любовные наложить оковы. Хочешь ли, однимъ словомъ сказать, оставя печаль и увеселенïе, порокъ почесть за знакъ ласкателя, а добродѣтель за знакъ друга? для того, что ни дружба безъ увеселенïя ни ласкательство не бываетъ безъ печали; одно съ другимъ смѣшено, и въ ласкательствѣ есть печаль и въ дружбѣ увеселенïе. Ибо матери и кормилицы дѣтей нѣжатъ, и воспитываютъ ихъ при всякомъ увеселенïи, но для сей причины сказать не льзя, чтобъ они ихъ не любили. Подаетъ наставленïе Агамемнонъ Менелаю говоря, чтобъ онъ всѣхъ почиталъ, и не превозносился; подумаетъ ли кто, что онъ его ласкательству обучаетъ. Одиссей, котораго море выкинуло на брега Феакïйскïе, вышедъ нагъ изъ пещеры, и узрѣвъ играющихъ дѣвицъ, узналъ Царевну, которую онъ сперва Артемидѣ, а по томъ прекрасному произращенïю уподобляетъ: и никто сего ради ласкателемъ не назоветъ Одиссея. По тому, что ласкатель отъ друга намѣренïемъ, употребленïемъ, и расположенïемъ душевнымъ отдѣляется. Наемникъ равномѣрно ору-

жіемъ дѣйствуетъ , какъ и для храбрости въ воинское званіе вступившій. И никто между ними разнствія въ ручномъ ихъ дѣйствіи не полагаетъ , но въ намѣреніи. Ибо одинъ изъ нихъ защищаетъ пріятеля для дружбы, а другой для всякаго продаетъ свою кожу. Одинъ изъ нихъ служитъ добровольно , а другой за мзду. Одинъ и союзникамъ своимъ вѣренъ , а другой и вступившимъ съ нимъ въ дружбу бываетъ не вѣренъ. Не иное такожде полагай разнствіе между ласкателемъ и другомъ , и почитай , что они часто тѣми же дѣлами и обхожденіемъ другъ на друга походятъ , а разнствуетъ одинъ отъ другаго употребленіемъ, намѣреніемъ и душевнымъ расположеніемъ. Ибо другъ , что онъ за добро почитаетъ , раздѣливъ съ товарищемъ , хотя оно печаль, хотя увеселеніе принесетъ , равное въ томъ съ нимъ имѣетъ участіе : а ласкатель послѣдуя своимъ страстямъ , располагаетъ свое обхожденіе по своей прибыли. Другъ желаетъ равнаго , а ласкатель своего собственнаго добра ищетъ. Одинъ хочетъ имѣть равную почесть въ добродѣтели , а другой первенства ищетъ въ сластолюбіи. Одинъ наблюдаетъ равенство въ обхожденіи , а дру-

а другой себя унижаетъ. Одинъ въ общемъ дѣлѣ праведенъ, а другой обманщикъ. Одинъ старается о будущей пользѣ, а другой о настоящей. Одинъ то, что здѣлалъ, тщится памяти предать, а другой коварство свое забвенію. Одинъ о вещахъ пріятельскихъ какъ объ общихъ имѣетъ попеченіе, а другой оные какъ чужіе расточаетъ. Другъ будучи участникомъ благополучія, малымъ довольствуется, а нещастіе терпитъ равномѣрно: напротивъ того ласкатель въ щастіи имѣя участіе, никогда насытиться не можетъ, а нещастія во все убѣгаетъ. Дружба похвалы, ласкательство хулы достойно. Взаимная дружба равное имѣетъ воздаяніе, а ласкательство не равное. Ибо есть ли кто въ какихъ вещахъ имѣетъ недостатокъ, и изобилующему оными въ своей нуждѣ показывая услуги взаимныхъ отъ него не приемлетъ, тотъ не равенство свое съ нимъ обличаетъ. Другъ нещастливъ незнаемъ, а ласкатель, когда его познаваютъ. Дружба испытуема утверждается, а ласкательство познаваемо исчезаетъ. Долготою времени дружба возрастаетъ, а ласкательство обличается. Дружба нужды ни въ чемъ не имѣетъ, ласкательство всегда чего

ни будь ищетъ. Ежели люди имѣютъ какое ни есть съ Богами сообщеніе, то человѣкъ благочестивый другъ Богу, а суевѣръ ласкатель Божій. И благочестивой для того, что другъ Божій, блаженъ, а суевѣръ не щастливъ. И какъ тотъ уповая на свою добродѣтель дерзновенно приступаетъ къ Богамъ, а сей уничиженно беззаконій ради трепещетъ, отчаяваяся и ужасаяся Боговъ какъ Тирановъ: такъ по моему мнѣнію и дружба между человѣками великую имѣетъ надежду и дерзновеніе, а ласкательство всякія надежды и дерзновенія лишается. У Тиранна нѣтъ ни единаго друга, а у Царя ни единаго ласкателя. Царство походитъ на божество, а не Тиранство. Когда дружество состоитъ въ равенствѣ нравовъ, то порокъ ни себѣ самому ни добродѣтели равенъ быть не можетъ. Честной честному пріятель, ибо они другъ другу равны, ласкатель у честнаго какъ можетъ быть ласкателемъ, когда утаить отъ него ласкательства своего не можетъ? А у беззаконнаго будучи ласкателемъ, ежели онъ ему равенъ, то уже не можно его называть ласкателемъ, для того, что въ ласкательствѣ нѣтъ равенства: ежели же ему

не

не равенъ , то и не другъ. Такъ и между правленіями Аристократическое дружбы , а Димократическое ласкательства преисполненно. Лучше правленіе Аристократическое Димократическаго. Не было въ Лакедемонѣ Клеона , ниже Ипервола , лукавыхъ ласкателей народа зараженнаго сластолюбіемъ. Но представлялъ на комедіи Евполидъ во время праздника Діонисова Каллія , человѣка безчиновнаго , которому на пиршествахъ ласкательствовали , гдѣ за ласкательство награжденіемъ были чаши , блудницы , и иные подлые , и безчестные роскоши : а самой народъ , которой Евполидовыхъ слушалъ расказовъ на которую комедію вывесть? на коемъ позорищѣ ? на коемъ Діонисовѣ торжествѣ представить ? Гдѣ осмѣять тѣхъ многихъ ласкателей , которымъ немалыя какія награжденія , до чрева только и похотей касающіеся , предлагаемы были , но всея Греціи бѣды и разореніе ? Ежели бы Аѳиняны оставивъ ласкателей повинновалися Периклу и Никіи , то бы имѣли народоначальниками не ласкателей но друговъ. Когда посмотришъ и на монаршеское правленіе , увидишъ , что ласкательствуетъ Ксерксу Мардоній , Варвару Варваръ , несмысленный

несмысленному, рабъ малодушный сластолюбивому Государю. Какія слѣдствія сего ласкательства? Разоряется Асія, море бичами бьется, Еллиспонтійскіе брега совокупляются, раскопывается гора Аѳонская. Конецъ же сихъ трудовъ? побѣда одержанная надъ ласкателемъ, побѣгъ его и смерть. Ласкательствуютъ и Македоняны Александру. Плоды ласкательства: Персидское платье, Варварскіе поклоны, и поколѣнья Ираклiева, Филиппова и Аргеадовъ забвеніе. О тиранствѣ что и говорить? Гдѣ власть господская, и страхъ угнѣтаетъ подданныхъ, тамъ должно ласканіе не обходимо процвѣтать, а дружба быть погребена. Видимъ мы такожде между науками и художествами ласкателей, видомъ имъ подобныхъ, а самою вещію неподобныхъ. Испортила ласкательствомъ своимъ людей ложная музыка, когда Дорiяны оставивши свое природное простое пѣніе, пасучи стадо и возлюбивши свирѣли и плясанія, растлили купно съ музыкою и добродѣтель. Обаяла людей ласкательствомъ своимъ и ложная врачебная наука, когда способъ врачеванія, Асклiемъ и подражателями его употребляемый оставивши, выдумали науку злыхъ

тѣлъ злую ласкательницу, которая ни чѣмъ отъ поваренной не разнствуетъ. Ласкательствуетъ и ябедникъ слышателямъ, а не витія, когда онъ доказательство къ доказательству собирая, на правдѣ неправду, на добродѣтели созидаетъ беззаконіе. Причиняя вредъ ласкательствомъ своимъ и суетной мудрецъ Философіи всѣхъ прочихъ ласкателей превосходитъ.

Переведъ съ Греческаго Н. М.

IV.

ПРИТЧИ и ЕПИГРАММЫ.

ПРИТЧИ.

I.

БЕЗНОГОЙ СОЛДАТЪ.

Солдатъ, которому въ войнѣ отшибли ноги,
Былъ отданъ въ монастырь, чтобъ тамъ кормить ево,
А служки были строги,
Для бѣднова сево.
Не могъ тамъ пищею нещастливый ласкаться,
И жи-

И жизни былъ не радъ.
Оставилъ монастырь безногой сей солдатъ :
Ногъ нѣтъ поползъ , и сталъ онъ по миру таскаться.
Я дѣло самое преважное имѣлъ ,
Желая чтобъ ни кто тогда не зашумѣлъ ,
Весь мозгъ , колико я ево имѣю въ шѣлѣ ,
Былъ въ етомъ дѣлѣ ,
И голова была пуста :
Солдатъ ползя съ пустымъ лукошкомъ ,
Ворчалъ передъ окошкомъ :
Дай милостинку кто мнѣ , для ради Христа:
Подайте ради Бога :
Я цѣлый день не ѣлъ , и наступаетъ ночь.
Я злился , и кричалъ : ползи негодной прочь ,
Куда лежитъ тебѣ дорога :
Давно тебѣ пора безногой умирать ,
Ползи , и не мѣшай мнѣ въ шахматы играть.
Ворчалъ солдатъ еще , но ужъ не предомною ,
Передъ купеческой ворчалъ солдатъ женою .
Я выглянулъ въ окно ,
Мнѣ стало то смѣшно ,
За что я сперьва злился ,
И на безногова я смотря веселился :
Ийти ко всенощной была тогда пора :
Купецкая жена была уже стара ,
И очень богомольна ,
Была вдова и деньгами довольна ;
Она съ покойникомъ въ подрядахъ кладъ нашла:
Молиться пѣша шла ;

Но не отъ бѣдности ; да что колико можно ,
Жила она набожно :
Всѣ дни , ей , пятница была и середа ,
И мяса въ десять лѣтъ не ѣла никогда :
Дни стри уже она не напивалась водки ,
А сверьхъ того всегда
Перебирала чотки :
Солдатъ и ей о пищѣ докучалъ ,
И то жъ ворчалъ :
Защекотило ей ево ворчанье въ ухѣ ,
И жалокъ былъ солдатъ набожной сей старухѣ ,
Прося чтобъ бѣдному полушку подала :
Заплакала вдова , и въ церковь побрела.
Работникъ цѣлый день копалъ изъ ряды ,
На огородѣ гряды ,
И вспрѣпившись нещастному сему ,
Что выработалъ онъ все отдалъ то ему.
Съ ползущимъ воиномъ работникъ сей свидѣтель ,
Въ какомъ презрѣніи прямая добродѣтель.

* * *

II.

ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ.

Съ лягушками войну здясь мыши начинали.
За что ?
И сами воины тово не знали ;
Когда жъ

Когда жъ не зналъ ни кшо ;
И мнѣ безвѣстно то.
То знали только въ мирѣ ,
У коихъ бороды поширѣ.
Затворникъ былъ у нихъ и жилъ въ Голландском сырѣ :
Ни что изъ свѣтскаго ему на умъ не йдетъ ;
Оставилъ на всегда онъ роскоши и свѣтъ.
Пришли къ нему двѣ мышки ;
И просятъ , ежели какія есть излишки ,
Въ имѣніи ево ,
Чтобъ подалъ имъ хотя немного изъ тово ,
И говорили : мы готовимся ко брани.
Онъ имъ отвѣчествовалъ , поднявши къ сердцу длани :
Мнѣ дѣла нѣтъ ни до чево :
Какія отъ меня друзья вы ждете дани ?
И какъ онъ то проговорилъ ,
Вздохнулъ и двери затворилъ.

* * *

III.

ЛЕВЪ и МЫШЬ.

Въ лѣсу гулялъ ужасный левъ :
Онъ мышь поймавъ разинулъ зѣвъ ;
И хочетъ бѣдну мышку скушать.
Изволь сударь меня послушать ,

Про-

Просила мышка , лапки сжавъ ,
Царя звѣрей , сама дрожавъ ;
Себѣ ты славы не прибавишъ ,
Когда зубами мышь раздавишъ ;
Какую можетъ то принесть ,
Тебѣ хвалу , какую честь ?
Не для того въ твоей мы власти ,
Чтобъ могъ ты дѣлать намъ напасти ;
Вить я тебя не повредю ?
А можетъ быть и услужу ,
Колико способа имѣю :
Внявъ левъ то сжалился надъ нею.
А мышкѣ только говорить :
Въ вѣкъ буду я благодарить :
Умножь твои судьбина лѣта !
Поймали скоро льва въ тенета :
Левъ помощи себѣ просилъ ,
Кричитъ колико было силъ :
И естьли бы дошло до взятокъ ;
Такъ левъ бы далъ рублевъ десятокъ ,
Чтобъ только свободиться лишъ.
Отколѣ ни взялася мышь :
Воспомянула данно слово :
Спросила : все ли ты здорово ,
Ко мнѣ щедроту возъимѣвъ ,
Еще живешъ почтенный левъ ?
Отвѣтствуетъ : я въ злой судьбинѣ ,
Свой вѣкъ окончить долженъ нынѣ.
Она сказала о себѣ :
А я своимъ должна тебѣ.

Пре-

Прогрызла сѣть и повредила ,
И льва отполь освободила.

* * *

ЕПИГРАММЫ.

1.

Которая лутче жизнь : въ златой ли птичкѣ клѣткѣ ,
Иль на зеленой вѣткѣ ?
Которыя стихи приятняе пекутъ !
Не тѣ ль , которыя приятностью влекутъ ,
И шествуя въ свободѣ ,
Въ прекрасной простотѣ ,
А не въ сіяющей притворной красотѣ ,
Послѣдуя природѣ ,
Безъ бремени одеждъ въ прелестной наготѣ ,
Не зная ни пустова звука ,
Ни не согласна стука ?
А къ етому большой потребенъ смыслъ и трудъ.
Иль тѣ которыя хоть разуму и дивны ,
Но естеству противны ?
Пузырь всегда пузырь , хоть пустъ , хотя надутъ.

*

2.

Безбожникъ ли иль суевѣръ ,
Зависитъ болѣе отъ ангела нечиста ?

Обѣихъ

Обѣихъ скаредству одинъ размѣръ ;
Но нѣтъ ни одного на свѣтѣ Атеиста ;
Такая чортомъ мысль еще не вложена :
А суевѣрами подсолнечна полна.

*

3.

Съ младенчества хотя бъ учился кто весь вѣкъ ,
Дуракъ не можетъ быть достойный человѣкъ :
И ежели чему безумецъ научится ;
Дурачество ево еще сильняй помчится.

*

4.

Во всю готовитъ жизнь имѣнїе скупой ,
И веселится лишъ пожитокъ числя свой :
Не тратитъ ни чево , по смерть живетъ убого ;
Чтобъ только при концѣ сказать : осталось много.

*

5.

На то лишъ бытїе пивое тебѣ дано ,
Чтобъ ты и день и ночь пилъ водку и вино :
Когда ни головы не жаль тебѣ ни глотки ;
Пожалуй пожалѣй мой другъ вина и водки.

*

6.

Безпересганно я горя въ любви стонаю ,
Прелестной красотой духъ сердце примаия :
Не знаю для чево не любишъ ты меня :
Ошибъ былъ : и сама я етова не знаю.

*

7.

Вчера свершился мой жена съ тобою бракъ :
Что я хотѣлъ найти, не здѣлалося такъ.
Жена ему на то : не тѣ ужъ нынѣ годы ,
Трудненько по найти , что вывелось изъ моды.

*

8.

Ты сказываешъ мнѣ , мой другъ , твоя жена ,
Съ тобою дѣвкою была сопряжена :
Не все ты мнѣ сказалъ , я молвлю безъ издѣвки;
Ты взялъ трехъ дѣвокъ вдругъ ; двѣ въ брюхѣ
были дѣвки.

*

9

Напрасно мужъ грустишъ, и сердемъ унываешъ ,
Что я люблю другихъ, вить ты не убываешъ :
Рабятокъ полонъ домъ : спокойся и нишкни;
Какая убыль то , когда не сѣй и жни.

*

10.

Танцовщикъ ты богатъ , Профессоръ ты убогъ;
Конечно голова въ почтеньи меньше ногъ.

* * *

А. С.

V. ДИ-

V.

ДИМОФИЛА

ВРАЧЕВАНІЕ ЖИТІЯ,

или

Подобія собранныя изъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей.

1.

Ласкательство подобно написанному на картинѣ оружію, которое служитъ только къ увеселенію, и ни къ чему другому не годится.

2. Ученіе подобно златому вѣнцу, ибо оно и честь приноситъ и пользу.

3. Какъ порожніе сосуды легко можно за рукояткы взявъ подъимать, такъ легкомысленныхъ людей за носъ водить.

4. Жизнь наша бываетъ пріятнѣе, когда ее строимъ такъ какъ мусикійское нѣкое орудіе, то есть, иногда натягиваемъ, а иногда опускаемъ.

5. Разсужденїе душѣ, какъ искусный ваятель кумиру, даетъ хорошій видъ.

6. Умъ мудрыхъ, какъ золото прочїе всѣ металлы перевѣшиваетъ.

7. И позолоченное оружїе, и хвастовство, не таково въ нутри, каково кажется съ наружи.

8. Краснорѣчїе подобно благоуханному миру; въ бѣдственномъ состоянїи оно насъ пользуетъ, а въ благополучномъ веселитъ.

9. Злобнаго человѣка и лихой собаки надобно больше беречься, когда молчитъ, нежели когда лаетъ.

10. Не должно дружеству предпочитать ласкательства, равно какъ ни наложницы законной женѣ.

11. Врали, какъ ласточки, беспрестаннымъ своимъ крикомъ сладость въ бесѣдахъ отъимаютъ.

12. На злыхъ, когда въ безбожїе впадутъ, а на безумныхъ и продерзкихъ, какъ состарѣются, Фурїи нападаютъ за прегрѣшенїя ихъ.

13. Умному человѣку должно отъити изъ сего свѣта съ такою благопристойностїю, съ какою отходимъ изъ пира.

14. Прибѣжище кораблю пристань, а жизни нашей дружество.

15. Отеческое наказанїе подобно засла-

елажденному лѣкарству, которое больше пользы приноситъ, нежели горести въ себѣ имѣетъ.

16. Честный человѣкъ, по примѣру искуснаго борца, долженъ всѣми силами сопротивляться противу борющемуся щастїю.

17. Умѣренность въ иждивеніи такъ, какъ не долгое и веселое путешествїе, имѣетъ въ себѣ великую приятность, а трудовъ не много.

18. Жестокихъ лошадей управляютъ уздою, а свирѣпые умы разумными представленїями.

19. Шутокъ какъ соли не надобно много употреблять.

20. Въ пору здѣланный сапогъ ноги не жметъ, такъ и жизнь пристойная твоему состоянїю никогда тебя въ печаль не введетъ.

21. Долгое платье тѣлу есть препятствїемъ, а излишнее богатство душѣ.

22. Бѣгающимъ въ запуски награжденїе за побѣду положено на предмѣтъ, а трудолюбивымъ преимущества разума ожидать должно на старость.

23. Тщащійся къ добродѣтели, какъ бы къ любезному своему отечеству достигнуть, долженъ страстей будто нѣкоторыхъ Сиринъ убѣгать.

24. Какъ пловущіе на безмятежномъ морѣ имѣютъ все въ готовности, для могущей приключитися бури; такъ и умные люди будучи въ благополучіи приуготовляютъ все, чтобы могло имъ помочь въ нещастіи.

25. Вымытое бѣлье, и вычищеное платье замарается опять отъ употребленія, а душа очистившись одинъ разъ отъ невѣжества, пребываетъ всегда чиста и свѣтла.

26. Бѣглые крѣпостные, хотя и никто за ними не гонится, боятся; подобнымъ образомъ безумные безпрестанно смущаются, хотя еще и не впали ни въ какія злополучія.

27. Богатство сребролюбивыхъ, такъ какъ солнце, которое уже подъ землю закатилось, никого изъ живущихъ на семъ свѣтѣ не увеселяетъ.

28. Земные плоды ежегодно только одинъ разъ у насъ произрастаютъ; а тѣ, которые дружество приноситъ, вездѣ и всегда, когда надобно, зрѣлы.

29. Искуснаго въ музыкѣ дѣло настроить всякой инструментъ, а ученаго человѣка со всякимъ согласовать.

30. Больнаго человѣка ударъ, а дурака гроза, никакой опасности насъ не подвергаетъ.

31. Подъ камзолъ рубашку обыкновенно надѣваютъ, а печаль должно подвергать разсужденію.

32. Кушанье, которое больной ѣстъ, а душа, которую имѣетъ безумный, очень непріятны.

33. Дѣти не умѣющіе читать не распознаваютъ буквъ, а неученыя люди дѣйствія одно съ другимъ смѣшиваютъ.

34. Умъ просвѣщенный Философскимъ знаніемъ подобенъ возницѣ; ибо онъ воздерживаетъ страсти наши, всегда оныя управляя къ доброму.

35. Временемъ полынь бываетъ слаще меду, а обстоятельства и нужда дѣлаютъ иногда, что непріятель предпочитается другу.

36. И искусный кормщикъ иногда претерпѣваетъ сокрушеніе корабля, и честный человѣкъ впадаетъ въ нещастіе.

37. Громъ паче всего устрашаетъ малыхъ ребятъ, а безумные пугаются грозъ.

38. Красота кумира состоитъ въ подобіи съ представляемымъ лицемъ, наше напротивъ того украшеніе состоитъ только въ дѣлахъ нашихъ.

39. Отъ несмысленнаго пріятеля принимать совѣтъ есть тоже, что изъ

золотаго стакана пить ядъ смертоносный.

40. Ласточки возвѣщаютъ намъ свѣтлое небо, и ясную погоду, а слова премудрыхъ предсказываютъ душевное безпечалїе.

41. Не столько сиротамъ сколько дуракамъ надобно опекуна.

42. Щастїе подобно неправедному подвигоположнику, который часто и таковыхъ, кои того не заслужили, вѣнцами награждаетъ.

43. Къ благополучному мореплаванїю искусный кормщикъ и вѣперъ способный, а къ щастливому препровожденїю жизни нашей просвѣщенный разумъ въ мѣстѣ со щастїемъ потребны.

44. Боязливые своимъ оружїемъ, а безумные собственнымъ богатствомъ пагубу себѣ причиняютъ.

45. Надежда основанная на пустыхъ мысляхъ подобна кораблю стоящему на слабомъ и легкомъ якорѣ.

46. Часто темныя облака солнце, а страсти помрачаютъ разумъ.

47. Золотая кровать никакой пользы больному не приноситъ, ниже великое благополучїе пользуетъ безумнаго.

48. Растворенное водою вино угашаетъ жаръ внутренній, а благосклонныя слова уполяютъ гнѣвъ.

49. Крѣпкое вино не годится къ утоленїю жажды, ни угрюмые обычаи къ обхожденїю.

50. Гнѣвъ обезьяны и грозу ласкателя за одно почитай.

51. Юность въ житїи семъ подобна первому дѣйствїю на комедїи: для того всякъ на ее прилѣжно смотритъ.

52. Записи за руками свидѣтелей вѣрнѣе, а дѣла передъ глазами всѣхъ творимыя суть славнѣе и безпорочнѣе.

53. Какъ перьвая отрасль дерева, такъ самыя перьвѣйшїя упражненїя молодаго человѣка показываютъ будущїй плодъ добродѣтели.

54. На пиршествахъ пріятенъ непьяница, а между честными людьми, не законопреступникъ.

55. Все равно змѣю питать, и злому человѣку благодѣтельствовать; ибо у обоихъ милость не раждаетъ благодарности и благосклонности.

56. Во время тихой погоды рѣдко корабль разбивается, а въ неразсужденїи человѣкъ часто погибаетъ.

57. Порожнїе мѣхи вѣтеръ надымаетъ, а безумныхъ мнѣнїе.

58 Упражняющимся въ тѣлесныхъ екзерцицїяхъ надобно смотрѣть, что бы не устать; такъ и въ благополучїи на-

ходящимся всѣми мѣрами отъ зависти беречься должно. Мѣра во всемъ есть самое лучшее дѣло, сказалъ нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ, котораго совѣту послѣдуя, и я окончу тутъ врачеваніе житія, любезнѣйшій и священнѣйшій Асклипіадъ.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

********†********

VI.

ІЕРОКЛОВЫ
ВЕСЕЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ.

1.

Схоластикъ пошедши купаться чуть не утонулъ, и для той причины онъ клятвенно обѣщался болѣе къ водѣ не прикасаться, пока плавать не научится.

2. Схоластикъ встрѣтившись съ пріятелемъ, началъ ему говорить: Увидѣвъ де во снѣ я тебя поздравлялъ. На что

что другъ ему отвѣчалъ : не погнѣвайся братецъ на меня за то, что я не слыхалъ.

3. Спрашивалъ о здравіи Схоластикъ посѣщая больнаго, но когда великая боль отвѣтствовать ему во вся ни чего не допускала, съ гнѣвомъ сталъ больному выговаривать : молчи дружокъ, я думаю, случится и мнѣ хворать : и какъ ты ко мнѣ прійдешъ, то вѣдай, что и ты отъ меня не услышишъ ни одного слова.

4. Продавалъ лошадь Схоластикъ, и когда нѣкто подошедъ хотѣлъ лѣта ея узнавать, то онъ ему сказалъ : что въ зубы ты глядишъ, развѣ не видишъ, что она жретъ, и ходитъ?

5. Схоластикъ встрѣтясь со врачемъ, прости меня государь мой говоритъ, и не гнѣвайся, пожалуй, на меня за то, что я болѣзни ни какой не имѣлъ.

6. Желая Схоластикъ поимать мышь, которая непрестанно книги ево глодала, взяьши кусокъ мяса, и сѣдши противъ книгъ началъ жевать.

7. Лошадь хотѣлъ научить Схоластикъ, чтобъ мало ѣла, не давалъ ей корму, и когда она съ голоду издохла, говорилъ : великой мнѣ здѣлался убытокъ,

токъ , ибо когда уже лошадь научилася не ѣсть , тогда и зубы оскалила.

8. Продаючи Схоластикъ дворъ , выломилъ изъ стѣны камень , и на показъ вездѣ оной носилъ , хваля что такіе у него хорошіе палаты.

9. Схоластикъ хотѣлъ вѣдать , каковъ онъ собою тогда какъ онъ спитъ , и для того ставъ передъ зеркаломъ и смотрѣлъ на себя зажмуривши глаза.

10. Купивши домъ Схоластикъ , и высунувъ голову въ окно , у мимоидущихъ спрашивалъ : добрые люди ! пожалуйте скажите , пристало ли мнѣ въ етомъ домѣ жить ?

11. Приснилося Схоластику , будто онъ на гвоздь наступилъ ; и представляя себѣ , что у него нога болитъ , къ оной пластырь приложилъ. А другой узнавши причину ему сказалъ : для чево ты безъ сапоговъ спишь.

12. Схоластикъ встрѣтясь съ лѣкаремъ , спрятался за уголъ , и какъ спросили его о причинѣ , то онъ отвѣтствовалъ , давно де я уже боленъ не бывалъ , и для того стыдно мнѣ показаться лѣкарю.

13. Купецъ сказалъ Схоластику , что рѣка поле его затопила , который въ отвѣтъ ему сказалъ , чтожъ мнѣ говорить ?

14.

14. Схоластикъ имѣвши бочонокъ вина, запечаталъ. А какъ слуга провертѣвъ искусно съ низу скважину оное выточилъ, то онъ удивлялся тому, что печать цѣла а вино убыло. И когда другой ему говорилъ: посмотри, не выточилъ ли кто ни будь съ низу, то онъ отвѣчалъ: какъ братъ ты глупъ, развѣ ты не видишъ, что съ верьху, а не съ низу убыло.

15. На деревѣ увидѣлъ Схоластикъ воробьевъ, тихонько подшедши пазуху распространилъ, и началъ трясти дерево, думая, что онъ ихъ поимать можетъ.

16. Вышедши погулять Схоластикъ въ своемъ селѣ, спрашивалъ, хорошо ли пить изъ тамошняго колодезя, и когда ему сказано, что хорошо, ибо и родители его изъ того же пивали; ба ба ба ба, говорилъ онъ, какіе они были долгошѣи, что такъ глубоко доставать могли!

17. Въ стрѣчу попавшися Схоластикъ Схоластику началъ говорить: слышалъ де я, что ты умеръ. И когда другой на то ему отвѣчалъ, однако де ты видишъ, что я еще живъ, то онъ опять доказывать сталъ: тотъ де, который мнѣ о семъ сказалъ, гораздо достовѣрнѣе тебя.

18. Услышавши Схоластикъ что воронъ больше двухъ сотъ лѣтъ живетъ, купивши одного для опыту кормилъ.

19. Случилося, что буря разбила корабль, и всѣ ѣдущіе въ немъ хватались за такія вещи, на которыхъ бы могли выплыть, а Схоластикъ якорь ухватилъ.

20. Одинъ изъ двоень умеръ, и когда Схоластику другой попался въ спрѣчу, то онъ у него спросилъ: ты ли дорогой мой умеръ, или братецъ твой.

21. При разбитіи корабля спросилъ Схоластикъ бумаги, чтобъ духовную написать, и увидѣвши своихъ слугъ, что они для настоящей бѣды въ превеликой печали, говорилъ имъ, ребята не будьте такъ печальны, ибо я всѣхъ теперь на волю отпускаю.

22. Желая Схоластикъ поѣхать за рѣку, вѣхалъ въ судно верьхомъ, и какъ стали его о причинѣ спрашивать, то онъ отвѣчалъ, я де поспѣшаю.

23. Не имѣя денегъ Схоластикъ, продавалъ свои книги, и пишучи письмо къ отцу говорилъ: батюшка! радуйся и поздравляй меня, ибо я уже отъ книгъ пропитаніе имѣю.

24. Умеръ у Схоластика маленькой сынокъ, а онъ увидѣвши, что множе-

ство

ство народа собралось, говорилъ: весьма мнѣ стыдно такого малаго младенца толь великому собранїю показать.

25. Схоластиковъ сынъ, котораго отецъ на войну отправлялъ, обѣщалъ непріятельскую голову съ собою привесть; на что ему отецъ его отвѣтствовалъ: я желаю и безъ головы возвратившагося тебя только въ добромъ здравїи видѣть и радоваться.

26. Пріятель Схоластику жившему въ Грецїи написалъ, чтобъ онъ ему купилъ нѣсколько книгъ; но онъ сїе пренебрегши, и по прошествїи довольнаго времени съ нимъ увидѣвшись говорилъ: письма, государь мой, которое ты ко мнѣ о книгахъ писалъ, я не получилъ.

27. Схоластикъ, плѣшивой и цырюльникъ, вмѣстѣ будучи въ дорогѣ согласились четыре часа по перемѣнкамъ стоять на караулѣ. И такъ по жеребью досталось напередъ цырюльнику стоять на часахъ, который потихоньку поднимая Схоластика, голову ему наголо выбрилъ, и по прошествїи опредѣленныхъ часовъ разбудилъ. А онъ со сна почесавши себѣ голову, и увидѣвши что она гола, закричалъ: самой плутъ и непотребной человѣкъ цырюльникъ,

для того что ошибшися вмѣсто меня плѣшиваго разбудилъ

Переводилъ съ Греческаго Н. М.

VII.

ИДИЛЛІИ.

ИЗЪ ВІОНА

ИДИЛЛІЯ II.

СТрѣлокъ еще мальчикъ въ густомъ лѣсу ловя птицъ увидѣлъ отвращающаго Ерота, которой сидѣлъ на буковой вѣшьви; и только лишъ его примѣтилъ, обрадовался; что птица такъ великая ему попалась. Сложивъ всѣ стрѣлы вмѣстѣ, сколько у него ни было, прилѣжно смотрѣлъ на Ерота; а онъ туда и сюда перескакивалъ. По томъ мальчикъ осердясь, что успѣха ему въ томъ не было, бросивъ стрѣлы, пошелъ къ старику, которой въ близи пахалъ землю, и который училъ его стрѣ-

стрѣлять, и разсказалъ ему все, показалъ и Ерота сидящаго на деревѣ. А старикъ улыбнулся, покачалъ головою, и отвѣтствовалъ мальчику: Не лови и не подходи къ етой птицѣ, бѣги отъ нее далеко; злой ето звѣрь. Щастливъ ты будешь, покамѣсть его не поймаешь. А когда взростешь большой, то сей, которой теперь отъ тебя уходитъ и отлетываетъ, самъ собою нечаянно прийдетъ къ тебѣ, и на голову у тебя сядетъ.

ИДИЛЛІЯ III.

ВЕликая Богиня Киприда явилась мнѣ во снѣ: она прекрасною своею рукою вела маленькаго Ерота, который глазами въ землю смотрѣлъ, и сказала мнѣ сіи слова: возми любезной пастухъ сего Ерота, и учи мнѣ его пѣть. Сіе сказавъ отошла; а я безразсудный сколько ни умѣлъ пастушьихъ пѣсней, училъ тѣмъ и Ерота, будто бы и онъ ихъ хотѣлъ выучить. Какъ Панъ сыскалъ свирѣль, какъ Аѳина дудку, какъ Ермій лютню, и гусли сладкій Аполлонъ. Сему я его училъ; а онъ рѣчей моихъ не внималъ, но самъ пѣлъ мнѣ любовныя пѣсни, и меня обучалъ любви Боговъ и людей, и дѣламъ матери своей. И такъ я позабылъ все, чему училъ

Ерота, а въ чемъ меня Еротъ наставлялъ, то все перенялъ.

ИДИЛЛІЯ IV.

МУзы дикаго Ерота не боятся, сердечно его любятъ, и за нимъ вездѣ слѣдомъ ходятъ; и ежели кто не имѣя любовной души имъ послѣдуетъ, отъ того они убѣгаютъ, и не хотятъ его учить: а естьли кто любовью волнуяся поетъ сладко, къ тому съ поспѣшностію всѣ стекаются. А что сіе самая истинна, тому я самъ свидѣтель. Естьли тщуся кому изъ смертныхъ или безсмертныхъ пѣснь здѣлать, то языкъ мой коснѣетъ, и не такъ поетъ какъ прежде, а ежели о любви и о Ликидѣ что нибудь воспѣваю, тогда сладкая пѣснь раждается въ устахъ моихъ.

ИЗЪ МОСХА ВУКОЛИЧЕСКАГО СТИХОТВОРЦА

ИДИЛЛІЯ I.

Еротъ бѣглецъ.

КИприда сына своего Ерота долго искала, и вопила: естьли кто видѣлъ на распутіяхъ блудящаго Ерота: онъ мой бѣглецъ. Кто объявитъ, гдѣ онъ, тотъ

тотъ получитъ награжденіе. Награжденіе тебѣ, другъ мой, будетъ Кипридинъ поцѣлуй: а естьли его ко мнѣ приведешъ, то не пустой поцѣлуй; но большее еще награжденіе дано тебѣ будетъ. Мальчикъ мой очень примѣтенъ, между двадцатью другими легко его узнаешъ. Тѣломъ онъ не бѣлъ, и подобенъ огню; глаза у него быстры, и пылающи; злыя мысли, но сладкія слова; не то онъ думаетъ, что говоритъ; голосъ сладокъ какъ медъ. Когда гнѣвается, сердце его не укротимо и коварно. Нѣтъ въ немъ правды; лестное дитя, шутки его жестоки. Прекрасные на главѣ власы, и дерзкое лице. Маленькіе у него ручки, но далеко бросаетъ стрѣлы. Бросаетъ стрѣлы и въ Ахеронтъ, на самаго подземнаго Царя. Нагъ тѣломъ, но мысль у него сокровенна. Крилатый какъ птица, съ однихъ перелетываетъ на другихъ, на мужей равно и женъ, а садится въ самыхъ внутренностяхъ груди. Лукъ имѣетъ очень малой, и на лукѣ стрѣлу. Маленькая у него стрѣла, но мчится даже до небесъ. Золотой на раменахъ колчанчикъ, а внутри горькія трости, которыми часто и меня уязвляетъ. Все у него суровое, все: а паче

всего не большая свѣча, которою онъ и самое возжигаетъ Солнце. Когда ты его поймаешъ, связавъ веди, и не помилуй. Хотя и плачущаго увидишъ, берегись, чтобъ онъ тебя не обманулъ. Хотя будетъ смѣяться, ты его влеки. И ежели захочетъ тебя поцѣловать; бѣги: вредное цѣлованіе, и въ устахъ его ядъ. А ежели скажетъ, возми сіе у меня оружіе, я тебѣ дарую, не прикасайся: льстивые дары. Ибо все то въ огнѣ омочено.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

VIII.

ЕКЛОГИ.

I.

ЛИКАСТЪ.

Ликастъ любить начавъ, Красту говорилъ;
Когда подъ тѣнію древесъ онъ съ нимъ ходилъ:
Исполнилось мой другъ твое предвозвѣщанье,
И премѣнилося со всѣмъ мое желанье.

Прошлая

Прошли тѣ дни , какъ я свободу почиталъ ,
И красоту дѣвицъ съ любовью презиралъ.
Я бросилъ нынѣ лукъ , я бросилъ нынѣ уду :
Ни рыбы ужъ ловить , ни птицъ стрѣлять не буду.
Не стану за звѣрьми гоняться по лѣсамъ ;
Прикованъ нынѣ я къ пастушкинымъ очамъ.
Эрастъ желалъ познать порядочно то дѣло ,
И чье ево лице воспламенить умѣло.
Аникастъ о скромности Эраста твердо зналъ ,
И таинство свое вѣрять надежно сталъ :
Ты знаешъ , говорилъ , прекрасну Антиклею ,
Моя холодна кровь разженна стала ею.
Я ласку отъ нея сталъ видѣть ужъ давно ;
Но было ласку зря мнѣ сперьва все равно ,
Суровъ ли былъ ея поступокъ иль привѣтливъ.
Но вдругъ не знаю какъ , я больше сталъ примѣтливъ ,
Пастушкинѣ на себя взоръ частый примѣчалъ ,
И услаждался глаза ея встрѣчалъ.
Я чувствовалъ по томъ, что кровь моя заплѣлась:
Какъ въ очи пристально ей зрѣлъ , она красивѣлась ,
И опуская зракъ , лучъ серца моево ,
Задумывалася , не знаю , отъ чево ;
По семъ по вечерамъ дней тихія погоды ,
Когда сходилися пастушки въ короводы ,
Я больше воображалъ себѣ ея красу ,
И чаще съ нею бывъ влюблялся отчасу.
И пѣнїе ея мнѣ нравилось и пляска ,

Взглядъ былъ ея все чивъ, и умножалась ласка.
Она по всякой часъ мою питала страсть.
Отъемля у меня надъ сердцемъ прежню власть,
Въ послѣдокъ красотой я такъ ея прельстился,
Что больше безъ нея ни чѣмъ не веселился ;
Но мукъ любви тогда въ себѣ не ощущалъ ,
Желая быть ей милъ , имѣлъ, чево желалъ :
Осталось только мнѣ открыти то словами ,
О чемъ я ей вѣщалъ разъ тысячу глазами.
Но какъ ей нѣкогда любовь свою сказалъ ,
Я всю свою тогда надежду потерялъ.
Она сказала мнѣ я етому не вѣрю,
А какъ я клялся ей , что я не лицемѣрю ,
Она внимала то ; я мнилъ себѣ маня ,
Имѣшь себѣ въ отвѣтъ , что любитъ и меня.
Я зрѣлъ, что слушала она тѣ рѣчи внятно ,
И мнилъ, что было ей внимати ихъ приятно.
Но вся утѣха мнѣ въ тотъ ею часъ была ,
Что клятвы выслушавъ какъ мнѣ она мила ,
Отвѣта мнѣ не давъ пошла, и не простилась.
О какъ въ ночь дня того душа моя мутилась !
Смѣялся прежде я , кто въ страсти былъ такой ,
И все то я въ ту ночь увидѣлъ надъ собой.
Зрѣлъ прежде я съ береговъ, какъ море волновалось ,
Но вдругъ и подомной оно возбунтовалось.
Смѣшно мнѣ было зрѣть , коль кто въ любви тонулъ ;
Но

Но самъ, тогда, я самъ стократно воздохнулъ.
Какъ лѣтняя свѣтлость дня бываетъ вдругъ ненастьемъ,
Любовь моя бѣдой мнѣ стала, бывши щастьемъ.
По утру покидалъ не спавъ я свой шалашъ.
Всю ночь была въ умѣ она, и въ день она жъ.
Какъ вы багряныя Авроры всходъ играли,
И изъ загоновъ въ лугъ скотину выгоняли;
Моя скотина мнѣ престала быть мила,
И праздная свирѣль ненадобна была.
Не видѣлъ ни чево приятнаго я болѣ,
И овцы ужъ мои шли безъ порядка въ поле.
Въ несносной я тоскѣ весь день препровождалъ,
Поить, на брегъ рѣки, скотины не гонялъ.
Погода лѣтняя меня не веселила,
Страсть, мысли всѣ отбивъ, едину мысль вселила,
Которая одна безъ многихъ тяжкихъ думъ,
Толь тягостна была, что мяла весь мой умъ.
Пастушка мя узрѣвъ печаль мою зря ясно,
Приближилась сказать, что я грущу напрасно,
И утверждая то, сію вѣщала рѣчь:
Коль младость возмогла въ Ликастѣ кровь разжечь,
А серце кажется мое тебѣ быть злобно;
Тебѣ и безъ меня любиться стать удобно.
Я здѣлала, что страсть твоя тебѣ вредна.
Тщись быть любимъ иной, здѣсь я вить не одна.
Колико много дней бываетъ въ лѣтѣ ясныхъ,

Толь много на лугахъ сихъ дѣвушекъ прекрасныхъ.
Сыщи такую ты, кто бъ кровь твою зажгла,
И многія бы дни владѣть тобой могла.
Чтобъ долго зрѣніе и страсть твою питало,
Ты видишъ, что къ тому мое пригожство мало.
Я часто на себя въ источники гляжу;
Того достоинства въ себѣ не нахожу,
Которо бъ серце чье на долго распалило.
Не знаю, чѣмъ мое лицо тебя прельстило.
Когда тебѣ мила немножко стала я;
Не отнимай Ликастъ свободы моея.
Не дай мнѣ слѣдствіемъ познати грусти люты,
И горькій здѣлать вѣкъ изъ радостной минуты.
Не возмогу къ себѣ измѣны я снести,
И потерявъ тебя съ другимъ любовь свесити.
Я серца ни кому еще не отдавала.
Тебѣ лишъ одному привѣтство я казала,
Не мня, чтобъ тѣмъ тебѣ любовну мысль подать;
Я дружбы, не любви старалася искать,
Что мысли нѣжныя одна любовь вселяетъ,
Недавно слабое мое то серце знаетъ.
Не знала я сама, что я къ любви текла,
И что не къ дружеству; но къ ней мя страсть влекла.
Когда о птички вы другъ друга цаловали,
И пѣсни на кустахъ веселы воспѣвали,
Что сладость есть въ любви, не вѣрила я вамъ,
И не былъ милъ ни кто тогда моимъ глазамъ.
Но нынѣ ужъ мои не такъ свободны очи,

Не такъ забавны дни ! не такъ прохладны ночи.
Уже разрушился мой нѣсколько покой,
Но радости себѣ еще не вижу той ,
Котору на древахъ вы часто прославляли :
Иль воспѣвающи вы все по птички лгали ?
Повѣрь , вѣщалъ я ей, драгая пѣснямъ симъ,
Повѣрь дражайшая, повѣрь словамъ моимъ ,
Что въ истинной любви веселостей довольно;
Не весело еще то серце кое вольно
Не вѣрь себѣ, что ты не столько хороша ,
Какъ чтятъ тебя здѣсь всѣ , и чтитъ моя
душа.
Краса твоя , что толь меня безмѣрно мучитъ,
Клянусь, что никогда Дикасту не наскучитъ.
Клянуся : естьли я къ тебѣ перемѣнюсь,
Пусть жизни я тогда пастушеской лишусь ,
Не буду зрѣть полей, и къ пущей мнѣ досадѣ,
Пускай я буду жить по саму смерть во градѣ.
По сихъ словахъ моя жизнь нова зачалась ,
Услышавъ клятвы тѣ , пастушка мнѣ здалась.
Съ тѣхъ дней о вольности ужъ я не сожалѣю,
И таю веселясь любовницей своею.

* * *

II.

ДАФНИСЪ.

ДЕльфира нѣкогда подружкѣ открывала,
Съ которой въ дружествѣ Дельфира пребывала,
Все таинство души, и серца сильну страсть,
И какову надъ ней любовь приняла власть:
Ты такъ какъ я млада, въ одни со мною лѣты,
Но я не отреклась принять твои совѣты,
Какъ Дафнисъ въ сихъ лугахъ Дельфиру полюбилъ,
И взоръ мой на себя подобно обратилъ.
Чтобъ мнѣ, когда хочу любви супротивляться,
Присутствія его конечно удаляться.
Покинь сіи мѣста, покинь твердила мнѣ,
И обрати глаза къ другой отселъ странѣ.
Я въ тотъ же день съ тобой при вечерѣ простилась,
И съ плачемъ сихъ луговъ насильно отлучилась,
Во всю грустила ночь, минуты не спала,
Какое множество я слезъ тогда лила!
Предвѣстница лучей прекраснаго свѣтила,
Во всей своей красѣ на небо восходила,
Означились луга подъ тысячьми цвѣтовъ,
И рѣки хрусталемъ между своихъ бреговъ.
Воспѣли Нимфы пѣснь, приятняй всякой лиры,
Спалъ слышенъ птичій гласъ и вѣяли Зефиры:
Я мѣсто таково къ убѣжищу взяла,
Что кажется его природа избрала,

Чтобъ

Чтобъ показать свои сокровищи всѣ разомъ,
И можно бъ было вдругъ ихъ всѣ окинуть глазомъ.
Тутъ рощи, тутъ лѣски, тутъ множество пещеръ,
Тьма розъ, и тьма лилей, красотъ твоихъ примѣръ:
И естьли бъ ты когда то мѣсто посмотрѣла,
То бъ ты конечно быть тутъ вѣчно захотѣла.
Когда бы было тамъ довольняе луговъ,
Взманило бъ паство то всѣхъ нашихъ пастуховъ.
Пастушки бъ тамъ убранствъ довольняе сыскали,
И прелести бъ еще пригожствамъ придавали.
Но всѣ тѣ ахъ! мѣста, и всѣ ихъ красоты,
Сіи древа, сіи струи, сіи цвѣты,
Источники, ключи, и все, что тутъ ни было,
Безъ Дафниса, мой свѣтъ, казалося не мило,
И вмѣсто чтобъ привесть къ покою смутный духъ,
Твердило ахъ! когда бъ былъ здѣсь, былъ твой пастухъ.
Въ какомъ бы щастіи ты дни препровождала,
Въ сихъ рощахъ, ты бы съ нимъ по вечерамъ гуляла.
Тамъ, ходя бъ вмѣстѣ съ нимъ цвѣты себѣ рвала,
И изъ своихъ бы рукъ пучокъ ему дала.
Въ пещерахъ бы сихъ съ нимъ въ полудни отдыхала,
И ягодъ бы набравъ ему ихъ ѣсть давала.
Нѣтъ тутъ отрады мнѣ, пошла со стадомъ въ лѣсъ,

И

И погнала овецъ подъ тѣнь густыхъ древесъ.
Уже свѣтило дня на высотѣ стояло,
И раскаленный лучъ уже распространяло,
Увы! но и туда безъ пользы я пришла,
Такую же я мысль и тамъ себѣ нашла;
Мнѣ Дафниса лѣса подобно вспоминали,
И зракъ ево, очамъ повсюду представляли.
Я видѣла ево имуща лукъ въ рукахъ,
Какъ часто видѣла я здѣсь ево въ лѣсахъ.
Отъ Дафниса летятъ опѣ древа къ древу птицы,
За Дафнисомъ бѣгутъ три красныя дѣвицы:
Казалося, что онъ Аминту цаловалъ,
Флоризу дудочкой своей увеселялъ,
Съ Ирисою отъ нихъ между кустовъ скрывался,
А мой смятенный духъ отъ ревности терзался.
Отъ страсти я къ нему въ младенчествѣ была
И баснь изъ ничего въ умѣ себѣ сплела.
Ихъ только красота была тому причиной,
Хотъ не былъ онъ прельщенъ изъ нихъ и ни единой.
Мнѣ сей единый день такъ дологъ былъ какъ годъ.
Какъ низкой брегъ морской валы шумящихъ водъ,
По низлїянїи безводенъ оставляютъ,
И на него по томъ съ стремленїемъ взливаютъ:
Въ премѣнѣ таковой былъ мой смятенный умъ,
То гналъ, то возвращалъ любовныхъ муку думъ:
А я и въ самую легчайшу мнѣ минуту,
Въ котору побѣждать казалось мнѣ мысль люту,
Когда я чаяла свободу получать,

Была

Была принуждена о Дафнисѣ вздыхать.
Ни на единый мигъ любовь не отлучалась,
И только тѣнь одна свободы мнѣ казалась.
Въ послѣдокъ страсть со всѣмъ мой умъ пре-
возмогла:
Природа надомной власть полную взяла.
Что жъ было учинить съ собою надлежало?
Необходимо то, что серце предприяло.
Противиться ему разсудокъ мой былъ слабъ,
Сталъ немощенъ со всѣмъ, сталъ страстну
серцу рабъ,
И возвратилъ меня страдающу отполѣ.
Узрѣвши Дафниса пришедъ на ваше поле,
Когда онъ въ сихъ водахъ овецъ своихъ поилъ,
И жалостную пѣснь въ свирѣль свою гласилъ,
Я съ стадомъ при брегахъ рѣки остановилась,
Поила скотъ, сама въ рѣчныхъ потокахъ мылась.
Не жажда на умѣ скота въ тотъ часъ была,
Не пыль меня лицо омыти завела;
Я шла туда, хотя должна была и рдѣться,
Чтобъ тутъ на пастуха довольно наглядѣться:
Гдѣ, спрашивалъ пастухъ, была Дельфира ты,
Ахъ! гдѣ ты цѣлый день скрывала красоты.
Всѣ наши безъ тебя луга осиротѣли,
И птички рощей сихъ уже печально пѣли.
А мнѣ казалося, когда Дельфиры нѣтъ,
Что солнце отъ очей моихъ скрываетъ свѣтъ.
Что было отвѣчать? я слыша то молчала,
И кроя жаръ любви ему не отвѣчала.
Онъ мнѣ разказывалъ какъ любитъ онъ меня,

И что

И что несклонность зря онъ сѣтуетъ стеня,
Что въ сердце я ему страсть люпу положила
И что въ терпѣнїи ево преходитъ сила.
Не отвѣчала я и на сїи слова,
Меня пересмѣетъ, мнѣ мнилось и трава,
Струи источниковъ, деревья и кусточки,
Пушистыя цвѣты и маленьки цвѣточки,
Когда я Дафнису отвѣтъ желанный далъ:
Я взоры отвративъ смотрѣла все къ овцамъ:
Стыдъ образъ мой багрилъ: что дѣлать я не знала;
Молчала; только страсть мой пламень показала.
Познавъ мою любовь, пастухъ смѣляе сталъ,
И руки въ руки взявъ Дельфиру цаловалъ.
Изъ Дафнисовыхъ рукъ, я руки вырывала;
Но губъ своихъ, отъ губъ ево, не отвращала.
Когда жъ поступокъ мой со всѣмъ любовь открылъ;
Такъ то мой жаръ по томъ и словомъ утвердилъ.

* * *

А. С.

IX.

ЕЛЕГІИ.

I.

Узрѣвъ твой нѣжный взоръ я вольности лишился,
И мой свободный вѣкъ со всѣмъ перемѣнился.
Не

Не вижу я ни гдѣ отрады ни какой ,
Сокрылся , на всегда , сокрылся мой покой.
Твой взоръ во всѣхъ мѣстахъ я вижу предъ собою;
Я сердцемъ , мыслію , мой свѣтъ , вездѣ съ тобою.
Какимъ мученіемъ терзался я въ тотъ часъ ,
Когда злой рокъ унесъ , и скрылъ тебя отъ глазъ !
Я весь вострепеталъ , всѣ чувства цепенѣли ,
Вся стыла кровь во мнѣ , всѣ члены каменѣли.
Взростаетъ день отъ дня жестока страсть любви,
И умножаетъ жаръ мой день отъ дня въ крови.
Не льзя изобразить , какъ я тобой страдаю :
Я больше жизніи своей не обладаю :
Я мучусь на яву , я мучуся во снѣ ;
Воспомяни меня и пожалѣй о мнѣ !

Василій Нарышкинъ.

II.

Престанетъ ли моей докукой услаждаться!
Могу ли я когда любви твоей дождаться ?
Я день и ночь горю , я мучуся любя ,
И гдѣ бы я ни былъ , мнѣ скучно безъ тебя.
Всегда зрю тѣнь твою и въ страсти осязаю ,
И всякой часъ тебя я въ мысли лобызаю.
Со взоромъ мысль моя твоимъ сопряжена :
Неисходимо ты мнѣ въ сердце вложена.
Мнѣ твой прелестенъ видъ , прелестны разговоры ,
И все влечетъ мои къ тебѣ драгая взоры.
Къ нещастію тебя , суровая , спознавъ ;

Лишился

Лишился я тобой спокойства и забавъ.
Я сердца твоего смягчить не уповаю,
Тревожусь и мятусь, грущу и унываю;
Я время мысли умъ и все тобой гублю.
Скажи драгая мнѣ: и я тебя люблю.

А. С.

* * *

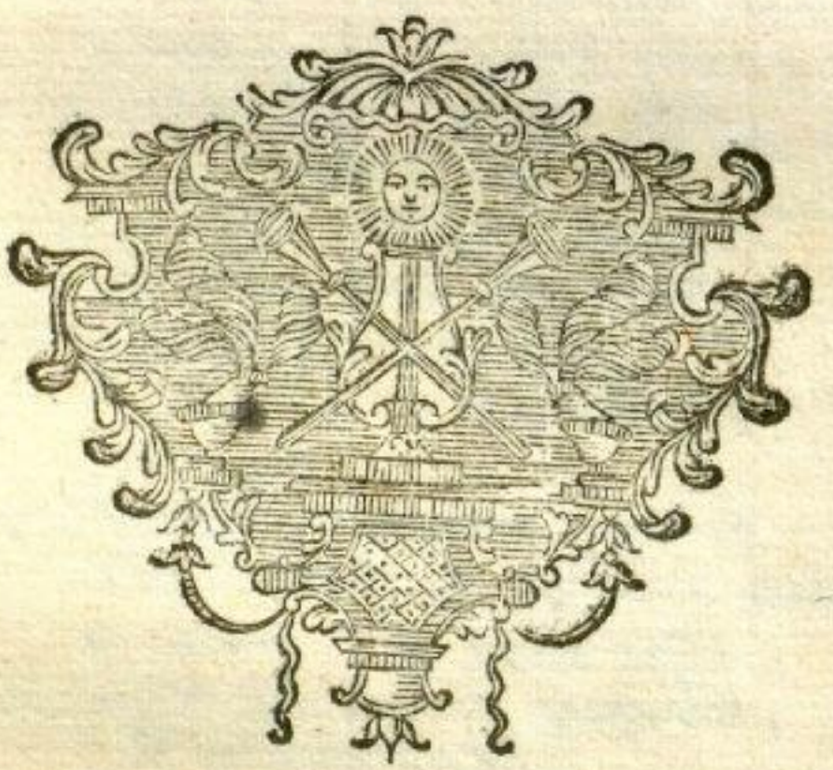
Оглавленїе.

		стран.
I.	Псалмы и Молитва. - - - -	387
II.	Продикова Аллигорїя объ Иракліи.	392
III.	Максима Тирскаго разсужденїе IV.	399
IV.	Притчи и Епиграммы. - - -	411
V.	Димофила Врачеванїе житїя. - -	419
VI.	Іерокловы Веселые замыслы. - -	426
VII.	Идиллїи. - - - - - - - - -	432
VIII.	Еклоги. - - - - - - - - -	436
IX.	Елегїи. - - - - - - - - -	446

(o)

ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА.

Августъ 1759 года.



Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

МОЛИТВА и ПСАЛМЫ.

ОТЧЕ НАШЪ.

Отче нашъ, небесный Царь,
Коему подвластна вся на свѣтѣ тварь,
Коему послушна суша, море, рѣки,
Горы и лѣса,
Сонце и Луна, звѣзды, небеса,
Да твое святится Боже имя въ вѣки,
Да приидетъ царствїе твое,
И въ твоей да будетъ волѣ,
Все селенїе сїе,
И тебя увидитъ на твоемъ престолѣ.
Хлѣбъ насущный дай намъ днесь,
И оставь намъ долги здѣсь,
Яко мы своихъ должниковъ прощаемъ,
И не отомщаемъ:
Отъ искуса охраняй всякъ часъ,
И отъ зла избави насъ!

* * *

ПСАЛМЫ

Псаломъ XLVII.

Великъ Господь во градѣ Бога,
И на горѣ его святой.
Гора Сіонска красотой,
Среди сіянья многа,
Взирающихъ доволя взглядъ,
Увеселяетъ очи:
Къ странѣ полночи,
Стоитъ Царя велика градъ.

*

Чертогамъ города извѣсно,
Что защищаетъ ихъ правленіе небесно:
Цари собравшися ко граду подошли,
Великолѣпіе въ стѣнахъ его нашли,
И страхомъ пораженны стали:
Подобіемъ жены родящей встрепетали.

*

Межъ водныхъ, Боже, нѣдръ,
Тобою корабли губитъ восточный вѣтръ.

*

Какъ слышали о семъ мы градѣ,
Таковъ сей градъ и зримъ:
Тебѣ Ерусалимъ,
Владыко силъ готовъ во вѣкъ въ отрадѣ.

*

Ждемъ милости мы къ намъ:
Во твой вшедъ, Боже, храмъ.

*

Ве-

Велика власть твоя, о Боже! и держава:
И на концахъ земли твоя пространна слава:
Вездѣ гремитъ она,
Десница истинны полна.

*

Въ веселіи ты будь гора Сіонска зрима,
И дщери радуйтесь Ерусалима!

*

Ступайте вкругъ горы, Сіонъ объяти весь,
Исчислите колико башенъ здѣсь,
Къ стѣнамъ его труды подайте многи,
Возвысите его чертоги,
И прилѣжите днесь;
Дабы хвалы претромки,
Услышали о томъ потомки,
И всякой вѣдалъ человѣкъ,
Что Богъ сей есть Богъ нашъ и нынѣ и во вѣкъ.

* * *

ПСАЛОМЪ LI.

Смертный ядъ нося въ утробѣ,
Не хвались Тираннъ во злобѣ,
Беззаконствуя всегда.
Ты невинности въ ловитву,
Изострилъ языкъ какъ бритву,
Ради общаго вреда.

*

Злобу только въ сердцѣ видишъ,
Благостыню ненавидишъ:
Ты неправду возростивъ,

Добродѣтель отметаешъ :
Рѣчи лживо соплетаешъ :
Тщетенъ твой языкъ и льстивъ.

*

Льстецъ и истинны предатель !
За сїе тебя создатель ,
Отлучитъ отъ селъ твоихъ :
За безчеловѣчно дѣло ,
Разрушитъ , восторгнетъ тѣло ,
Свержетъ отъ земли живыхъ.

*

Станутъ видя то бояться ,
А боясь тебѣ смѣяться ,
И рекутъ между себя :
Сей среди богатства многа ,
На него а не на Бога ,
Уповалъ людей губя.

*

Я жъ какъ маслины зелены ,
И не жду себѣ премѣны ,
Въ Божїемъ дому цвѣтя.
Съ преподобными твоими ,
Всѣми мыслями моими ,
Боже , чту надеждой тя.

А. С.

* * *

II.

ПРИШЕСТВІЕ, НА НАШУ ЗЕМЛЮ, И ПРЕБЫВАНІЕ НА НЕЙ, МИКРОМЕГАСА.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ Г. ВОЛЬТЕРА.

Сей переводъ учиненъ того перевода прежде, который внесенъ въ Академическія изданія, а отъ чего въ нихъ гораздо близкое сходство, оное предается разсужденію и догадкѣ читателей.

Въ нѣкоторой изъ планетъ обращающихся около звѣзды нарицаемой Сирій, былъ молодой и разумной человѣкъ, именемъ Микромегасъ, ростомъ въ восемь миль, то есть въ двацать четыре тысячи геометрическихъ шаговъ, шагъ по пяти ступеней. Видѣть свѣтъ, выѣхалъ онъ изъ отечества своево, и пріѣхалъ въ Сатурнъ. Сатурніянцы ростомъ предъ Сиріянцами карлы. Вышина ихъ только саженей по тысячѣ. Сиріянецъ спознался тутъ съ Секрета-

ремъ Академіи , съ которымъ пустился онъ въ новой путь , пріѣхалъ въ Юпитеръ , отколѣ проѣхали мимо Марса , и для малости не удостоили ево быть мѣстомъ своево отдохновенія , хотя послѣ це сыскавъ себѣ вскорѣ другова наслѣга и раскаялись. На конецъ увидѣли они , что нѣчто свѣтится : земля то была. Какой ето бѣдной наслѣгъ для проѣхавшихъ Юпитера : но чтобъ не прійти опять въ раскаяніе , выступили на нашу землю , на полуночный берегъ Балтійскаго моря , въ тысяча семь сотъ тритцать седьмомъ году Іюля пятаго дня по новому исчисленію. Выпокоясь пошли они , и стали осматривать , что то за страна , въ которую они прибыли. Сиріянецъ шелъ своими обыкновенными шагами , а Сатурніянецъ бѣжалъ за нимъ какъ за Прусскимъ Капитаномъ маленькая собачка.

Въ тритцать шесть часовъ обошли они всю землю. Подлинно, что Солнце или паче Земля подобный путь въ двацать четыре часа совершаетъ ; однако надобно подумать , что скоряе можно на своей перевернуться оси , нежели сбойти ногами. Возвратилися они на то мѣсто , откуда они пошли : увидя на пути сію лужицу , которая называется

ся Средиземнымъ Моремъ, и сей маленькой и мѣлкой прудокъ, которой подъ именемъ Великаго Океана окружаетъ кротовой курганчикъ. Карла ни гдѣ больше половины ноги не омочалъ, а Сирїянецъ и пяту омочалъ едва только. Ходя туда и сюда старалися они примѣтить, обитаемъ ли сей шаръ или нѣтъ. Наклонялися, лажилися, вездѣ щупали, но глаза ихъ и руки будучи вышемѣрными ползующимъ по нашему кругу веществамъ, ни малѣйшаго не подали къ ихъ понятію слѣда, что мы и прочїя сего шара обитатели существовать честь имѣемъ.

Карла разсуждалъ иногда скоровато: положилъ такъ, что на земли ни кого нѣтъ. Микромегасъ благопристойно далъ ему разумѣть, что такое разсужденіе не правильно: ибо, говорилъ онъ, не видишъ ты малыми своими глазами нѣкоторыхъ звѣздъ пятидесятной величины, которыя мнѣ очень видны, не уже ли ты изъ того заключаешъ, что сіи звѣзды не существуютъ? однако я землю гораздо щупалъ, говорилъ карла. Но ты того не почувствовалъ, отвѣтствовалъ тотъ. Однако говорилъ карла, сей кругъ такъ дурно состроенъ, такъ неправиленъ, и такъ безобразенъ, что онъ мнѣ чуденъ

кажется. Все здѣсь въ смѣшенїи. Посмотри на сїи малыя источники, какъ криво они идутъ. Пруды сїи, ни круглы, ни четвероугольны, ни продолговаты, и никакова правильнаго не имѣютъ образа. Что ето за острыя крупинки, которыми сей шаръ натыканъ? горы онъ подъ симъ разумѣлъ именемъ: они мнѣ ноги изцарапали. Разсмотри весь шаръ сей, какъ онъ на концахъ своей оси плоскъ, какимъ образомъ онъ около солнца вертится, и что отъ того при концахъ оси мѣста ни къ чему годны. Вотъ изъ чего я заключаю, что здѣсь ни кого нѣтъ, что мнѣ кажется, что здѣсь люди здраваго разсужденїя жить не захотятъ. Можетъ быть говорилъ Микромегасъ, что здѣсь люди и не здраваго разсужденїя обитаютъ. Однако есть нѣкоторой признакъ, что ето для чево нибудь здѣлано а не даромъ. Тебѣ все здѣсь неправильно кажется, говоришь ты, а ето отъ того, что въ Сатурнѣ и Юпитерѣ здѣлано все прямо, а здѣсь криво. Можетъ быть, что здѣшнее малое замѣшательство и подлинно отъ того происходитъ. Я вить тебѣ сказывалъ, что я въ своихъ путешествїяхъ всегда находилъ разность. Сатурнїянецъ всему тому прекословилъ. Споръ бы ихъ

не

не окончался , ежели бъ Микромегасъ говоря разгоряченно не надулъ горла и не перервалъ своево алмазнова ожерелья. Алмазы попадали : камни были небольшїя однако изрядныя , самыя меншїя вѣсомъ по пятидесять, а самыя большїя по четыре ста фунтовъ. Карла подобравъ изъ нихъ нѣкоторыя и поднеся къ глазамъ своимъ примѣтилъ, что сїи алмазы такъ огранены, что они стали предорогими микроскопами. Взялъ камушекъ ста шестидесяти ступеней въ половинномъ перерезѣ, и приложилъ ево къ зорочку , а Микромегасъ выбралъ изъ нихъ микроскопъ двухъ тысячь пяти сотъ ступеней. Микроскопы были очень хороши , однако помощїю ихъ вдругъ еще ни чего увидѣть было нельзя. Надлежало ихъ здѣлать исправными. На конецъ житель Сатурна усмотрѣлъ нѣчто чудь чудь видное , и что оно въ водѣ Балтїйскаго Моря ворошится : Китъ былъ то. Тихонько взялъ онъ ево мизинцомъ, и положивъ на ноготь большова пальца , показалъ ево Сирїянцу , которой въ другой разъ захахоталъ чрезвычайной малости жителей нашего круга. Сатурнїянецъ увѣренъ , что нашъ свѣтъ обитаемъ, тотчасъ себѣ вообразилъ, что въ нашемъ свѣтѣ одни только киты оби-

та-

таютъ, а будучи великимъ въ разсужденіяхъ хлопотникомъ хотѣлъ догадаться, отъ чего сія малая пылинка имѣетъ въ себѣ движеніе, имѣетъ ли она мысли, волю и свободу. Не зналъ, что думать, и Микромегасъ: сего звѣрка очень терпѣливно разсматривалъ, и заключилъ, что нѣтъ способа повѣрить, чтобъ онъ былъ одушевленъ. Оба путешествователи склонялися думать, что въ нашемъ обиталищи разума нѣтъ. Въ самое то время помощію микроскопа примѣтили они нѣчто больше кита плывущее по Балтійскому Морю. Извѣстно, что въ то самое время стая Философовъ возвращалася отъ круга конца земляной оси, гдѣ они дѣлали примѣчанія, о которыхъ до того времени ни кто не извѣщался. Писали въ вѣдомостяхъ, что корабль оныхъ Философовъ у сторонъ Босніи претерпѣлъ разбитіе, отъ котораго великимъ трудомъ спаслися; однако по картамъ ни кто не вѣдаетъ, гдѣ то на свѣтѣ мѣсто. О томъ, какъ ето было, разскажу я безовсякой отъ себя примѣси, что нѣсколько и трудно Историку.

Микромегасъ тихохонько протянулъ руку къ тому мѣсту, гдѣ то ему показалось, продвинулъ два пальца, и что бы не ошибиться, разнявъ ихъ и сжавъ ухва-

ухватилъ легохонько корабль , на которомъ тѣ господа ѣхали , и такъ же и ево еще положилъ на ноготь , не гораздо жавъ ево, что бы не раздавить. Вотъ какой очень отличной отъ перьваго звѣрокъ , говорилъ Сатурнской карла. Сирїянецъ мнимаго звѣрка положилъ на ладонь. Обрѣтающїяся на кораблѣ чаяли, что они нѣкимъ бурнымъ вѣтромъ вознесены на превеликой камень : пришли всѣ въ движенїе : матросы хватались за винныя бочки , бросалися на Микромегасову руку , и збросилися сами послѣ. Землемѣры забравъ всѣ свои къ измѣриванїю надобности , сошли на Сирїянцовы пальцы. Столько было ихъ , что онъ на конецъ почувствовалъ, что у нево на пальцахъ нѣчто ворошится , и ихъ щекотитъ. Въ указательной ево палецъ вбили они желѣзную палку на ступень мѣрою. Какъ ево кольнуло , разсудилъ онъ , что что нибудь изъ того звѣрка , которова онъ держалъ, вышло , а больше тотчасъ и мыслить ему было нѣчево. Микроскопъ , которой взору кита и корабль едва изобразить могъ , не имѣлъ добычи въ такой малой твари, каковы люди. Я не стараюся чьей нибудь коснуться тщетности , только прошу важныхъ людей , чтобъ они при семъ здѣлали со

мною

мною маленькое примѣчаніе. Взявъ станъ человѣческой ступеней пяти, не имѣемъ мы больше вида, какъ на ядрѣ десяти ступеней вокругъ, звѣрокъ около шести сотъ тысячной части ширины большова пальца вышиною: Вообрази себѣ существо, которое нашу землю можетъ взять въ руку, и у котораго члены по размѣру нашихъ. Да и очень можетъ статься, что таковыхъ существъ по всей вселенной великое множество. Такъ представь себѣ, прошу я, что бы они подумали о сихъ сраженіяхъ, которыя намъ двѣ деревни стоили, и которыя отъ насъ обратно отданы. Думаю, что когда нибудь, какой нибудь гранодерской Капитанъ прочтетъ сіе сочиненіе. Онъ ступеньми двумя превышаетъ шапки своихъ подчиненныхъ, а я ево увѣдомляю, что и онъ и подчиненныя ево пребудутъ на всегда въ безконечныхъ малостяхъ.

Какое пречудное искусство надлежало имѣть нашему Сирійскому Философу, разсмотрѣть тѣ пылинки, о которыхъ я говорилъ! Когда Левенгекъ и Гартсекеръ первыя увидѣли, или чаяли, что увидѣли, крупинки, отъ которыхъ мы зачинаемся, далеко не подошли они открытіемъ своимъ къ сему преудивительнѣ-

тельному открытію. Какое утѣшеніе ощущалъ Микромегасъ видя, что тѣльца маленькихъ сихъ тварей ворошаются. Разсматривая всѣ ихъ обращенія, слѣдуя имъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, какъ закричалъ онъ! съ какою радостію отдалъ онъ одинъ изъ своихъ микроскоповъ въ руки своево товарища! Вижу, говорили они оба въ другъ. Видишъ ли какъ они бремена носятъ, какъ наклоняются, какъ подымаются? Говоря имъ ето, отъ радости, что видятъ такую новизну, и отъ страха, чтобъ не лишиться сего къ изслѣдованію зрѣнія, руки у нихъ дрожали. Сатурніянецъ изъ непомѣрной вѣроятности прешедъ въ непомѣрную вѣроятность чаялъ, что онъ примѣтилъ, что они уже и сочетаются. Ахъ! говорилъ онъ, всѣ естественныя дѣйствія открылись мнѣ, однако въ кажущемся видѣ обманулся онъ, какія обманчивости и безъ микроскопа и съ микроскопомъ часто бываютъ.

Микромегасъ лучшій примѣчатель, нежели ево карла, ясно увидѣлъ, что сіи пылинки разговариваютъ, и показалъ то своему товарищу, который стыдясь обманувшись произращеніемъ сочетанія не хотѣлъ вѣрить, что такія мѣлкія твари могутъ другъ другу сообщать

свои

свои мысли , а онъ дарованія языковъ имѣлъ такъ какъ и Сирїянецъ. Не слышалъ онъ, какъ оныя пылинки говорили, и изъ того заключилъ, что они не говорятъ. Въ прочемъ удобно ли такимъ мѣлкимъ тварямъ имѣть устроенныя для произношенія голоса члены , да и что имъ говорить ? для разговоровъ потребны мысли ; а ежели бъ они мыслили , такъ бы должны были они имѣть нѣчто подобное душѣ. Дать , нѣкое подобіе души , такой малой твари , казалось быть ему весьма странно. А ты думалъ , говорилъ Сирїянецъ, что они въ сей часъ упражнялись въ любовныхъ дѣйствіяхъ. Или ты думаешъ , что и безъ мысли любиться можно , не произнеся ни одного слова , или по крайней мѣрѣ не давъ себя разумѣть : не полагаешъ ли ты, что удобнее здѣлать доказательство нежели рабенка ? Мнѣ говорилъ онъ и то и другое не понятно. Я не смѣю ни вѣрить ни отрицать , говорилъ карла , я ни какова объ етомъ не имѣю мнѣнія , разсмотримъ прежде гадовъ сихъ , и послѣ о нихъ разсуждать станемъ. Ето очень хорошо сказано , отвѣчалъ Микромегасъ , и тотчасъ вынялъ ножницы , которыми онъ обрѣзывалъ ногти , и изъ отрѣзки своего

ево ногтя здѣлалъ превеликую трубу, какъ широкую воронку, которой горло приставилъ къ своему уху. Окруженіе сей воронки и корабля и всѣхъ слезшихъ съ корабля охватило. И самой слабой голосъ сквозь ногтевую трубу проходилъ, такъ что симъ искусствомъ Философъ изъ высоты совершенно слышалъ въ низу журчанье обрѣтенныхъ гадовъ. По немногихъ часахъ сталъ онъ раздѣлять слова, и на послѣдокъ узналъ онъ, что они говорятъ по Французски. Узналъ то и карла, только съ большею трудностію. Удивленіе сихъ путешественователей усугублялось по всякую минуту. Слышали они, что червячки говорятъ съ изрядным разсужденіемъ. Сія игра природы казалась имъ уходяща отъ толкованія. Можно повѣрить, что Сирїянецъ и карла ево нетерпѣніемъ горѣли, что бы съ сими пылинками утвердить сбхожденіе. Боялися они, чтобы громкія ихъ голоса, а паче Микромегасовъ вмѣсто того чтобъ сіи червячки ихъ вняли, не оглушилъ ихъ. Умалили силу ево. Сирїянецъ держалъ карлу на колѣняхъ, а корабль со всѣмъ приборомъ на ногтѣ. На конецъ употребивъ всѣ свои предосторожности, рѣчь свою началъ.

Невидимыя твари, которыя рука со-

здателева благоволила произвести въ безднѣ безконечныя малости! я ево благодарю, что открылъ онъ мнѣ таковыя тайны, которыя казались быть непроницаемы. Можетъ быть другїя вами гнушаться станутъ, но я ни кого не презираю, и обѣщаю вамъ свое покровительство.

Въ какое удивленїе пришли тогда люди, которыя сїи слова услышали! Не понятно имъ было, откуда тѣ рѣчи происходили. Священникъ корабля читалъ заклинательныя молитвы, матросы кляли, а Философы составляли мнѣнїе, но какое мнѣнїе ни составляли, однако ни какъ не могли дознаться, что ето такое. Сатурнской карла голосъ имѣя слабѣе Микромегосова, немногими словами разсказалъ имъ о себѣ, кто они таковы. И потомъ пожалѣвъ о нихъ, что они такъ малы, спрашивалъ ихъ, всегда ли они были въ томъ бѣдномъ и толь близкомъ отъ небытїя состоянїи, въ чемъ они упражняются на семъ кругѣ, которой имъ сперьва казался быть жилищемъ китовъ, благополучна ли жизнь ихъ, умножаются ли они, имѣютъ ли души, и о протчемъ тому подобномъ.

Нѣкто изъ толкователей былъ посмѣляе другихъ, и раздраженъ, что о душѣ

шѣево сумнѣваются, схватилъ Математическія свои приборы, и почалъ ими Сатурнїянца разсматривать и измѣривать. Посмотрѣлъ и зачалъ говорить: ты думаетъ, государь мой, когда у тебя отъ головы до ногъ тысяча саженъ. Что ты - - - тысяча саженъ! вскричалъ карла: праведное небо, почему онъ мою вышину знаетъ! тысяча саженъ! на палецъ не ошибся! такая пылинка меня вымѣрила! знаетъ мою величину, а я только ее чрезъ Микроскопъ вижу, и еще величины ея не знаю. Да я тебя вымѣрилъ, говорилъ Естественникъ, а еще и твоево высокоростлова товарища вымѣряю. Предложенїе ево принято. Ево Высокопревосходительство изволилъ лечь и протянуться. Ежели бы онъ стоялъ, то бъ голова ево была гораздо выше облаковъ. Наши Философы поставили ему великое дерево въ мѣсто, которое Докторъ Свифтъ именуетъ, но я оное именемъ не назову, по притчинѣ великаго моево къ дамамъ почтенїя. Измѣривали, и на конецъ заключили, что то, что они видѣли, есть дѣйствительно молодой человѣкъ, ста двацати тысячь ступеней называемыхъ королевскихъ.

Тогда Микромегасъ сїи слова выговорилъ:

рилъ : теперь я еще болѣе вижу , что ни о чемъ не надобно разсуждать по кажущейся величинѣ. О Боже, который одарилъ разумомъ существа показавшія-ся толь гнусны глазамъ моимъ ! и безконечная малость столько стоитъ тебѣ , сколько безконечная великость. И ежели бы возможно было , чтобъ были въ естествѣ существа еще меньше сихъ, то бъ и тѣ могли имѣть разумъ превосходный разуму сихъ гордыхъ звѣрей , которыхъ я видѣлъ на небесахъ , и которыя одною ногою весь шаръ , на которомъ я теперь , покроютъ.

Одинъ изъ Философовъ отвѣтствовалъ ему , что онъ надежно повѣритъ можетъ , что есть дѣйствительно разумныя существа , которыя гораздо менше человѣка. Не разсказывалъ онъ ему того , что Виргилій баснословно о пчелахъ говоритъ , но то что Свammердамъ открылъ , и что Реомюръ свидѣтельствовалъ разнятіемъ членовъ; научилъ ево на конецъ , что есть звѣри, которыя таковы передъ пчелами , каковы пчелы передъ человѣкомъ , каковъ Сиріянецъ самъ предъ тѣми превеликими звѣрьми , с которыхъ онъ сказывалъ ; и каковы сіи большія звѣри предъ другими существами , которымъ они пылинкамъ

ками кажутся. Мало помалу обхожденіе ихъ стало быть прибыльно, а Микромегасъ говорилъ:

О разумныя пылинки, которыми вѣчное бытіе благоволило показать свою премудрость и всемогущество! конечно чувствуете вы беспримѣсныя веселія на вашемъ кругѣ, ибо толь мало имѣя тѣлеснаго существа, и показуяся почти духами, конечно провождаете вы жизнь свою въ любви и мысляхъ, по свойству духовъ. Ни гдѣ не видалъ я прямова щастія, а здѣсь оно конечно. При сей рѣчи всѣ Философы затрясли головами, а одинъ изъ нихъ будучи прочихъ повольняе, искренно признался, что ежели выключить малое число обитателей очень мало почитаемыхъ; такъ весь остатокъ есть собраніе дураковъ, злодѣевъ и нещастныхъ. Въ насъ больше тѣлеснаго существа нежели намъ надобно, говорилъ онъ, дѣлать худое, ежели худое отъ тѣлеснаго существа происходитъ, и много духа, ежели худое отъ духа происходитъ. Знаешъ ли ты, что въ сей часъ, когда я съ тобою говорю, сто тысячъ дураковъ нашего роду покровенныхъ шляпами убиваютъ другихъ сто тысячъ таковыхъ же звѣрковъ покровенныхъ челмами, или отъ нихъ

умерщвляются , и что по всей почти земли изъ ушедшихъ отъ памяти временъ, всѣ въ етомъ упражняются. Сирїянецъ ужаснулся, и спрашивалъ о притчинѣ такихъ страшныхъ браней между такими бездѣлишными червячками. Они дерутся , говорилъ Философъ , за нѣсколько кучекъ грязи, которыя всѣ мѣрою не больше пяты твоей. Не думай ты, чтобы кто изъ сихъ милїоновъ людей , которыя рѣжутся , кусочикъ грязи сей получить устремлялся. О томъ только дѣло , кому та грязь принадлежать будетъ , изъ двухъ нѣкакихъ человѣковъ, одного называютъ Султаномъ, а другова Цесаремъ. Ни тотъ ни другой никогда не видалъ и никогда не увидитъ сего маленькаго земли кусочка , о которомъ дѣло идетъ , и почти ни кто изъ сихъ звѣрковъ, которыя взаимно другъ друга рѣжутъ не видалъ того звѣрка , за котораго они рѣжутся.

Разсердился Сирїянецъ на безпутную сїю воюющую мелузгу , и всѣхъ ихъ ногою хотѣлъ было раздавить. Но они ли сего наказанїя достойны ? достойны сего наказанїя , сїи жестокїя люди, сидяки , которыя изъ нутри своихъ чулановъ , сидя на прорѣзныхъ стульяхъ опредѣляютъ милїону человѣковъ здѣлать

дать убивствїе, и потомъ за то торжественно благодарятъ бога. Путешествователь сжалился надъ мелузгою рода человѣческаго, въ которомъ онъ толь странныя нашелъ противудѣйствія. А вы, говорилъ онъ Философамъ, которыя въ маломъ числѣ премудрыхъ почитаетеся, и чаятельно, что вы ни кого не убиваете, скажите мнѣ, въ чемъ вы упражняетесь. Мы разрѣзываемъ мухъ, отвѣчалъ Философъ, измѣриваемъ линїи, собираемъ числа, соглашаемся въ двухъ или трехъ статьяхъ, которыя мы разумѣемъ, и споримъ о двухъ или трехъ тысячахъ, которыхъ мы не разумѣемъ. Захотѣлось чужестранцамъ, спросить у сихъ мыслящихъ пылинокъ о тѣхъ вещахъ, въ которыхъ они между собою согласны. Сколько счисляете вы, спрашивалъ ихъ Сирїянецъ отъ Песьей звѣзды до большей звѣзды Близнецовъ. Всѣ вдругъ отвѣчали они: Тритцать двѣ степени съ половиною. Сколько отселѣ до Луны? шестьдесятъ полудїяметровъ земли круглыми числами. Сколько вѣсу въ вашемъ воздухѣ? етова они не знаютъ, думалъ онъ; но всѣ ему отвѣчали, что воздухъ вѣситъ около девяти сотъ разъ менше, нежели равное тому мѣсто занятое самою легкою водою, и пы-

сяча девять сотъ разъ менше Червонного золота. Сатурнской карла пришелъ отъ ихъ отвѣтовъ въ изступленіе, поощрялся принять ихъ за калдуновъ, сихъ людей, которымъ за четверть часа не хотѣлъ онъ и души дать.

На конецъ Микромегасъ говорилъ имъ: когда вы такъ хорошо знаете то, что внѣ васъ; безъ сумнѣнія вы то, что внутри васъ еще лутче знаете; скажите мнѣ, что такое есть душа ваша, и какъ вы устроеваете мысли свои. Философы какъ и прежде всѣ вдругъ отвѣчали, но всѣ были разнаго мнѣнія. Самой старщій ссылался на Аристотеля, другой выговаривалъ имя Картезія, тотъ Малебранша, тотъ Лейбница, тотъ Локка. Старикъ Перипатетикъ говорилъ громко и надежно: душа есть Ентелехія, а притчина силы ея бытія есть то, что она есть. Аристотель говоритъ.

Εντελεχεια εςι, и пр:

Я неочень по гречески разумѣю, говорилъ великанъ, и я столько жъ, отвѣчалъ Философъ червячекъ. Тотъ ево спрашивалъ: для чево жъ ты какова то Аристотеля поминаешъ по Гречески? Мудрецъ отвѣтствовалъ: когда что не вразумительно, о томъ должно говорить на такомъ

комъ языкѣ, которой менше всѣхъ знакомъ.

Картезіянецъ говорилъ: Душа есть чистый разумъ, который въ матернемъ чревѣ получилъ всѣ мысли Метафизическія, и который вышедъ отшолѣ принужденъ ийти въ школу и всему тому учиться снова, что онъ прежде зналъ, и чево послѣ знать не будетъ никогда. Такъ на что жъ говорилъ осмимильной звѣрь, душа твоя въ матернемъ брюхѣ такъ учена была, когда ей послѣ, какъ ты обростешъ бородою, быть толь незнающею; но что ты подъ именемъ разума разумѣешь? Очемъ спрашиваешь ты меня, говорилъ толкователь, я объ етомъ и понятія не имѣю, сказываютъ только, что разумъ есть существо безтѣлесное. Но по крайней мѣрѣ хотя о тѣлесномъ то существѣ знаешь ли ты? Очень знаю, отвѣчалъ человѣкъ, напримѣръ: Камень етотъ сѣръ, устроеніе ево таково, состоитъ въ трехъ протяженіяхъ, имѣетъ тягость, и можетъ быть раздробленъ. Хорошо, говорилъ Сирїянецъ, ета вещь, которая тебѣ кажется быть раздробительна, тягостна и сѣра, можешъ ли ты мнѣ сказать, что она такое? ты видишъ вещи сей нѣкоторыя свойства; но знакомо ли тебѣ ея основаніе? Нѣтъ, отвѣ-

чалъ онъ. Такъ ты и тѣлеснаго существа не знаешь.

По томъ спросилъ онъ у Млебранциста, что такое душа ево, и что она дѣлаетъ. Ни чево отвѣчалъ онъ, все вмѣсто меня дѣлаетъ Богъ, все вижу я въ немъ, все дѣлаю имъ, все дѣлаетъ онъ, а я ни во что не вмѣшиваюсь. Такъ на что жъ тебѣ и быть, сказалъ ему Сирїянецъ.

По томъ спросилъ онъ у Лейбницїяна: А твоя душа, другъ мой, что такое? Душа моя, отвѣчалъ онъ, есть спичка, которая показываетъ часы, когда тѣло мое часы бьетъ, или она бьетъ часы, когда ихъ мое тѣло показываетъ: или душа моя есть зеркало вселенныя; а тѣло мое есть обечайка зеркала: ето очень ясно.

Вышелъ послѣдователь Локковъ, и когда ево о томъ спрашивали: Я не знаю, говорилъ онъ, какъ я думаю; знаю только, что никогда инако не думывалъ, какъ лишь по приключенїю своихъ чувствъ, что есть вещества безтѣлесныя и разумныя, о томъ я не сумнѣваюсь; но что не удобно Богу сообщить существу тѣлесному мысль, о томъ я очень сумнѣваюсь. Я почитаю вѣчное всемогущество, ни чево не утверждаю, и доволь-

вольствуюся мнѣнїемъ симъ, что возможныхъ вещей больше, нежели мы чаемъ.

Понравился Локковъ послѣдователь чужестранцамъ: но по нещастїю выскочилъ душевникъ въ четвероугольной шапкѣ, который у всѣхъ перебилъ рѣчи, и говорилъ, что онъ всю ету тайну знаетъ, и что все то изъяснено въ письмахъ святаго Ѳомы: осмотрѣлъ обѣихъ небесныхъ обитателей, и утверждалъ имъ, что они, ихъ свѣты, ихъ солнцы, звѣзды ихъ, и словомъ все, что ни есть, здѣлано единственно для человѣка. Слыша слова сїи чужестранцы расхахотались. Микромегасъ удивлялся, что такїя безконечныя малости имѣютъ гордость почти безконечно великую: обѣщалъ имъ сочинить хорошую Философическую книгу, которая будетъ написана самымъ мѣлкимъ писмомъ для употребленїя ихъ, и что въ ней они все то сыщутъ, что они сыскать стараются, и дѣйствительно далъ имъ ее предъ отъѣздомъ своимъ. Принесли ее въ Парижъ, въ Академїю Наукъ. Но какъ Академїи Секретарь ее раскрылъ, увидѣлъ въ ней только одну бѣлую бумагу.

Переводилъ въ французскаго А. С.

* * *

III.

III.

ПРИТЧИ и РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРИТЧИ.

I.

ПОДЬЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ.

Не ложно,
Что можно,
Себя по виду обмануть,
И тварью тварь почесть иною:
Случилось нынѣ то со мною,
Не на прямой попалъ я путь.
Кокетку видѣлъ я, въ подьяческой бесѣдѣ,
У регистратора бывъ въ праздникъ на обѣдѣ.
Я самъ не вѣдаю, какъ я туда зашелъ,
А то еще чудняй, кокетку тутъ нашелъ;
Кокетствовать не въ модѣ
Польяческой породѣ:
И помнится нигдѣ того въ указахъ нѣтъ,

Чтобъ

Чтобъ имъ носить корнетъ :
Льзя имъ чепецъ носить , треухъ , а по приволью,
И шапку иногда соболью :
Къ уборамъ едакимъ приказныхъ женщинъ лопъ:
И можно имъ носить кумачну тѣлогрѣю ,
Отъ самыхъ пятъ по шѣю ;
А на етой корнетъ и флеровой салопъ.
По благородному она всю рѣчь варила ,
Новоманерными словами говорила :
Казалося что въ ней была господска кровь :
То фрукты у нее , что въ подлости морковь.
Тутъ сидя не пила ни кислыхъ щей ни квасу,
И спрашивала гдѣ промыслить ананасу.
Кавришки сахарной кусочки клала въ ротъ ,
И знала то что ето цуккербротъ.
По модѣ нынѣшней не къ спати все болтала ,
Не къ спати хахотала ,
Играть хотѣла и въ трисетъ ,
Да троекъ нѣтъ :
Подьячія изъ картъ тѣ карты выбираютъ ;
Понеже ни въ трисетъ ни въ ломберъ не играютъ.
Нахлюставшись писцы о взяткахъ стали врать ,
И что де подлежитъ за трудъ и кожу драть ,
Не только брать :
За то ругаютъ насъ , да ето намъ издѣвка:
При сихъ словахъ вздохнула дѣвка ,
Во всю дѣвичью мочь ,
И отошла зардѣвшись прочь.
Она подьяческая дочь :
Блаженной памяти ея родитель грѣшенъ ,

За взятки онъ повѣшенъ ;
До взятокъ былъ охочь ,
И грабилъ день и ночь.
Животъ ево остался весь на рынкѣ ,
Однако деньги всѣ остались ей въ скрынкѣ.

* * *

II.

ПОБѢЖДЕННЫЙ НА КАРТИНѢ ЛЕВЪ.

Поставлена была въ лѣсу картина :
Не знаю какъ ;
Но было такъ.
На ней написана престрашная скотина :
Какая ? Левъ ,
Разинувъ зѣвъ ;
Но горькою своей повержень былъ судьбиной :
Убилъ ево мужикъ дубиной.
Мужикъ зашедши въ лѣсъ ,
Сталъ сильный Геркулесъ.
Повержена скотина ,
Повергъ ее дѣтина ;
Естественна картина.
Левъ мимо шелъ ,
И побѣжденна льва дѣтиною нашелъ ,
Сказалъ : побѣдою ты хвастался бы иною ,
Когда бы въ истинну сразился ты со мною.

* * *

III.

III.

ГОРА ВЪ РОДАХЪ.

Ужасная гора на сносѢхъ ужъ была :
Не басней басня та , исторіей слыла.
Не правильнымъ дѢла народъ аршиномъ мѢритъ:
Что хочешъ то скажи ,
Ни чѢмъ не докажи ,
Всему народъ повѢритъ :
Не всякъ
Дуракъ ;
Однако многія не видятъ ясно вракъ.
Обманщикъ вякай ,
Безумецъ такай ,
Что хочешъ то набрякай.
Въ походъ
Весь ломится народъ :
Уставилися всѢ смотрѢть туда , откуда
Изъ матери идти лежитъ дорога чуда.
Всѣ бредятъ: мучится, кричитъ, реветъ гора :
Родить пора.
Рабята говорятъ: страшняй тово не вѢдя ,
Слона,
Или медвѢдя ,
Родитъ она.
А люди въ возрастѢ наполненны обманомъ ,
Поздравить чаяли родильницу съ Титаномъ.
Но что родилось бишь ?
Мышь.

* * *

раз-

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИДИЛЛІЯ.

Уже весна природу украшаетъ,
Пустивъ летать Зефиры на луга:
И взоръ и слухъ пріятствомъ утѣшаетъ.
Струи біютъ играя въ берега.
Отъ теплыхъ странъ полдневныхъ вѣтръ дыхая,
Прелестный зритъ по рощамъ вертоградъ.
Цвѣты, въ лугахъ вездѣ благоухая,
Сладчайшій льютъ въ весь воздухъ Аромать.
Природа вся возобновилась нынѣ,
Противны дни сокрылись отъ меня;
Не въ новой лишь, не въ новой я судьбинѣ:
Всегда равна мнѣ злая жизнь моя.

ЧАСЫ.

Суетенъ будешъ,
Ты человѣкъ;
Естьли забудешъ,
Краткой свой вѣкъ.
Время проходитъ,
Время летитъ,
Время проводитъ,
Все что ни льститъ.
Щастье, забава,
Свѣтлость коронъ;
Пышность и слава;
Все только сонъ.

Какъ

Какъ ударяетъ
Колоколъ часъ ,
Онъ повторяетъ ,
Звономъ , сей гласъ :
Смертный будь ниже
Въ жизни ты сей ;
Сталъ ты поближе
Къ смерти своей.

МОРЕ и ВѢЧНОСТЬ.

Впадете вскорѣ ,
О Невскія струи ! въ пространное вы море ,
Пройдете на всегда ,
Не возвратитесь изъ моря никогда ;
Такъ наши къ вѣчности судьбина дни преводитъ,
И такъ отполѣ жизнь обратно не приходитъ

СЛАВА.

Воспоминай , о человѣкъ !
Что твой не дологъ вѣкъ.
Минется честь , богатство и забава ,
Останется одна твоя на свѣтѣ слава.

грѣшникъ и плутъ.

Когда , о человѣкъ ! ты слабости подвластенъ
Твоя то часть :
Когда , о человѣкъ ! бездѣльству ты причастенъ,
Твоя то власть :

Мы грѣшны всѣ, и всѣ природы одинакой;
Но плутъ изъ насъ не всякой.

ПОЦАЛУИ.

Аминтъ и Сильвія на пастве жили.
Не знавъ любви играть случилось имъ мячемъ.
О чемъ?
Какую цѣну положили?
За всякой проигрышъ по поцалую дать:
И стали мячъ кидать.
Въ серца, губами бравъ, что выиграли клали:
Наполнились серца и жарко запылали.
Что здѣлалъ Купидонъ то Гименъ увѣнчалъ,
И ихъ игру другой игрою окончалъ.

НЕДОСТАТОКЪ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Трудится тотъ вотще,
Кто разумомъ своимъ лишъ разумъ заражаетъ:
Не стихотворецъ тотъ еще,
Кто только мысль изображаетъ,
Холодную имѣя кровь;
Но стихотворецъ тотъ, кто серце заражаетъ,
И чувствіе изображаетъ,
Горячую имѣя кровь.
Царица музъ, любовь!
Парнасскимъ жителемъ назваться я не смѣю:
Я сладости твои почувствовать умѣю;
Но что я чувствую когда скажу солгу,
А точно вымолвить объ этомъ не могу.

НО-

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

I.

ВСкорѣ
Поправить плаванье удобно въ морѣ.
Морскія камни, мѣль, въ водахъ переморить,
Всѣ вѣтры кормщику подъ область покорить;
А ето хоть и чудно,
Хотя не множко трудно;
Но льзя природу препворить;
А ежели ни какъ не льзя тово сварить;
Довольно и тово что льзя поговорить.

II.

Разбивъ стаканъ, точить куски, а по оточкѣ,
На всякомъ путѣ кусочкѣ,
Поставить азъ;
Такъ будетъ изъ стекла алмазъ.

III.

Скажу не ложно:
Возможно,
Такъ дѣлать золото, изъ молока, какъ сыръ
И хитростью такой обогатить весь миръ,
Лишь только я при томъ одно напоминаю:
Какъ дѣлать, я не знаю.

ЕПИГРАММА.

ВЕсь городъ я спрошу, спрошу и весь я дворъ:
Когда подьячему въ казну исправно съ году.

Сто тысячей рублевъ збирается доходу;
Честной ли человѣкъ подьячїй тотъ, иль воръ?

А. С.

* * *

IV.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

ВОЙНѢ

ЦИЦ. КН. I. О ДОЛЖНОСТЯХЪ.

Прѣній два рода; одно словесное, другое ручное: хотя первое человѣку больше свойственно, а послѣднее звѣрямъ: однако гдѣ не успѣваемъ первымъ, тамъ къ послѣднему прибѣгнуть должно. Войну начинать должно для того одного, чтобъ безъ обиды жить въ покоѣ: а по одержанїи побѣды тѣхъ сохранять надлежитъ, которые во время брани не безчеловѣчно и незвѣрски поступали. Такъ предки наши Туску-

Тускуланцовъ, Екковъ, Волсковъ, Сабинянъ, Герниковъ и въ число гражданъ приняли: а Карѳагенъ и Нуманпію до основанія разорили. Желалъ бы я, чтобъ они съ Коринѳомъ не таковымъ же образомъ поступили: но думаю, что они къ тому нѣкоторыми причинами были побуждены, а паче всего выгодностію мѣста, чтобъ впредь къ начатію войны самое мѣсто жителей не уговаривало. О мирѣ, по моему мнѣнію, всегда стараться должно, но былъ бы только онъ безъ всякаго ухищренія: въ чемъ ежели бы меня послушали вельможи наши; то бы мы и по сіе время республику имѣли, пусть не совершенную, по крайней мѣрѣ какую нибудь, а теперь ни какой не имѣемъ. Какъ низложенныхъ силою щадѣть должно, такъ принимать надлежитъ тѣхъ, которые положа оружіе, добровольно подъ покровительство Полководца прибѣгаютъ, хотя бы уже и стѣны отъ удара тараномъ тряслися. Въ чемъ наши Полководцы справедливость толь свято наблюдали, что завоеванные города или страны въ свое покровительство принимали, и были имъ благодѣтелями слѣдуя обыкновенію издревле принятому. Войны справедливость въ

Римскомъ Фетїялскомъ правѣ довольно свято описана : отъ куду видѣть можно, что только та война справедлива, которая или послѣ предложенїя требованїй начинается , или съ предъидущимъ непріятеля увѣдомленїемъ объявляется. Въ нѣкоторой области Полководецъ Нумпилїй былъ начальникомъ : въ полкахъ котораго Катоновъ сынъ служилъ молодымъ солдатомъ. Когда разсудилось ему одинъ легїонъ отпустить , то отпустилъ въ немъ и Катонова сына. Но какъ сей по склонности къ военной службѣ при войскѣ оставался , то Катонъ писалъ къ Нумпилїю, чтобъ, ежели дозволитъ онъ сыну его при войскѣ остаться , велѣлъ онаго обязать вновь присягою : представляя что оной разрѣшився отъ первой , не имѣетъ больше права сражатися съ непріятелемъ ; толикая строгость наблюдаема была въ начатїи войны. И нынѣ еще есть письмо старика Катона къ сыну его Марку , бывшему въ то время въ походѣ Македонскомъ противъ Персея , въ которомъ пишетъ, что услышалъ онъ объ отпускѣ данномъ ему отъ Консула. Для того увѣщеваетъ, чтобъ не вступалъ въ сраженїе , напоминая , что тому , кто не воинъ , сражаться съ непріятелемъ

право

право не дозволяетъ. Я и то здѣ примѣчаю, что мы называемъ именемъ hoſtis того, котораго собственное нарицаніе есть perduellis, умягчая кротостію слова суровость вещи. Ибо hoſtis у предковъ нашихъ знаменовало чужестранца, какъ то изъ двунадесяти скрижалей видно. Aut ſtatutus dies cum hoſte, то есть или означенный день съ пришельцемъ. Adverſus hoſtem aeterna auctoritas, то есть, гражданинъ въ разсужденіи пришельца ни когда своего права не теряетъ. Можетъ ли что сего быть снисходительнѣе, какъ того, съ которымъ войну имѣешь толь кроткимъ называть именемъ? Хотя то и сіе наименованіе отъ древности стало уже нѣсколько сурово: ибо уже оно отъ чужестранца со всѣмъ отошло, и осталось собственно на наносителѣ оружія. Когда же споръ идетъ о власти, и когда оружіемъ ищемъ одной славы, то и таковыя брани необходимо должны основаны быть на тѣхъ же справедливыхъ причинахъ, которыя я показалъ выше. Но устремленное оружіе за государственную славу не должно имѣть весьма жестокаго дѣйствія. Напримѣръ: Тягаемся съ своимъ согражданиномъ инако, ежели онъ намъ врагъ, инако, ежели въ одномъ

дѣлѣ совмѣстникъ : съ етимъ споръ о преимуществѣ , а съ тѣмъ о жизни и чести. Такъ война была съ Келтиверами и Кимврами , какъ съ непріятелями, кому остаться въ живыхъ , а не кому владѣть : а съ Латинами , Сабинами , Самнитянами , Карѳагенянами и съ Пирромъ война происходила о власти. Карѳагеняне вѣроломны , Аннибалъ безчеловѣченъ , прочіе народы справедливѣе. Отъ Пирра мы о возвращеніи нашихъ плѣнниковъ и слѣдующій прехвальной отвѣтъ получили. „Не требую отъ „васъ злата и награды. Намъ не корчем„ствующимъ войною , но воинствую„щимъ , желѣзомъ , а не златомъ разо„браться должно. Вамъ ли господствую„щее щастіе или мнѣ предопредѣлило „владычество , то испытаемъ храбро„стію. Въ прочемъ вѣдайте, что я ща„жу тѣхъ вольность , которыхъ муже„ство и само щастіе войны пощадѣло. „Дарую, ведите , даю , когда такъ и вели„кимъ богамъ угодно„ Царскія во истинну слова и достойныя Еаковыхъ потомковъ. Такъ же ежели кто особенно , будучи принужденъ обстоятельствомъ времени , непріятелю что обѣщаетъ , то и въ томъ вѣрность сохранить должно : какъ то въ перьвую

Пуни-

Пуническую войну поступилъ полоненной Карѳагенянами Регулъ, которой подъ клятвою, что возвратится, посыланъ былъ въ Римъ для размѣны полоненниковъ: куда онъ какъ скоро пришелъ, то первой въ Сенатѣ далъ свое мнѣніе, чтобъ не дѣлать размѣны: по томъ не взирая на прозьбу и удерживаніе ближнихъ и пріятелей лучше желалъ возвратиться на мученіе, нежели солгать непріятелю въ данномъ обязательствѣ. А во вторую Пуническую войну послѣ Канскаго сраженія десять полоненниковъ Римскихъ, которыхъ Аннибалъ, обязавъ присягою, чтобъ обратно въ станъ возвратились, отправилъ въ Римъ для испрошенія размѣны, Ценсоры наши за нарушеніе присяги по смерть ихъ въ подушной окладъ записали; не выключая и того, которой коварною присягою виновенъ явился. Ибо онъ по дозволенію Аннибалову вышедъ изъ стана, паки въ оной воротился, будто что позабылъ. И такъ вышедъ вторично думалъ, что отъ присяги разрѣшился, и было разрѣшеніе отъ словъ, но не отъ вещи. А въ договорѣ всегда на мысли, а не на слова однѣ смотрѣть должно. Предки наши великой примѣръ справедливости къ непріятелю намъ оставили.

Когда пришедшій отъ Пирра перемет-чикъ обѣщалъ Сенату Царя своего ядомъ опоить и умертвить, то Сенатъ и Каій Фабрикій къ Пирру онаго отосла-ли. И такъ не порадовались погибели и непріятеля, и при томъ сильнаго и безъ всякой обиды войну нанесшаго, когда то было беззаконное дѣло.

Переведъ съ Латинскаго Аѳанасій Лобысѣвичь.

V.

ЕКЛОГИ.

I.

КЛИМЕНА.

Не отпускала мать Климену прочь отъ стада,
Климена живопту была тогда не рада:
Пусти меня, пусти, она просила мать,
На половину дня по рощамъ погулять.
Лишъ выпросилася, къ любезному послала,
И чтобъ увидѣлся онъ съ нею приказала,
Въ дубровѣ за рѣкой, гдѣ съ нею онъ бывалъ,

И

И много отъ нея приятства получалъ ,
Въ приятномъ мѣстѣ томъ , гдѣ ею сталъ онъ
плѣненъ ,
И гдѣ ей клялся быть до смерти не премѣненъ,
Въ томъ мѣстѣ гдѣ ее онъ часто обнималъ ,
И гдѣ онъ въ первый разъ ее поцаловалъ.
Пошелъ: душа ево давно того желала.
Какая мысль ево къ Клименѣ провождала !
Играло все тогда въ Дамоновыхъ глазахъ ,
Прекрасняй и цвѣты казались на лугахъ ,
Журчащія струи быстряе протекали ,
Въ свирѣли пастухи согласняе играли :
Казалася сочняй и зеленяй трава ,
Прямяе древеса и мягче мурава :
Здѣсь слышитъ пастуха клянущаго измѣну ,
Тамъ жестокость , тамо гнѣвъ , а онъ свою
Климену ,
Всегда въ своихъ стихахъ безъ жалобы поетъ ,
А жалуясь вину на злой случай кладетъ ,
Хотя когда часы ему и докучаютъ ;
Климена невинна : случаи разлучаютъ :
И мысля , что ея прекрасняй въ свѣтѣ нѣтъ ,
Любви ево мнитъ онъ , завидуетъ весь свѣтъ ,
И помнитъ веселясь , чьемъ сердцемъ онъ владѣетъ:
Что надобно другимъ , то онъ уже имѣетъ.
Пришелъ на мѣсто то , и ждетъ своей драгой.
Приди подъ тѣнь древесъ , въ березникъ сей
густой ,
Вздыхая говоритъ , и будто какъ не вѣритъ ,
И правда кажется въ любови лицемѣритъ ;
Однако

Однако чувствуетъ съ надеждою тоску,
Гуляя по лужкамъ въ любезномъ семъ лѣску.
О тропки, говоритъ, которы мнѣ толь милы,
Вы будете всегда отъ нынѣ мнѣ постылы,
Когда не буду зрѣть въ сей день любезной въ васъ!
Ему за цѣлый вѣкъ казался етотъ часъ.
Сучокъ ли оторветъ вѣтръ или вѣтку тронетъ,
Иль съ брегу камушекъ въ рѣчныхъ струяхъ потонетъ,
Или послышится чево хотя и нѣтъ,
Ему казалося, что то она идетъ,
Сто разъ къ ея пути очами обращался,
И съ нетерпѣнїемъ Климены дожидался.
Въ послѣдокъ упомленъ сошелъ къ водамъ на брегъ,
И ждучи въ муравахъ спокоить духъ свой легъ.
Заснулъ; но всякую минуту просыпался;
И въ сладкомъ снѣ ему приходъ ея казался.
Вдругъ слышитъ легкїй шумъ: обрадовавшись
мнитъ,
Конечно то она уже теперь шумитъ.
Взглянулъ, она въ глазахъ; какая радость стала!
Душа Дамонова, душа вострепетала;
Однако онъ свое присутствїе таитъ,
И притворяется тутъ лежа будто спитъ.
Любовница, ево по роще возглашаетъ,
И съ гнѣвомъ отъ любви досадуя пеняетъ:
Безумна я коль такъ, что я сюда пришла;
Но вдругъ на муравѣ лежащаго нашла,
Толкаетъ, вспань Дамонъ, проснись мой свѣтъ
проснися,

Кли-

Климена предъ тобой, проснись и не крушися:
И стала спящаго присѣдши цаловать;
Что жъ чувствовалъ Дамонъ? онъ можетъ то
сказать.
Она притворный сонъ отъ глазъ ево отгнала,
И съ мягкихъ сихъ муравъ съ возлюбленнымъ
восшала,
А онъ ея обнявъ, что долго не видалъ,
Какую велъ съ ней рѣчь отъ радости не зналъ;
Въ любовничьихъ устахъ бываетъ рѣчь смѣшенна,
Но лутче всѣхъ витійствъ хотя не украшенна.
Пошелъ Дамонъ гулять съ возлюбленной своей,
И цаловался онъ на всякой тропкѣ съ ней.
Она по дняхъ, что съ нимъ такъ долго не видалась,
Отъ алча зрѣть ево жесточе разгаралась,
И что толь много дней часа сего ждала,
Во исступленіи прерадостномъ была.
Толь сладкихъ никогда словъ Нимфы не слыхали,
Которы въ сихъ мѣстахъ прекрасныхъ обитали,
И Ехо знающе любови пастуховъ,
Не повторяло тутъ толь нѣжныхъ прежде словъ.
Какъ птички на кустахъ любовь свою вспѣвали,
Любовникамъ къ любви желанья придавали.
Какъ въ сихъ мѣстахъ Зефиръ вокругъ цвѣтовъ
леталъ,
И въ терніи свою прекрасну обнималъ,
Которая къ нему листки свои склоняла,
И колебаяся вѣтръ мягкій цаловала,
Любовникъ дѣйствію Зефира подражалъ,

Какъ

Какъ розу сей ; онъ такъ Климену обнималъ :
И долго шутъ побывъ , какъ время пробѣжало ;
Жалѣли , что еще часовъ имъ было мало.

* * *

II.

ДОРИСЪ.

Красавицы своей отставъ наступъ , въ разлукѣ ,
Лилъ слезы и сиеня во всѣхъ мѣстахъ былъ въ скукѣ ,
Вездѣ ее искалъ , ни гдѣ не находилъ ,
И нѣкогда въ тоскѣ безъ пользы говорилъ :
О рощи ! о луга ! о холмики высоки !
Долины красныхъ мѣстъ ! и быстрыя потоки !
Жилище прежнее возлюбленной моей !
Мѣста гдѣ много разъ бывалъ я купно съ ней !
Гдѣ кроется теперь прекрасная , скажите ,
И чѣмъ нибудь ее обратно привлеките !
Ольстите духъ ея , ольстите милый взоръ ,
Умножь журчанїе вода бѣгуща съ горъ ,
Младыя древеса вы отрасли пускайте ,
Душистыя цвѣты долины покрывайте ,
Земля сладчайшїя плоды произрости !
Или ничто ее не можетъ привести ?
Приди назадъ приди драгая ! возвратися ,
Хоть на не многи дни со стадомъ отпросися !
Не сказывай , что я въ печали здѣсь живу ;
Скажи что здѣшнїй лугъ сочняй даетъ траву ,
Скажи , что здѣсь струи свѣжяе протекаютъ ,
И волки никогда овецъ не похищаютъ.

Мы

Мы будемъ весело здѣсь время провождать ,
Ты станешъ пѣсни пѣть , а я въ свирѣль играть ,
Тѣ пѣсни , кои намъ обѣимъ очень внятны ,
Я знаю , что они еще тебѣ приятны ;
Я въ нихъ тебѣ мое вздыханїе являлъ ,
И нѣжную любовь спокрашно возглашалъ :
Услышишъ множество ты пѣсенъ , вновь , разлу-
чныхъ ,
Которы я слагалъ во времена дней скучныхъ ,
Въ которыя тебя я больше не видалъ ,
И плачучи по всѣмъ тебя мѣстамъ искалъ ,
Гдѣ часто мы часы съ тобой препровождали ,
Когда съ забавою минуты пролетали.
Пещеры , пѣнь древесъ , въ печальной сей странѣ ,
И стройки , гдѣ бывалъ съ тобою , милы мнѣ.
О время ! о часы ! куда отъ грусти дѣться ?
Приди дражайшая , и дай мнѣ наглядѣться !
Мнѣ день , крапчайшїй день , сталъ нынѣ
скучный годъ :
Не можно обрѣсти такихъ холодныхъ водъ ,
Которы бъ жаркїй духъ хоть мало охладили ,
Ни правъ , которы бы отъ раны излечили.
Твоя любезна тѣнь ни на единый часъ ,
Не можетъ отступить отъ омраченныхъ глазъ.
Когда краснѣются въ дали высоки горы ,
Востокомъ въ небеса прекрасныя Авроры ,
И златозарный къ намъ приходитъ паки день ,
Снимая съ небеси густу нощную тѣнь ,
День въ пасство , я въ тоску , все утро воз-
дыхаю ,
И въ

И въ жалостну свирѣль, не помню, что играю.
Наступитъ полдень жаркъ, послѣдуетъ прудамъ
Отдохновенный часъ пасущимъ и стадамъ,
Пастушки, пастухи, покоятся прохладно,
А я смущаяся крушуся безотрадно.
Садится дневное свѣтило за лѣса,
Или уже луна восходитъ въ небеса,
Товарищи мои любовницъ лобызаютъ,
И сгнавъ своихъ овецъ въ покоѣ пребываютъ;
А я или грущу вздыханїе губя,
Иль просыпаюся зря въ тонкомъ снѣ тебя,
А пробудившися тебя не обрѣтаю,
И лишъ едину тѣнь руками я хватаю.
Драгая, иль тебѣ меня уже не жаль?
Коль жаль, приди ко мнѣ, скончай мою печаль!
Колико бъ щастья мнѣ ты Дорисъ приключила!
Какїя бъ слезы ты изъ глазъ моихъ пустила!
Тѣ слезы, что изъ глазъ въ послѣднїя текутъ,
И по лицу ключемъ сладчайшихъ водъ бѣгутъ.
Какъ птицамъ радостна Весна, и всей природѣ,
И Нимфамъ красный день по дождевой погодѣ,
Такъ веселъ былъ бы мнѣ желаемый сей часъ,
Въ который бъ я тебя увидѣлъ въ перьвый разъ.
Не знаешъ Дорисъ ты, колико вздоховъ трачу,
И что я по тебѣ бесперестанно плачу.
О вѣтры! что могли на небеса вознесть,
Къ Венерѣ тающей печальную ту вѣсть,
Что на земли ея сокровище дражайше,
Адонисъ, съ кѣмъ она во время прекрасчайше,
Имѣла

Имѣла множество утѣхъ средь темныхъ рощь,
Незапнымъ бѣдствїемъ, позналъ противну нощь!
Когда вы станете то мѣсто прелетати,
Гдѣ Дорисъ безъ меня сужденна обитати;
Остановитеся, вдыхните въ уши ей,
Хоть часть къ извѣстїю сея тоски моей:
Скажите, что по ней и духъ и серце стонетъ.
Мой свѣтъ: когда тебѣ власы вѣтръ легкїй тронетъ,
А ты почувствуешъ смятенїе въ себѣ,
Такъ знай, что вѣстникъ то, что плачу по тебѣ.
Когда ты чувствуешъ еще любовны раны,
Употреби, что есть, прошенїе, обманы,
Что бъ, только лишъ могло меня съ тобой свести;
Уже не стало силъ мнѣ грусти сей нести.
И ежели узрятъ мои тебя овечки
Опять на берегу любезныя той рѣчки,
Гдѣ я дражайшая съ тобою часто былъ,
И гдѣ при вечерѣ любовь тебѣ открылъ,
Я мню, что и они узря тебя взыграютъ,
Мнѣ кажется тебя всѣ вещи зрѣть желаютъ,
И естьли я тебя къ себѣ не праздно жду,
Скончай мой свѣтъ, скончай скоряй мою бѣду!

А. С.

* * *

VI.

РѢЧЬ LV

ИЗЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ.

Ни вѣ чемъ люди столь много не обманываются, какъ въ ревности къ вѣрѣ. Толико страстей кроются подъ сею личиною, и толикихъ золъ она источникъ, что многія ужъ то говорятъ, что надобно бы было желать для благополучія рода человѣческаго, что бы она не была включена въ число Христіянскихъ добродѣтелей. Извѣстно, что одинъ разъ можетъ быть она похвальна и благоразумiемъ препровождаема, но сто разъ увидишъ ее беззаконну и въ заблужденіи. Не льзя тому инако и быть для тово, что она дѣйствуетъ съ равнымъ стремленiемъ во всякихъ вѣрахъ, какъ бы они противны одна другой ни были, и во всѣхъ участныхъ отъ каждой вѣры разныхъ исповѣдываніяхъ.

Нѣкоторыя рабины намъ говорятъ, что первое учинившееся въ свѣтѣ смертоубивство произошло отъ распри въ вѣ-

вѣрѣ. Какъ бы то ни было, однако естьли бы мы всю Исторію дѣлъ отъ ревности къ вѣрѣ произшедшихъ имѣли, отъ временъ Каина до нашихъ дней, такъ бы мы увидѣли ее наполненну толикими Трагическими явленіями, толикими смертоубивствами и Кровопролитіями, что человѣкъ здравое разсужденіе имущій всячески бы оберегался отъ основаній такова свойства, а особливо когда онъ только разбираетъ въ спорахъ о законахъ мнѣнія и содержанія.

Естьли бы всякой ревнитель къ вѣрѣ изслѣдовывалъ хорошенько свою совѣсть; я не сумнѣваюсь, чтобъ онъ не нашелъ часто, что то, что онъ называетъ ревностію къ своей вѣрѣ, ни что другое есть какъ гордость, корысть и злость. Человѣкъ слѣдующій мнѣніямъ восприятымъ, однако различнымъ отъ тѣхъ, которымъ другой слѣдуетъ, превозносится надъ нимъ въ своемъ собственномъ разсужденіи, и думаетъ о себѣ, что онъ во многомъ ево искусняе. Сіе мнимое превосходство возбуждаетъ ево гордость, и воспламеняетъ ево ревность. Однако нѣкоторыя изъ самыхъ большихъ ревнителей ко православію живутъ въ гораздо хорошей дружбѣ съ не воздержными и порочными

ными людьми, для тово только, что они единаго Вѣры исповѣданія. Отъ чего происходитъ сіе поведеніе? ежели не отъ того, что невоздержный православный даетъ преимущество православному честному человѣку, признавается, что онъ ево въ благочестіи превосходитъ, и что онъ не можетъ самъ достигнуть до такой высокой степени совершенства, по сему такъ часто употребляемому слову, которое находимъ во мнѣніяхъ нравоученія, и гдѣ стихотворецъ заставляетъ говорить Медею; „*вижу лутчее, и хуждшему слѣдую?* - - - Video meliora, proboque, deteriora Sequor. - - - - -

Овид: превращ: VII. 20

На конецъ извѣстно, что ежели бы наша къ вѣрѣ ревность была праведна и законна, такъ бы мы больше подвизались противъ человѣка худова житія нежели противъ Еретика; для того, что есть различныя обстоятельства, которыя могутъ того извинить предъ Всемогущимъ судіею мира, и нѣтъ ни какова, которое бы человѣка худаго житія оправдать могло. Корысть не менше приводитъ человѣка воспламеняться и утѣснять подъ тѣнію ревности. И для того то не видно столько

лю-

людей пылающихъ къ возстановленію богопочитанія оружіемъ и огнемъ, какъ тѣхъ, которыя тѣмъ корыстуются. Но я дамъ слову корысть больше пространства, нежели оно ево обыкновенно имѣетъ: я ево употреблю къ тому, что касается до духовнаго и временнаго. Человѣку нравится, когда онъ видитъ, что число ево сообщниковъ умножается, и что они ему помогаютъ укрѣпляться въ ево мнѣніяхъ. Всякой новоприятой въ Вѣру есть новое доказательство утверждающее ево Вѣру. Онъ заключаетъ изъ того, что его мнѣнія доказательны, и сколько лутче основаны, сколько много онъ находитъ ихъ согласными съ разсужденіемъ другихъ какъ и съ своимъ. Вы видите, что Атеистъ старается размножать свои безбожныя ученія съ жаромъ такимъ же, какъ и самой рачительной православной показываетъ свою ревность къ славѣ Божіей: убѣдительное доказательство, что весьма слѣпо тщеславятся ревностію, и что корысть имѣетъ въ томъ не малое участіе.

Не менше опасаться должно и злости кроющейся подъ видомъ ревности. Многія честныя люди могутъ въ сердцѣ своемъ имѣть нѣкоторую злость, которую они усыпили, и почти со всѣмъ

задушили основанїями Вѣры ; но естьли она найдетъ къ оказанїю себя какой нибудь видъ , которой они почтутъ непротивнымъ должностямъ Христїянина; такъ она не полагаетъ себѣ больше границъ , и всякому предается излишеству. И такъ ревность къ Вѣрѣ даетъ великую помочь злобному человѣку , которой думая угодить Богу , ищетъ только удовольствовать свой жестокой и отмстительной нравъ. Отъ того происходитъ , что большая часть бывшихъ въ свѣтѣ кровопролитїй должны своимъ началомъ сей мнимой ревности исполненной яростїю и бѣшенствомъ.

Мнѣ приятно видѣть человѣка ревностна къ умноженїю добрыхъ нравовъ, и къ приращенїю общей пользы рода человѣческаго : но когда онъ употребляетъ колеса и висѣлицы , каторги и темницы ; заключаетъ тѣхъ , которыхъ ему понравится называть Еретиками ; описываетъ ихъ имѣнїя ; разоряетъ ихъ домы , и осуждаетъ ихъ сожигать , чтобъ души ихъ спасти , тогда я не могу удержаться , чтобъ не сказать велегласно , какое бы онъ хорошее мнѣнїе о своей Вѣрѣ и благочестїи ни имѣлъ, что одна тщетна , а другое негодно , или паче безчеловѣчно.

Гово-

Говоривъ о непрямыхъ почитателяхъ благочестія исполненныхъ ревностію къ Вѣрѣ, долженъ я обратить очи на нѣкоторой родъ чудовищей, о которыхъ не можно бы было и думать, что они въ естествѣ существуютъ, ежели бы не видно было ково изъ нихъ во всѣхъ почти бесѣдахъ, то есть на ревнителей безбожія. Можно бы было помыслить, что сіи великія Философы хотя въ разсужденіи всево другова гораздо менше тѣхъ, которыя исповѣдуютъ какую нибудь Вѣру, ихъ превосходятъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что они не имѣютъ той слабости, которая кажется долженствуетъ своимъ началомъ одному только желанію, чтобъ угодить Богу; однако то подлинно, что они стараются утвердить безбожное свое ученіе съ толикимъ стремленіемъ и раченіемъ, съ толикою яростію и бѣшенствомъ, будто бы спасеніе рода человѣческаго отъ того зависѣло. Есть нѣчто такое смѣшное и превратное въ семъ родѣ ревнителей, что не можно знать, какимъ образомъ за то и приняться, что бъ ихъ изобразить естественно. Они подобны тому роду игроковъ, которыя беспокоются и бранятся беспрестанно, хотя и на ни

что играютъ. Они томятъ друзей своихъ, чтобъ ихъ на свою сторону склонить, хотя сами знаютъ, что не будетъ выигрыша ни тому ни другому. Однимъ словомъ ревность къ распространенію безбожія есть еще больше, ежели возможно, нежели безбожіе само.

Когда теперь говорится о сей непонятной ревности, которая видна въ безбожникахъ и невѣрныхъ, такъ я скажу при томъ, что они подвержены весьма чрезвычайнымъ образомъ духу суевѣрія: хотя предварены мнѣніями странными и противорѣчущими, однако малѣйшее затрудненіе въ единомъ Вѣры членѣ довольно для нихъ, чтобъ ево опкинуть: Они называютъ заблужденіями и застарѣлыми мнѣніями, тѣ мысли согласующіяся съ общимъ разумомъ всего рода человѣческаго, которыя принимаемы были во всѣхъ вѣкахъ, и всѣми народами, не поминая о естественномъ къ оному склоненіи для полученія блаженства въ обществѣ гражданскомъ и въ участномъ житіи, и вводятъ на мѣсто того мнѣнія со всѣмъ чудовищныя и безразсудныя, которыхъ ни какъ не можно принять безъ величайшаго легкомыслія. Положимъ будто собраны въ нѣкакой Символъ Вѣры всѣ

глав-

главныя члены Атеиства, какъ Вѣчное установленіе мира, Вещество мыслящаго существа, Смертность души, Удачею въ составы приведенное наше тѣло, Движеніе и внутреннее сокровенное давленіе вещества, и другія симъ подобныя ученія поддерживаемыя самыми славнѣйшими Атеистами; положимъ, говорю я, что бы кто учинилъ такой Символъ, и что бы кто такую принялъ Вѣру; не требовало ли бы сіе гораздо пространнѣйшаго изъясненія такой Вѣры, нежели какое въ нашемъ Христіянскомъ исповѣданіи требуется? Пускай самой искуснѣйшій въ ихъ исповѣдываніи на то мнѣ отвѣтствуетъ, и что бы мнѣ въ то же время позволено было увѣщевать сихъ великихъ спорщиковъ вѣка, чтобъ они поступали для ихъ собственной пользы и для народной, образомъ по крайней мѣрѣ такимъ, которой бы лутче сходствовалъ съ ихъ основаніями, а не горѣли бы ревностію къ безвѣрію, и не были бы суевѣрными толико устремительно къ совершенному прилѣпляяся вздору.

Переводилъ съ Французскаго перевода И. Д.

VII.

ЕЛЕГІИ.

I

Чево ты мнѣ еще зло время не наслало!
И гдѣ ты столько мукъ, и грустей собирало?
Судьба за что ты мнѣ даешъ такую часть?
Куда ни обращусь, вездѣ, вездѣ напасть.
Бывалъ ли кто когда въ такой несносной мукѣ,
И столько беспокойствъ имѣлъ ли кто въ разлукѣ?
Опасности, и страхъ, препятствія, бѣды,
Терзали томный духъ всѣ вдругъ безъ череды,
И въ обстоятельства меня низвергнувъ злыя,
Отъяли наконецъ и очи дарагія.
О случай! о судьба! возможно ли снести!
Разстаться съ тѣмъ кто милъ и не сказать прости!
Утѣхи! радости! въ которыхъ дни летали,
Гдѣ дѣлись вы теперь? и что вы нынѣ стали?
О градъ! въ которомъ я благополученъ былъ,
Мѣста! которыя я прежде толь любилъ,
Вы кажетесь теперь мнѣ пусты и немилы;
Неимутъ больше въ васъ приятны рощи силы,
Долины, и рѣка текуща возлѣ горъ,
Привлечь мои глаза и усладить мой взоръ.
Какъ слышу что струи журчатъ и воды льются,
Тогда печальный духъ и мысли всѣ мятутся.
Во изумленіи услыша водный шумъ;
Любезну привожу неволею на умъ,

Съ

Съ которою при сихъ водахъ знакомство стало,
Гдѣ серце много разъ пресладко воздыхало,
Гдѣ многожды мой духъ былъ ею восхищенъ,
И плачу что уже драгихъ тѣхъ дней лишенъ.
На что ни погляжу, я всѣмъ воспоминаю,
Что ужъ любезной нѣтъ, и слезы проливаю:
Я индѣ съ нею былъ, въ иныхъ мѣстахъ видалъ,
Въ иныхъ, не зря ее, духъ мыслью услаждалъ,
Въ который день не зрѣлъ вчерашнымъ утѣшался,
И радостей своихъ назавтра дожидался.
И такъ въ моемъ умѣ то время вобразилъ,
Что нѣтъ во дни часа, чтобъ я ево забылъ:
И нѣтъ убѣжища во всемъ пространномъ градѣ,
Въ несносной горести, къ малѣйшей мнѣ отрадѣ.

* * *

II

Уже ушли отъ насъ играніе и смѣхи;
Предай минувшія забвенію утѣхи!
Дай власть свирѣпствовать жестокимъ временамъ;
Воспоминаніе часовъ веселыхъ намъ,
Часовъ, которыя тобой меня прельщали,
И красотой твоей всѣ чувствы восхищали,
Въ глубокой горести, сугубитъ муки тѣ,
Которы ты нашла въ нещастной красотѣ.
Пусть будетъ лишъ моя душа обремененна,
И жизнь на вѣчныя печали осужденна:
Пусть буду только я крушиться въ сей любви,
А ты въ спокойствіи и въ радостяхъ живи.
О въ заблужденіи безумное желанье!

Когда

Когда скончается тѣхъ дней воспоминанье,
И простудитъ твою пылающую кровь;
Гдѣ дѣнется тогда твоя ко мнѣ любовь!
Но что мнѣ помощи что ты о мнѣ вздыхаешъ,
И дни прошедшїя со плачемъ вспоминаешъ!
Въ претемномъ бѣдствїи какую мысль приять!
Чево нещастному въ смущенїи желать?
Мнѣ кажется какъ мы съ тобою разлучились,
Что всѣ противности на мя вооружилксь:
И отовсѣхъ сторонъ, спѣсненный духъ томя,
Случаи люпыя стремятся здѣсь на мя,
И множатъ серца боль въ неисцѣлимой ранѣ:
Такъ вѣтры шумныя на гордомъ океанѣ,
Ревущею волной въ корабль пресильно бьютъ,
И воду съ пѣной, злясь въ него изъ бездны льютъ.

Терпи о серце днесь болѣзнь неизцѣленну!
Сноси моя душа судьбину непремѣнну!
Теките изъ очей потоки горькихъ слезъ!
Всѣ ваши радости сердитый рокъ унесъ.
Вздыхай о мнѣ, вздыхай возлюбленная нынѣ;
Но ахъ! покорствуя случаямъ и судьбинѣ,
Всегдашнюю тоску какъ можешъ умѣряй,
И въ сокрушенїи надежды не теряй!
Претерпѣвай тоску, напасть и время скучно;
Мы либо и опять жить будемъ не разлучно.
Смягчись жестокой рокъ, стенанье сократи,
И взяты радости нещастнымъ возврати!

* * *

III.

Терпи моя душа, терпи различны муки,
Болѣзни, горести, тоску, напасти, скуки,
На всѣ противности отверзлось серце днесь,
Хоть разумъ омраченъ и огорченъ духъ весь!
Веселой мысли нѣтъ, всѣ радости сокрылись
Всѣ злыя случаи на мя вооружились,
Великодушїе колеблется во мнѣ.
Къ которой ни возрю тоскуя сторонѣ,
Я помощи себѣ не вижу ни отколѣ,
Отъ всѣхъ сторонъ бѣды, и нѣтъ надежды болѣ.
И сонъ, дражайшїй сонъ, страдающихъ покой,
Отъ глазъ моихъ бѣжитъ, гонимъ моей тоской.
Дни красныя весны природу обновляютъ,
И очи жителей земныхъ увеселяютъ:
Не веселятся тѣмъ мои глаза одни:
Мнѣ всѣхъ временъ равны мучительныя дни.
Противная судьба повсюду мной владаетъ,
И ядъ моей крови всю внутренну сѣдаетъ.
На что ты кажешся жизнь въ радостяхъ крашка,
И долговременна кому не такъ сладка?
Когда велитъ судьба терзаться неотложно;
Сноси печали духъ, сноси ихъ сколько можно!
И естьли ихъ уже ни что не отвратитъ;
Отваживайся! смерть ихъ вѣчно прекратитъ.

* * *

IV.

Я чаялъ, что свои я узы разрѣшилъ,
И мыслилъ, что любовь я въ дружбу премѣнилъ;

Ужъ

Ужъ мысли нѣжныя меня не восхищали ;
Заразы глазъ драгихъ въ умѣ не пребывали.
И скука и тоска изъ серца вышли вонъ
Я радостны часы какъ сладкій помнилъ сонъ
А дни , въ которыя разстался я съ тобою,
Драгая , почиталъ я страшною мечтою.
Но только лишъ сей взоръ что серце мнѣ пронзалъ,
Который шмы ушѣхъ и грустей приключалъ ,
Въ глаза мои сверкнулъ; вся мысль моя смутилась,
Жаръ въ кровь мою вступилъ , и страсть возобновилась :
Усилились твои присутственны красы ,
Вообразились тѣ мѣста и тѣ часы ,
Которыя тебя мнѣ въ очи представляли ,
И пламенный мой духъ и серце прохлаждали.
Я чувствую опять твою , драгая власть :
Хоть пламень былъ и скрытъ ; не изчезала страсть.
И можетъ ли кому то вѣчно быть забвенно ,
Чѣмъ мысль наполненна , чѣмъ серце напоенно,
Что столько радостей и грустей нанесетъ!
Еще тебя люблю , еще люблю мой свѣтъ.
Еще ль и ты меня , драгая не забыла ?
Или толь нѣжная любовь уже простыла ?
Твой зракъ , драгихъ тѣхъ мѣстъ , гдѣ я съ тобой бывалъ,
По возвращеніи моемъ , не посѣщалъ.
Какъ зрѣлась ты со мной огнемъ любви пылая !
Воспомни , ахъ ! тѣ дни , воспомни дарагая !

* * *

А. С.

VIII.

VIII.

ПИСЬМО.

АРТИЛЛЕРІИ КЪ Г. ПОЛКОВНИКУ ПЕТРУ БОГДАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ.

СЪ великимъ видѣвъ удовольствіемъ, въ какое состояніе нынѣ приведена Россійская Артиллерія, и съ какою исправностію и поспѣшностію въ оной дѣйствуется, умножилъ я свое удивленіе, что состоящія подъ Вашимъ управленіемъ люди съ такимъ же искуствомъ и въ Инфантерійской Ексерсиціи упражняются. Когда они мѣлкое имѣли ружье, тогда казалося мнѣ, что они весь вѣкъ свой только тому одному обучалися, и достигли до совершенства; а когда они за большее принялися оружіе, и бросать зачали громъ и молніи: тогда Невскія брега затряслися, воды востревожились, воздухъ восколебался, и земля вострепетала, а я вознесенный духомъ на Парнассъ видѣлъ оттолѣ въ изступленіи моемъ на облакахъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, украшенна Вѣнцемъ Славы, и за добродѣтели и милости къ отечеству

честву озаренна божественнымъ свѣтомъ,
и слышалъ его вѣщающа тако :

Я думалъ то всегда , и твердо зналъ о томъ ,
Что силы , мной твои , Россiя ! совершатся ,
И всѣ твои враги тобою устрашатся.
Бросаютъ молнiи , бросаютъ Россы громъ ,
До нынѣ смертныя какова не метали.
О Россы , таковы на свѣтѣ мной вы стали !

А. С.

* * *

Оглавленiе.

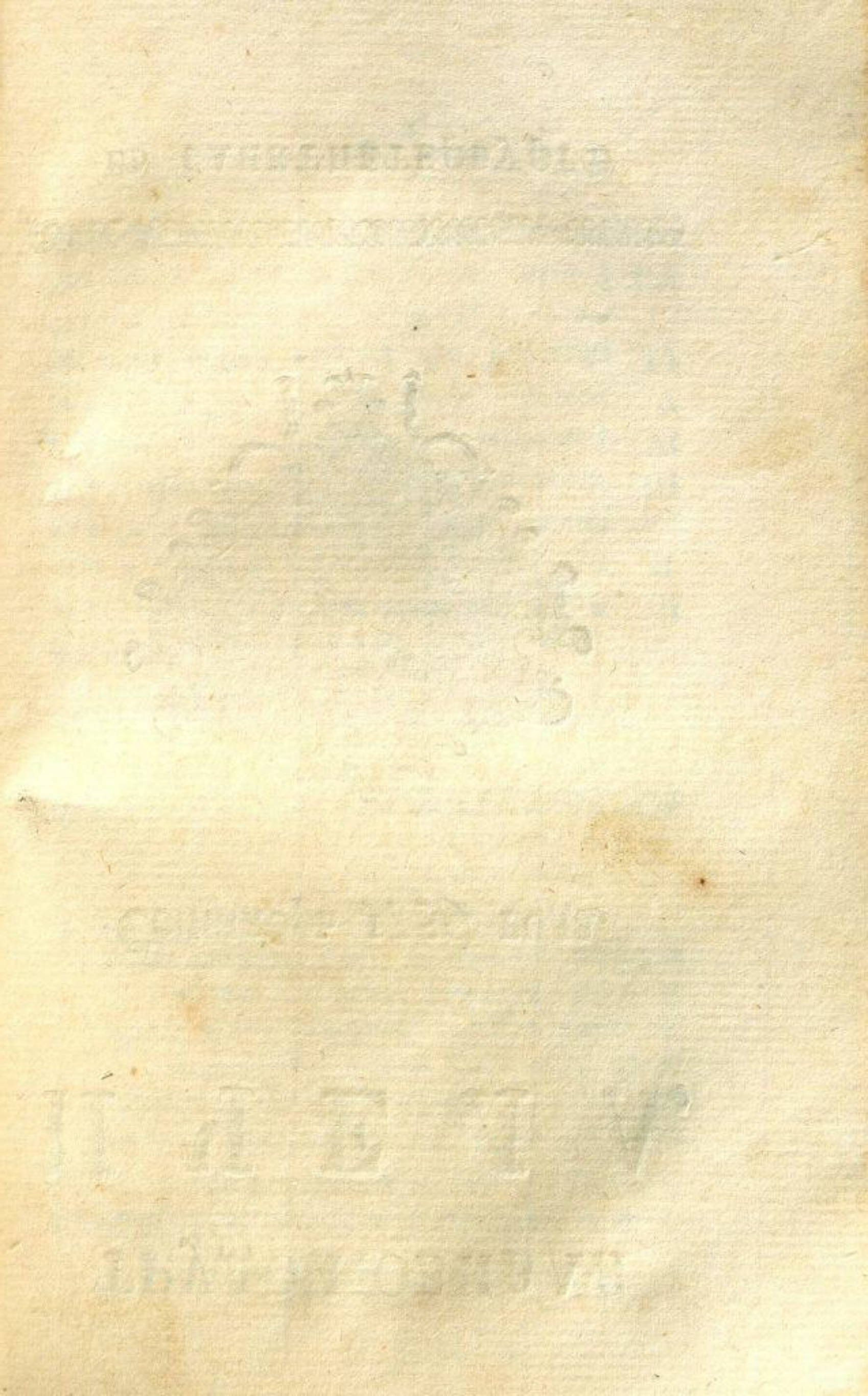
		стран.
I.	Молитвы и Псалмы - - - -	451
II.	Пришествiе , на нашу землю , и пребыванiе на ней , Микромегаса. -	455
III.	Притчи и разныя Стихотворенiя.	476
IV.	Разсужденiе о войнѣ. - - - -	484
V.	Еклоги. - - - - - - - - -	490
VI.	рѣчь LV изъ вторыя части Смотрителя. - - - - - - - - -	498
VII	Елегiи. - - - - - - - - -	506
VIII.	Письмо. - - - - - - - - -	511

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Сентябрь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ



I.

ПИСЬМО

сочиненное

ПУБЛІЕМЪ ОВИДІЕМЪ НАСОНОМЪ.

ФИЛЛИДА ДИМОФООНТУ.

Угостившая тебя, Димофоонтъ, Родопская твоя Филлида жалобу на тебя къ тебѣ жъ приноситъ, что ты къ уреченному времени сюда не возвратился. Ты со мною здѣлалъ договоръ, что когда рога Луны, исполнивъ четырежды ея кругъ, соединятся, то якорь твой будетъ уже лежать зарытъ въ песокъ на брегахъ нашихъ. Уже Луна четырежды скрылася, четырежды въ полный кругъ возрасла, а Сиѳонійскія воды не несутъ еще Аѳинскихъ кораблей. Считай время, которое любящіеся считаютъ очень вѣрно, не дойдетъ до тебя сія моя жалоба прежде своего

времени. И надежда моя была сомнительна ; не скоро тому вѣримъ , что оскорбляетъ насъ , когда мы повѣримъ: а теперь противъ воли моей то любящей мнѣ вредитъ. Часто я сама себя обманывала въ пользу твою ; часто казалось мнѣ , будто бурные южные вѣтры на бѣлыхъ парусахъ тебя ко мнѣ гонятъ. Проклинала я Ѳисея , думая, что онъ тебя отпустить не хотѣлъ ; а онъ можетъ быть отъ пути твоего тебя и не удерживалъ. Иногда боялась я , что бы твой корабль , спѣша къ мѣлкимъ брегамъ Евра , сокрушенный въ сѣдыхъ водахъ не погрузился. Часто я съ колѣнопреклоненіемъ за тебя , беззаконный , просила Боговъ , и молитвою съ возженнымъ кадиломъ ихъ умилостивляла. Часто я видя способные вѣтры вѣющіе съ надлежащей страны неба сама себѣ говорила : Ежели онъ здравствуетъ , то конечно уже ѣдетъ. Однимъ словомъ искренняя любовь воображала мнѣ всѣ препятства , которыя могутъ спѣшащихъ остановить , и въ выдумываніи причинъ была я очень остроумна. А тебя долго уже нѣтъ , ни Боги , которыми ты клялся , тебя не возвращаютъ , ни любовь моя тебя не трогаетъ. Димофоонтъ , вѣтрамъ и

слова

слова твои и парусы ты предалъ, и я скорблю, что парусы возвращенія, а слова лишаются вѣрности. Скажи мнѣ, что я здѣлала? Развѣ не умно я тебя полюбила? Такъ виною моею могла я въ тебѣ взаимную возбудить склонность. Одна моя вина та, что я тебя, беззаконный, приняла: но сія вина отъ всѣхъ почитается благодѣяніемъ. Гдѣ теперь правосудіе, вѣрность и соединившаяся десница съ десницею, и часто упомянутый лживыми твоими устами Богъ? Гдѣ теперь Именей, которымъ клялся ты, чтобъ совокупно со мною жить, который мнѣ повѣреннымъ и порукою брака былъ? Моремъ, которое все вѣтрами и волнами воздвигается, которымъ ты часто ѣзжалъ, и которымъ опять намѣренъ былъ ѣхать, симъ моремъ и твоимъ ты мнѣ клялся, развѣ и того ложно такъ называешъ, который возмущенныя вѣтрами моря укрощаетъ, Дѣдомъ, Венерою, и жестоко меня уязвившимъ Купидоновымъ оружіемъ, которое есть лукъ и свѣчи; и Юноною, которая милостиво предсидитъ одрамъ сочетанныхъ браковъ, и таинственными празднованіями свѣченосной Богини. Есть ли изъ столько оскорбленныхъ тобою

Боговъ всякъ отмщевать станетъ за призваніе имени ихъ всуе, то для казней тебя единаго не будетъ довольно. А я въ бѣшенствѣ и разбитые корабли починила, чтобъ крѣпко было судно то, на которомъ бы ты поѣхавъ, меня оставилъ. Я тебѣ дала и гребцовъ, помощію бы которыхъ ты отъ меня ушелъ. Увы! я претерпѣваю раны моимъ же оружіемъ мнѣ нанесенныя. Повѣрила я ласкавымъ словамъ, которыми ты обиленъ, повѣрила роду твоему и имени; повѣрила слезамъ. Не уже ли и слезы притворствовать умѣютъ? Такъ: и у нихъ есть хитрость, и они льются по повелѣнію. Больше всего повѣрила я Богамъ. На что мнѣ столько порукъ? Меня можно было обмануть, употребивъ нѣкоторую часть только оныхъ. И не печалюсь я о томъ, что я тебѣ вспоможеніе дала пристанью и мѣстомъ; довольно было отъ меня тебѣ сего благодѣянія: о томъ сожалѣю, что я къ угощенію присовокупила еще и бракъ, и здѣлалась тебѣ супругою. Лучше бы я желала, чтобъ та ночь, которая бракъ нашъ предварила, была мнѣ послѣднею; когда еще могла Филлида свою жизнь окончать честно. Лучшаго я надѣялась, думая, что я то за-

заслужила ; надежда раждающаяся отъ заслугъ справедлива. Не великихъ трудовъ слава обманутъ дѣвицу , которая легко вѣритъ словамъ любезнаго ; простота моя была достойна твоей приязни. Я обманута твоими словами, будучи женщина и любовїю къ тебѣ пылающи : дайте Боги , что бы вся твоя похвала въ семъ только одномъ состояла. Когда бы между Егеевыми потомками было поставлено и твое изображенїе на срединѣ Града ! Сперьва будетъ стоять отецъ великолѣпною почтенный надписью : въ ней читать будутъ о Скиронѣ , звѣрообразномъ Прокрустѣ , Синидѣ , и имѣвшемъ смѣшенной образъ мужа и быка , о побѣжденныхъ войною Ѳивахъ , и разгнанныхъ двоякочленныхъ Кентаврахъ , и о нисшествїи его во мрачное царство Чернаго Царя. Послѣ его подъ твоимъ изображенїемъ пускай сїю вырѣжутъ надпись : Сей есть тотъ , котораго хитростїю обольщенна женщина угостившая и возлюбившая его. Изъ толикаго множества славныхъ и храбрыхъ дѣлъ твоего родителя вкоренилась въ умѣ твоемъ только оставленная имъ Критянка. Въ чемъ одномъ онъ извиняется , тому ты въ немъ одному дивишся , невѣрный , и

отческаго обмана наслѣдникомъ себя показываешь. Но Критянка, я ей не завидую, наслаждается теперь лучшимъ его мужемъ, и на высокой колесницѣ сидитъ везомая обузданными тиграми; а моего супружества убѣгаютъ презрѣнные мною прежде Ѳракіяне, для того, что я чужестраннаго предпочла своимъ; и нѣкоторые изъ нихъ говорятъ: пускай уже она теперь идетъ въ ученыя Аѳины, здѣсь сыщется другой, кто оруженосною Ѳракіею будетъ обладать. Однако конецъ похваляетъ дѣло: дай Богъ, чтобъ тѣ не имѣли успѣха, которые изъ нечаянныхъ приключеній о дѣлахъ разсуждаютъ. А естьли наши твоими воспѣнятся моря веслами, тогда скажутъ, что я и для себя и для своихъ умно здѣлала и хорошо. Но и не хорошо и не умно я здѣлала; и царство мое тебя къ себѣ не привлечетъ, и упружденныхъ членовъ ты Вистоніискими не омоешь водами. Всегда глазамъ моимъ представляется твое лице, каково оно въ то время было, когда ты отправлялся въ путь, и когда уже корабли въ моей пристани къ отъѣзду были приуготовлены. Дерзнулъ ты меня когда обнять, и бросившись на шею лю-

любящей тебя, очень долго любовные давать поцѣлуи, и со слезами твоими наши смѣшивать слезы, и жаловаться, что способный былъ парусамъ вѣтеръ; на конецъ отвѣзжая сіи мнѣ послѣднія сказать слова: Филлида, ожидай твоего Димофоонта. Я буду ожидать того, который покинулъ меня на вѣки? Я буду ожидать тѣхъ парусовъ, которые на моряхъ моихъ ни когда не явятся? Однако ожидаю: прійди къ любящей тебя обратно, хотя поздо, и покажи, что ты противъ вѣрности погрѣшилъ только однимъ временемъ. Но о чемъ я нещастная тебя прошу? Можетъ быть удерживаетъ тебя другая уже супруга, и неприязненная мнѣ любовь. И когда я изъ памяти у тебя вышла, то думаю, что ты уже и не знаешъ Филлиды. Увы! ежели ты спрашиваешъ: что то за Филлида, и откуда? Послушай, я та, которая тебя, Димофоонтъ, въ долговременномъ морскомъ путешествіи странствовавшаго во Ѳракійскія впустила пристани и угостила; которая имѣніемъ своимъ тебѣ вспомоществовала; которая богатствомъ изобилуя въ твоей нуждѣ многіе тебѣ дары дала, и многіе дать впредь была намѣрена; которая твоей

власти подвергла обширное Ликургово царство, коимъ едва можетъ женское управлять имя, простирающимся отъ покрытой льдомъ Родопы къ тѣнистому Ему, и гдѣ священный Евръ быстрыя свои въ море изливаетъ воды; которой дѣвство ты въ нещастливое нарушилъ время, и цѣломудрый поясъ измѣнническою развязалъ рукою. Сваха Тисифона выла тогда въ чертогахъ, и пустынная птица пѣла въ ужасъ приводящія и злополучіе предвѣщающія пѣсьни, присутствовала Алектона обвитую имѣя голову коротпкими змѣями, и видимы были глазамъ движущіяся на гробахъ свѣчи. Однако я прискорбна всхожу на высокіе камни, по заросшимъ хожу кустами берегамъ, и сколь далеко простираетсл мое зрѣніе, смотрю въ море. И днемъ, когда солнце согрѣваетъ землю, и ночью, когда холодныя сіяютъ звѣзды, примѣчаю, которымъ моря возвѣваются вѣтромъ. И естьли какіе изъ дали пловущіе увижу парусы, тотъ часъ думаю, что то мои Боги. Выбѣгаю къ морю, и едва удерживаютъ меня волны, что бы не стала я на самомъ краю берега у первыхъ водъ морскихъ. Чѣмъ ближе они къ землѣ приходятъ, тѣмъ больше я серд-

сердцемъ унываю. На послѣдокъ ошибаетъ меня обморокъ, и падаю въ руки рабынь. Есть заливъ искривленный умѣренно въ дугу, на концахъ котораго ужасные каменные утесы; отсюду хотѣла я себя свергнуть въ протекающія въ низу воды, и для того что ты невѣрности твоей не перемѣняешь, низвергну. Пускай тѣло мое морскіе валы несутъ ко брегамъ твоимъ, что бы твои глаза увидѣли меня непогребенную. Хотя ты жестокостію превосходишь желѣзо, дїяманть и самого себя, однако скажешь: не такъ было тебѣ, Филлида, надлежало слѣдовать за мною. Часто я жажду отравы, часто думаю пронзить грудь свою мечемъ и кровавою погибнуть смертію. Приходитъ мнѣ въ мысль и шею свою за то, что невѣрные обнимали ее руки, сомкнуть верьвію. Приняла я твердое намѣреніе безвременною стыдъ младости моей наградить смертію, а на избраніе смерти не надобно будетъ долгаго времени. Напишутъ на гробѣ моемъ твое имя какъ ненавистнаго причинителя моей смерти; и будешь ты потомкамъ извѣстенъ сими или симъ подобными стихами. Димофоонтъ умертвилъ Филлиду, угощенный любящею,

онъ

онъ подалъ ей причину смерти, а на смерть употребила она собственную руку.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

II.

ФИВЪ и ДАФНА.

Изъ первой книги Овидіевыхъ превращеній.

ПЕрвая Фивова любовь была Пинейская Дафна; которую въ немъ зажегъ не случай нечаянный, но жестокой гнѣвъ Купидоновъ. Дилійскій богъ, нѣкогда побѣдою змія возгордившійся, увидѣвъ Купидона натягивающа тетиву и напрягающа лукъ, сказалъ: на что тебѣ, сладострастный мальчикъ, храброе оружіе? сіе украшеніе прилично моимъ раменамъ. Я могу не минуемыми уязвлять звѣрей, могу непріятелей уязвлять ранами. Я недавно надменнаго и ядовитымъ чревомъ толикое пространство полей покрывающаго Пиѳона безчисленными низложилъ стрѣлами. А ты будь доволенъ тѣмъ, что твоею свѣчою можешь не вѣдомо

ка-

какую возжигать любовь, и похвалы, которая мнѣ прилична, себѣ не приписывай. На сіе сынъ Венеринъ ему такъ отвѣтствовалъ: пускай твой лукъ, Фивъ, всѣхъ поражаетъ, а мой тебя. И сколько всѣ звѣри тебѣ уступаютъ, столько слава твоя моей меньше. Сіе сказавъ, вострепеталъ крильями, и разсѣкая воздухъ со тщаніемъ, сталъ на тѣнистой вершинѣ Парнаской; и вынялъ изъ стрѣлоноснаго колчана двѣ стрѣлы различнаго рода. Одна изъ нихъ прогоняетъ, а другая раждаетъ любовь. Та, которая раждаетъ, позлащенна, и блистаетъ острымъ копейцомъ, а которая прогоняетъ, тупа, и подъ тростію имѣетъ свинецъ. Послѣднею стрѣлилъ Богъ на Пинейскую Нимфу, а первою поразилъ Аполлоновы кости, и въ оныхъ мозгъ. Вдругъ сей началъ любить, а та и отъ имени любящаго отвращается, и подражая безбрачной Фивовой сестрѣ ходитъ по густымъ лѣсамъ, за единое увеселеніе почитая дикихъ ловить звѣрей. Волосы у нее не были ни когда убраны, однако связаны повязкою. Многіе желали ее имѣть себѣ женою; однако она гнушалася всѣми, и не терпя за мужемъ

быть,

быть, и не познавъ ни когда мужа; по непроходимымъ бѣгаетъ дубровамъ, и не печется о томъ, что бы ей знать, что есть Именей, что любовь, и что бракъ. Часто ей отецъ говорилъ: ты мнѣ дочь моя должна зятемъ; часто ей отецъ говорилъ: ты мнѣ дочь моя должна внуками. Но она ненавидя брачныхъ свѣчъ, какъ нѣкоего беззаконія, слыша сіи слова, на прекрасныхъ своихъ устахъ незапно выступившій являла румянецъ, и обнявъ отеческую шею ласкавыми руками просила его такъ: Дай мнѣ, дражайшій мой родитель, вѣчнымъ наслаждаться дѣвствомъ, и Діянѣ прежде меня отецъ ея тоже дозволилъ. И хотя онъ на прошеніе твое склонился, однако твоя красота запрещаетъ тебѣ тѣмъ быть, чѣмъ ты желаешъ, и желанію твоему прелестный твой видъ противится. Фивъ любитъ, и увидѣвъ Дафну, желаетъ бракомъ съ нею сочетаться, а чего онъ желаетъ, то и получить надѣется; въ чемъ онаго обманываютъ и собственные его отвѣты. И какъ сухая солома по снятіи съ нее колосовъ горитъ, или какъ загороды изъ хворосту пылаютъ отъ свѣчей, которыя прохожіе иногда ненарочно очень близко

ко ихъ несутъ , или уже на разсвѣтѣ подъ оныя бросаютъ , такъ Богъ весь пламенемъ сталъ обнять , такъ всѣмъ сердцемъ горитъ , и неплодную любовь питаетъ надеждою. Смотритъ на неубранные висящіе на шеѣ волосы , и говоритъ : что бы было , есть ли бы они были убраны ? Видитъ огнемъ блистающіе двумъ звѣздамъ подобные очи, видитъ маленькія уста , на которыя неможно довольно наглядѣться : хвалитъ пальцы , руки , плечи , и до половины обнаженные локти , и воображаетъ въ мысляхъ своихъ гораздо лучшимъ все то , что отъ глазъ его скрыто. Но она отъ него бѣжитъ скорѣе быстрыхъ вѣтровъ , и не останавливаетсѧ ни сими назадъ ее отзывающими рѣчьми. Нимфа, прошу, Пинеева дочь , постой : не непріятель за тобою гонитсѧ. Нимфа , постой. Такъ агнецъ бѣжитъ отъ волка , такъ ланъ отъ льва , такъ отъ орла трепещущими лѣтятъ крильями голуби. Однако они всѣ бѣгутъ отъ своихъ непріятелей : а мнѣ за тобою слѣдовать велитъ любовь. Ахъ , берегись , чтобъ не упала , и нѣжныхъ своихъ ногъ не поколола терніемъ , я боля тебѣ сего буду причиною. Мѣста тѣ , куда бѣ-

жишь,

жишь , не равны ; пожалуй бѣги тише , и уменьши скорости въ бѣгѣ твоемъ ; то и я стану тише за тобою гнаться. Однако испытай и увѣдай прежде , кому ты мила. Я не жилецъ сихъ горъ , я не пастухъ ; не хожу я здѣсь ни за быками ни за овцами. Не знаешь , безрассудная , не знаешь , отъ кого бѣжишь , и для того ты бѣжишь отъ меня. Мнѣ Делфійская страна , и Кларъ , и Тенедъ , и Патарейская служитъ область. Юпитеръ мой отецъ , чрезъ меня все что будетъ , было и есть , извѣстно , чрезъ меня пѣніе со струнами согласуетъ. Стрѣла моя мѣтка , однако есть одна и моей мѣтчѣе , которая неповинную мою грудь поразила язвою. Врачебная наука есть мое изобрѣтеніе , и спасительнымъ меня весь свѣтъ нарицаетъ : всѣ травы и силы ихъ въ моей власти. Увы ! что любовь никакими травами неизлѣчима ; и что искуство мое , пользующее всѣхъ , самого меня не пользуетъ. Больше бы онъ еще говорилъ , но Пинеева дочь устрашеннымъ бѣгомъ его оставила , а съ нимъ и слова его не совершенныя. И тогда показалась приятною. Тѣло ея открывали вѣтры , и противящу-

ются

юся имѣ одежду возвѣвали ; нерасчесанные волосы по зади парятъ ; и бѣгомъ умножается краса. Младый богъ не можетъ уже болѣе терпѣть , чтобъ ласкательства его напрасно пропадали , и возбуждающей его любви , усугубивъ силы , за нею въ слѣдъ бѣжитъ. Какъ когда Галлскій песъ на чистомъ полѣ увидитъ зайца ; и сей ногами спасенія себѣ ищетъ , а тотъ добычи. Одинъ изъ нихъ подобный хотящему впиться думаетъ , что онъ уже держитъ , и протянувъ шею , заднихъ лапъ чуть чуть зубами не захватываетъ. Другой самъ не знаетъ , поиманъ ли онъ , и вырывается изъ самой пасти , и зубы уже его касающіеся оставляетъ. То было тогда съ богомъ и дѣвицею. Одного изъ нихъ надежда дѣлала скорымъ , а другую страхъ. Однако тотъ , который гонится , вспомоществуемъ крильями любви , скорѣе , и не даетъ себѣ покоя ; и бѣгущую уже догоняетъ и по шеѣ растрепанные вздуваетъ волосы. Дафна лишенная силъ поблѣднѣла , и трудомъ скоропостижнаго бѣга утомленная взираетъ на Пинеевы воды и говоритъ : подай мнѣ , отче , помощь ; естьли вы , рѣки , не напрасно нарицаетесь богами. Лице , которымъ

рымѣ я безмѣрно понравилась, пускай или земля поглотитъ, или образъ сей приносящій мнѣ вредъ, превращеніемъ пускай уничтожится. Лишъ только сію молитву окончила, тотъ часъ всѣ члены начали мертвѣть: нѣжную грудь покрыла тонкая кора; изъ волосъ выросли вѣтьви, изъ раменъ сучья, ноги недавно толь скорыя, пустивъ изъ себя корни, водрузились въ землю: изъ устъ и изъ лица здѣлался верьхъ дерева. Единая красота осталась и въ превращенной. Фивъ ее еще любя, приложивъ ко пню правую руку, чувствовалъ какъ сердце трепетало подъ корою: и обнявъ своими руками вѣтьви, неинако какъ члены, цѣловалъ дерево, но отвращалось отъ поцѣлуевъ его и дерево; тогда къ ней богъ такъ молвилъ: когда ты супругою моею быть не можешь, то будешь конечно моимъ деревомъ. Ты у меня всегда будешь на волосахъ, на гусляхъ и на нашемъ, Лаврѣ, колчанѣ, ты будешь при Полководцахъ Римскихъ тогда, когда радостнымъ гласомъ воспѣвать будутъ: Трїумфъ, и когда долгой торжественной ходъ простираться будетъ даже до Капитолїи. Ты предъ дверьми у Августовъ вмѣсто вѣрнѣйшаго стоять будешь

будешь стража, имѣя посреди себя дубъ. И какъ на юношеской моей главѣ волосы не острижены, такъ и ты будь всегда почтенна неувядающею зеленью. Окончилъ рѣчь свою Пеанъ, а Лавръ недавно произросшія вѣтьви наклонилъ, и поколебалъ свой верьхъ подобно какъ голову.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

III.

ЕЛЕГІИ.

I.

Престаньте вы глаза дражайшею прельщаться;
Уже приходитъ часъ мнѣ съ нею разставаться.
Готовьтеся теперь горчайши слезы лить.
Драгія мысли васъ мнѣ должно премѣнить;
Приходитъ вашъ конецъ въ нещастливой судьбинѣ:
Мнѣ тяжко будетъ все, о чемъ ни мышлю нынѣ,
Какъ буду разлученъ, на что тогда взгляну,
Я всемъ тебя я всемъ драгая вспомяну,
Все будетъ предомной тебя изображати,

и горести , мои всечасно умножати.
Увы сурова часть велитъ сказать прости !
О время ! о часы ! Возможноль то снести !
Весь полонъ ею духъ , я стражду неисцельно,
Всѣмъ чувствіемъ люблю и мучуся смертельно.
О гнѣвная судьба , иль вынь изъ серца страсть,
Или ее оставь и дай иную часть !
О безполезный гласъ ! О тщетное желанье !
О краткая любовь и вѣчное стенанье !
Нѣтъ помощи нигдѣ , прибѣжища не знать ,
На слезы осужденъ и вѣчно воздыхать.
На что я ни взгляну печальными глазами ,
Все жалко предомной , и все грозитъ слезами,
Противъ желанія твердятся тѣ часы ,
Въ которыя она ввѣряла мнѣ красы ,
Когда свою любовь вздыхая утверждала ,
И нѣжно упомясь безсчетно цаловала,
И къ будущей тоскѣ , когда прейдетъ сей сонъ ,
Мнѣ нѣкогда еще умножила мой стонъ:
Когда ты , мнѣ сказавъ разстанешся со мною ,
И будешъ полоненъ любезною иною ,
Я буду по тебѣ всегда грустить стеня ,
А ты ее любя не вспомнишъ про меня ,
И для ради ея противъ мя все исполнишъ ,
Съ презорствомъ говоря , когда меня воспомнишъ.
Презорство ли въ умѣ ! иныя ли любви !
Ты въ памяти моей , гдѣ , свѣтъ мой , ни живи.
Не плачь отомъ не плачь , чтобъ былъ иною
плѣненъ ,
Вздыхай , что нѣтъ съ тобой ! не буду я премѣненъ:
Вздыхай ,

Вздыхай, что мы съ тобой лишилися утѣхъ,
И въ слезы обращенъ съ играніемъ нашъ смѣхъ,
Вздыхай лишася думъ, въ которыхъ упражнялись,
И тѣхъ дражайшихъ дней въ которы мы видались!
Пускай судьбина мнѣ что хочетъ приключитъ.
Мя только смерть одна съ тобою разлучитъ.
Грущу: пускай умру, увянувъ въ лутчемъ цвѣтѣ;
Коль нѣтъ тебя, ни что не надобно на свѣтѣ.
Во что драгая ты, во что меня ввела!
На что ты, ахъ! меня, на что въ свой плѣнъ брала?
Когда бы я не сталъ тебѣ, мой свѣтъ, угоденъ,
Я бъ жилъ въ спокойствіи и былъ всегда свободенъ;
А днесь не будетъ въ вѣкъ минуты мнѣ такой,
Въ которую бъ я могъ почувствовать покой.
Нещастная любовь! мученіе презлое!
Лютѣйшая напасть! оставьте насъ въ покоѣ!
О гнѣвная судьба! немилосердый рокъ!
Ахъ! дайте отдохнуть и преложите срокъ!
Отчаянье, тоска, и нестерпимо бремя,
Отстаньте днесь отъ насъ хотя на мало время!
Хоть на не многи дни, престаньте мучить насъ!
Еще довольно ихъ останется для васъ.
Нещастье не грози, разлукою такъ строго;
Любовникамъ одна минута стоитъ много.
Мѣста свидѣтели вздыханій, ахъ! моихъ,

Жилище красоты, гдѣ свѣтъ очей драгихъ,
Пищалъ мой алчный взоръ, гдѣ не было печали,
И дни спокойныя въ весельи пролетали!
Мнѣ вашихъ красныхъ рощь, долинъ прирѣчныхъ горъ,
Во вѣки не забыть. Куда ни вскину взоръ,
Какъ Ехо вопїетъ во гласѣ самомъ слезномъ,
По рощамъ о своемъ Нарциссѣ прелюбезномъ,
Такъ странствуя и я въ пустыняхъ и горахъ,
Не видя ни чево приятнаго въ глазахъ,
Когда я васъ лишась стѣсненнымъ духомъ вспомню,
Противную страну стенанїемъ наполню.
Брега журчащихъ струй гдѣ склонность я приялъ,
Гдѣ въ самый первый разъ ее поцаловалъ!
Вы будете всякъ часъ въ умѣ моемъ твердиться,
И въ мысляхъ съ токомъ слезъ всегда чрезъ городъ литься.
Лишаюсь милыхъ губъ и поцалуевъ ихъ.
И ахъ! лишаюся я всѣхъ утѣхъ моихъ,
Лишаюся увы! всево единымъ словомъ.
Покроется ль земля своимъ ночнымъ покровомъ,
Иль солнце жаркїй лучъ на небо вознесетъ,
Мнѣ все твердить одно что ужъ любезной нѣтъ:
Мѣста и времена мнѣ будутъ премѣняться,
Но съ нею ужъ ни гдѣ мнѣ больше не видаться.
Забава будетъ вся вздыханїе и стонъ:
И сколько разъ она отниметъ сладкїй сонъ,
Какъ узрю то во лжи что въ правдѣ мнѣ бывало.
Проснусь и возстеню, что то уже пропало.
Прости страна и градъ гдѣ я такъ щасливъ былъ,

И

И мѣсто гдѣ ее незапно полюбилъ ,
Простите берега гдѣ тайности открылись ,
И вы прошедши дни , въ которы мы любились.
А ты любезная мя такъ же не забудь ,
И въ вѣрности своей подобна мнѣ пребудь !
Воспоминай союзъ всегда хранимый нами !
Какъ взглянешъ на мѣста омытыя слезами ,
Въ которыхъ я тебя узрю въ послѣдній разъ .
Гдѣ ты упустишъ мя на многи дни изъ глазъ ,
Вздохни воспомянувъ какъ мы съ тобой прощались ,
Съ какой болѣзнію другъ съ другомъ разставались.
И къ услажденію сей горести моей ,
Пусти , пусти хотя двѣ слезки изъ очей !
И естьли буду милъ тебѣ и по разлукѣ ;
Такъ помни что и я въ такой же стражду мукѣ,
Помоществуй и ты мнѣ бремя то нести !
Прости дражайшая , въ послѣднїе прости.

* * *

II.

Другимъ печальный стихъ рождаетъ стихотворство ,
Когда преходитъ мысль восторгнута въ претворство ,
А мнѣ стихи родитъ случай не ложно злой ,
Опѣяша отъ меня свобода и покой.
Въ сей злой, въ сей злѣйшїй часъ любовь, мой духъ, тревожитъ ,
И нѣкїй люшный гнѣвъ сїе смятенье множитъ.

Лечу изъ мысли въ мысль, бѣгу изъ страсти
въ страсть,
Природа надъ умомъ приемлетъ полну власть;
Но тщетенъ весь мой гнѣвъ, ково я не навижу!
Она не винна въ томъ что я ее не вижу.
Сержусь что нѣтъ въ глазахъ; но кто виновенъ
тѣмъ!
Причина днесь случай въ нещастіи моемъ.
Напрасно на нее рождается досада,
Она бы всякой часъ со мной быть купно рада.
Сержусь, и думаю почто не изберетъ
Къ тому удобна дня, а ей въ томъ воли нѣтъ.
Но какъ во многихъ дняхъ, не сыщетъ дня та-
кова,
Сулитъ увидиться, сулитъ не держитъ слова,
А я въ обманѣ семъ мученіе терплю:
Сержусь, но гнѣвомъ тѣмъ лишъ пуще я люблю.
Не льзя престать любить; я ею ужъ увѣренъ,
Что мнѣ она вѣрна; и я быть долженъ вѣренъ.
Я вѣренъ; ахъ! но что имѣю изъ того!
Я днесь опъ безпокойствъ, терпѣнья моего,
Лишенный всѣхъ забавъ ни чѣмъ не услаждаюсь:
Съ утра до вечера въ вздыханьи упражняюсь.
Въ отчаяньи, въ тоскѣ, терпя мою бѣду,
Съ утра до вечера покойной ночи жду:
Хожу тоская грусть чрезъ горы, долы, рощи,
И съ неперпѣніемъ желаю темной нощи:
Брожу по берегамъ и прехожу лѣса:
Нечувственна земля, не видны небеса;
Повсюду предомной моей любезной очи:
Одна

Одна она въ умѣ. Дождавшись тихой ночи,
Хочу сомкнуть глаза, и проводить часы
Въ забвенїи и снѣ; но ахъ! ея красы
И сомкнуты глаза сквозь вѣки проницаютъ,
И мя среди ночи съ постели подъимаютъ:
Проснувшися ловлю ея пустую тѣнь,
И осязая мракъ, желаю чтобъ былъ день.
Лишаясь сладка сна, и мояся слезами,
Что видѣлъ, ни чево не вижу предъ глазами.
О мысль! о тяжка мысль, бродяща по всему,
Найди убѣжище и ахъ! пристань къ чему!
О страсть! о люта страсть! погибни иль
умалься!
О сердце отдохни на часъ и не печалься!
Бѣгу безъ памяти, вездѣ ее ищу,
Бѣгу во всѣ страны, во всѣхъ странахъ грущу.
Озлюсь, и стану полнъ лютѣйшїя досады;
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
Въ минуту я когда ярюсь, какъ люпый Левъ,
Въ нѣжнѣйшую любовь преходитъ пущїй гнѣвъ.
Ты въ вѣрности ко мнѣ въ умѣ моемъ летаешъ,
Какъ таю я тобой, ты мной взаимно таешъ.
Но естьли гнѣвъ мой правъ, увы! когда то
такъ;
Моя любезнѣйша мнѣ стала злѣйшїй врагъ.
Какое слѣдствїе, мы нѣжности имѣемъ!
Ты ахъ! злодѣйка мнѣ, мнѣ быть твоимъ
злодѣемъ.
Злодѣйствуй, только я не буду твой злодѣй:
Ты будешъ завсегда жить въ памяти моей.

Хоть и не хочешь ужь меня ты больше видѣть,
Но мнѣ тебя не льзя, мой свѣтъ, возненавидѣть.
Не льзя престать любить, хотя бы я хотѣлъ;
Великое число пріятствъ твоихъ имѣлъ:
Изъ коихъ хоть одно на умъ когда приходитъ,
Опять меня въ любовь и въ прежню мысль приводитъ.
Отъ люпыя тоски скрываюсь отъ людей,
Но скрывшися еще страдаю больше въ ней,
Когда печальныхъ думъ ни кто не разрушаетъ.
И зрака твоево отъ глазъ не отъимаетъ.
Во множествѣ людей, въ весельяхъ, межъ красотъ,
Когда часы летятъ, мнѣ часъ, не часъ, но годъ;
Лутчайша красота очей не притягаетъ,
И хочется уйти ни что мя не прельщаетъ.
О дни! какихъ я дней до нынѣ не имѣлъ!
Отъ васъ днесь гибнетъ жизнь и духъ мой весь омлѣлъ.
Часы, которыя въ утѣхахъ пролетали,
Вы здѣлали мнѣ скорбь и вѣчной мукой стали!
Мой духъ воспламененъ и вся пылаетъ кровь:
Нещастливъ человѣкъ, кто чувствуетъ любовь.

* * *

III.

Ты только для тово любовь уничтожаешь,
Что не вкусивъ ее въ ней сладости не знаешь.
Престань употреблять во зло свою ты власть!
Вкуси любезная, вкуси любовну страсть!
Коль сердце далеко отъ сердца пребываетъ;
Учти-

Учтивый твой приемъ меня не услаждаетъ:
Сей даръ тобою мнѣ не къ облегченью данъ;
Но къ расправленїю не излечимыхъ ранъ.
Когда бы отъ тебя я слышалъ гордо слово,
Или бы на меня взирала ты сурово;
Тогда бъ меня сей огнь не такъ свирѣпо жогъ:
Я бъ духу томному подати помощь могъ;
А видя отъ тебя приятства непрестанно,
Я чувствую всегда мученье несказанно.
Хочу и силюся свободу восприять,
Стараюсь красотой другою плѣннымъ стать,
И думаю, когда твое толь серце строго,
Что есть и безъ тебя красотъ на свѣтѣ много;
Но весь разсудокъ сей пребудетъ суетой:
Я плѣненъ на всегда твоею красотой.
Въ нее лишъ мысль моя едину устремилась,
И думаетися мнѣ, что ты одна родилась,
Которая можетъ мысль мою къ себѣ привлечь,
Питать мои глаза, и кровь мою зажечь.
Нѣтъ жалости въ тебѣ; за все мое исканье;
За все почтенїе, ты зря мое желанье,
И зная подлинно какую скорбь терплю,
Не хочешъ и внимать, что я тебя люблю.
Поступокъ таковый ни мало бъ не былъ дивенъ,
Когда бы я позналъ что я тебѣ противенъ,
Но знаю что тебѣ со мной приятно быть,
Стараешся со мной всѣхъ больше говорить,
Всѣхъ больше отъ тебя привѣтства получаю,
Гдѣ бъ я съ тобой ни былъ, вездѣ твой взоръ встрѣчаю.

Къ

Къ чему жъ мнѣ то? или тѣмъ хочешъ умертвить?
Ахъ! сей ли склонность плодъ должна произрастить?
Сего ли ради я съ тобою опознался,
Что бъ я тобой прельщенъ скоряй съ душей разстался?
А естьли не умру отъ муки своея;
Къ чему останется печальна жизнь моя?
Коль жить и мучиться; такъ ето смерти зляе,
А паче мучася отъ той кто всѣхъ миляе.
Внемли возлюбленна сію прискорбну рѣчь,
И дай, какъ я твой взоръ привлекъ и духъ привлечь!
Сними то бремя ты, которо ты вздожила,
И серце исцѣли которо ты пронзила!
Хотя ты не винна, что я тобой прельщенъ;
Пусть мой безъ твоея духъ воли возмущенъ,
Но принимаючи съ привѣтствіемъ покорство,
И зная, что мой жаръ любовь а не притворство,
Или съ забавой зришъ разрушивъ мой покой,
Что, какъ предъ варваромъ, я стражду предъ тобой?
Однимъ мучителямъ забава та природна:
Другихъ погибель имъ, лишъ имъ однимъ угодна;
Однако и они не всякаго губятъ,
Губятъ лишъ тѣхъ однихъ которы согрубятъ.
Не видя отъ меня ни лести ни обмановъ,
Иль хочешъ превзойти свирѣпствомъ и тирановъ?
Оставь мнѣ дерзку рѣчь и въ злобу не вмѣни,
И несперпимую любовь мою вини:

Не

Не я , но жарЪ ея суровость извергаетЪ ,
Вся кровь бунтуется умЪ страсти уступаетЪ.
РазсудокЪ мой погибЪ , терпѢніе прошло ,
И огорченіе путь дерзости нашло.
Дражайшая ! на что ты мнѢ любезна стала ?
На что жестокая ты ласку мнѢ казала ?
Потщитесь мысли страсть хоть мало обуздать!
Принудьте томный духЪ вЪ терпѢніи страдать!
Вы очи , иль на мя вы нѢжно не глядите ,
Иль серце дарагой сЪ собою согласите !
Я часЪ вЪ который я увидѢлЪ васЪ кляну.
Оставь дражайшая , оставь мою вину !
И за преступокЪ мой яви мнѢ вмѢсто казни ,
Хотя малѢйшій знакЪ сердечныя приязни !
Что я тебя люблю , повѢрь мой свѢтЪ повѢрь !
Почувствуй ону страсть что я терплю теперь !
Ты мучила меня уже и такЪ не мало :
Иль серце вЪ вѢкЪ твое на мя ожесточало ?
Свободу потерялЪ , надежды днесь не знашь :
Я вЪ горести своей не знаю что зачать.
Что здѢлалЪ я тебѢ ? доколь страдать , доколѢ?
Терзай меня , когда вЪ твоей живу я волѢ !
Насытьсяя зрѢніемЪ мученья моево ,
Ищи погибели и смерти ты тово ,
Кто , чрезЪ твою кЪ себѢ неизреченну злобу ,
ВЪ тотЪ часЪ , вЪ тотЪ страшный часЪ , когда
влечется кЪ гробу ,
Когда кончается сей жизни суета ,
И вѢчности предЪ нимЪ растворенны врата ,
Когда ужасный рокЪ тоску ево сугубитЪ ,

Еще

Еще тебя, еще не милосерду любитъ.
Внемли несклонная, мой томный гласъ, внемли;
И по концѣ моемъ на мѣстѣ той земли,
Гдѣ будетъ тлѣть мой прахъ, взгляни на гробный камень,
И вспомнивъ сей что днесь во мнѣ пылаетъ пламень,
Вздохни, вообрази какъ зракъ твой былъ мнѣ милъ,
И молвь: я помню то, какъ онъ меня любилъ.

А. С.

IV.

РѢЧЬ XXVII.

ИЗЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ.

По прибытіи сюда почты садимся мы обыкновенно вкругъ столика, и пьемъ кофе, а старой нашъ Шевалїеръ, надѣвъ очки, читаетъ намъ громкимъ голосомъ Дїеровы рукописи; и усмѣхается при всѣхъ тѣхъ Сатирическихъ ураженіяхъ, которыя издатель почти всегда въ свои новости вмѣшиваетъ.

Послѣ

Послѣ сообщаю я ему тѣ сочиненія, которыя ко мнѣ какъ къ Смотрителю присылаютъ, и выдамъ я на свѣтъ по ево требованію письмо, которое онъ весьма хвалилъ. Вотъ оно:

ГОСПОДИНЪ СМОТРИТЕЛЬ!

Увеселяя городъ насмѣшествомъ надъ деревнею почти цѣлой мѣсяцъ, по справедливости должно, чтобъ то деревня городу отсмѣяла. Съ того времени какъ васъ съ нами нѣтъ, красавицы со всѣмъ изшалились. Ихъ юбки, которыя пучиться и разширяться начали предъ вашимъ отъѣздомъ, дѣлаютъ теперь преужасную окружность, которая день отъ дня увеличивается: однимъ словомъ, съ того времени какъ наши дамы не стали быть подъ вашимъ надсмотрѣніемъ, нѣтъ средства ихъ удержать ни въ какихъ предѣлахъ. Вы хвалили простоту ихъ головныхъ уборовъ нѣсколько ранѣе, нежели надлежало; по крайней мѣрѣ, какъ вредительная мокрота въ больномъ часто выгоняется изъ одного мѣста въ другое, такъ излишность ихъ украшеній, вмѣсто того чтобъ быть со всѣмъ искорененной, кажется перешла только отъ головы къ нижнимъ частямъ; они приобрѣли въ широтѣ то, что въ высотѣ

поте-

потеряли и противъ всѣхъ правилъ Архитектуры разширяютъ основанїе, а верьхъ уменшаютъ. Ежели бы они такъ какъ Ишпанскїя лошади дѣлались отъ вѣтру беременными, такъ бы они ни когда не могли изобрѣсть лутчей выдумки. Однако ни кто насъ по сїе время не увѣдомилъ о особливой надобности сихъ фишбейныхъ юбокъ, ниже о томъ, что они въ себѣ нѣчто другое заключаютъ, кромѣ самыхъ узкихъ вещей; такъ что мы въ великомъ затрудненїи постичь намѣренїе, ради чево они дѣлаются.

Дамы утверждаютъ, защищая сїи юбки, что они легки, и способны въ жаркое время, но сїе есть только видъ одинъ ихъ выправки и обманъ, ибо весь свѣтъ знаетъ, что нѣсколько уже годовъ не имѣли мы жаровъ толь умѣренныхъ, какїя въ нынѣшнемъ лѣтѣ, и такъ жаръ, на которой они жалуются, не отъ воздуха происходитъ. Не все еще тутъ: я бы охотно спросилъ сихъ такъ нѣжныхъ дамъ, для чево имъ прохлажденїе больше надобно, нежели матерямъ ихъ оно надобно было.

Многїя разсмотрительныя особы думаютъ, что съ нѣкотораго времени нашъ полъ здѣлался весьма смѣлымъ, и

что

что сіи китовыми обручами обложенныя юбки введены въ употребленіе для того, чтобъ насъ не близко къ себѣ допускать. Сіе подлинно, что женская честь не можетъ быть лутче ограждена какъ симъ числомъ обручей, на нѣкоторое разстояніе одинъ отъ другова положенныхъ, среди толь великаго множества разныхъ наружныхъ укрѣпленій и окопныхъ линій. Такимъ образомъ одѣтая китовыми костями дама безопасна отъ приступовъ нахала, которой бы лутче сталъ любовь свою въ чану объявлять, по примѣру Рыцаря Георгія Этередга, нежели среди толь многихъ обручей.

Есть такія суевѣрныя люди, которыя почитаютъ сію обложенную обручами юбку нѣкоторымъ чудомъ. Нѣкоторыя думаютъ, что она предвѣщаетъ паденіе Короля Французскаго, утверждаясь на томъ, что подвязныя женскія подушки проявилися въ Англіи, немного прежде разоренія Монархіи Гишпанской. Иныя воображаютъ что она предсказываетъ войны и кровопролитія, и что она такое же вредное вдохновеніе имѣетъ какъ хвостъ кометы. Что касается до меня, такъ я весьма склоненъ вѣрить, что она намъ предвѣща-

етъ

етъ умноженіе въ свѣтѣ людей, а не умаленіе.

Увидѣвъ въ первой разъ нѣкоторую даму въ такой юбкѣ, не могъ я удержаться, чтобъ ее внутренно не похулить за то, что она отваживалась ходить по улицамъ въ такое время, когда она на сносѣхъ была; но скоро вышелъ я изъ своего заблужденія, когда всѣ протчія новомодныя дамы показалися мнѣ столько же беременны какъ она. По большей части думаютъ люди, что нѣкоторыя хитрыя женщины осѣтили другихъ въ свои обручи, чтобъ ихъ здѣлать участницами своего собственнаго стыда, которой они скрывать хотѣли, и чтобъ симъ средствомъ избѣжать нареканія народнаго; по примѣру тѣхъ хитрыхъ полководцевъ, которыя склоняютъ иногда по двѣ или по три дюжины своихъ друзей одѣваться въ такое же платье какъ они, чтобъ не однимъ имъ подверженнымъ быть особливымъ нападеніямъ непріятеля. Распухлая юбка опровергаетъ всѣ различности людей, равняетъ мать съ дочерью, дѣвицъ, степенныхъ женщинъ, замужныхъ женъ и вдовъ.

Между тѣмъ крайне я соболѣзную, видя многихъ неповинныхъ дѣвушекъ хоро-

хорошаго стану такъ раздутыхъ, что они идучи на силу переваливаются, какъ будто брюхатыя.

Ежели бы сія мода заразила простыхъ бабъ, такъ бы способа почти не было по улицамъ ходить; и такъ ужъ есть многія-большія церькви, которыя весьма тѣсны становятся; и естьли сей новой обычай распространится далѣе, то должно опасаться, чтобы многія изъ нашихъ рукомесленницъ не принуждены были ийти искать себѣ мѣстъ въ предѣлахъ. Съ другой стороны, ежели бы муцины вознегодовавъ на сію шалость женцинъ, вздумали носить широкія на китовыхъ костяхъ здѣланныя штаны, такъ бы мужъ и жена заняли цѣлую лавку.

Вы знаете, государь мой, что Александръ великій, во время похода въ Индію, приказалъ зарыть въ землю различныя оружія, которыя очень велики были для воиновъ ево, чтобы дать потомкамъ высокія мысли о своей особѣ, и имъ вперить, что онъ Гигантами повелѣвалъ. Ежели бы какая изъ нашихъ новомодныхъ юбокъ повѣшена была въ какомъ нибудь хранилищѣ любопытныхъ вещей, и тамъ бы по прошествіи нѣсколькихъ колѣнъ най-

дена была, такъ я не сомнѣваюсь, чтобъ она не ввергла въ тоже заблужденіе тѣхъ, которыя послѣ насъ будутъ, по крайней мѣрѣ ежели только они не забудутъ почтенія къ своимъ прабабкамъ, и не подумаютъ, что они дѣлали себя чудовищами, чтобы пріятняе были.

Когда я разсматриваю сей новаго завода фонарь, и озираю ево со всѣхъ сторонъ, то тотчасъ вспомню древняго того мудреца, которой пробѣжавъ храмъ въ Египтѣ, и искавъ идола, которому тамъ кланялись, нашелъ на послѣдокъ маленькую черную обезьяну, поставленную среди сего пространнаго зданія и вскричалъ къ великому соблазну покланятелей; *возможно ли сіе, чтобъ такое великолѣпное зданіе служило жилищемъ такому смѣшному жителю.*

Хотя вы и восприяли намѣреніе въ одной вашей рѣчи не касаться до описанія уборовъ, однако я себѣ льщу, что при такомъ чрезвычайномъ случаѣ вы не почтете прекраснаго пола, недостойнымъ вашихъ попеченій, и что вы пріѣдете какъ возможно поскоряе извлечь ево изъ затрудненія окружающихъ ево обручей, вылечить ево отъ новомодной болѣзни, которая ево му-

жучитъ. Я почти не сомнѣваюсь, что бы юбка сама отъ себя тотъ часъ не отончала, какъ скоро вы въ городѣ покажетесь, или по крайней мѣрѣ черта вашего пера принудитъ ее сжаться, какъ чувствительная трава свертывается, когда къ ней прикоснутся. Напослѣдокъ вы тѣмъ одолжите немалое число людей, которыхъ сіе новое чудо въ страхъ и трепетъ приводитъ, а особливо того, которой есть и пр:

Переводилъ съ Французскаго перевода И. Д.

V.

ИЗЪ МНѢНІЙ ОКСЕНШТИРНА.

I.

О двухъ путяхъ, которыми люди въ свою жизнь идутъ.

Въ семъ свѣтѣ есть только два пути; одинъ веселой, другой полез-

ной. Первой протоптанъ людьми ищущими только своихъ забавъ, и вдающимися во мнимыя увеселенїя сея жизни: а второй приступенъ только тѣмъ, которыя стараются во всемъ быть основательны, и простираютъ оное даже до самыхъ свѣтскихъ поведенїй.

Путь веселой съ виду весьма пріятенъ, и съ обѣихъ сторонъ осажденъ деревьями произносящими прекрасный и зрѣнїе наше увеселяющїй плодъ, которой на подобїе содомскихъ яблокъ гнилью въ срединѣ наполненъ. Нѣсколько сего подалѣе множество ключей вмѣсто воды самыми лучшими винами протекаютъ: по обѣимъ сторонамъ онаго пути находятся пространныя луга покрывающїяся прекраснѣйшими цвѣтами, которыхъ духъ чрезвычайно тяжелъ. Оныя луга оканчиваются небольшими холмами, на коихъ стоитъ великолѣпное зданїе, которое окружаютъ не большїя какъ помаранцовыя, такъ и другихъ отличныхъ деревъ рощицы. Внутри сего зданїя раздаются смѣхи и пѣнїя, въ однихъ комнатахъ приготовлены столы съ самымъ лучшимъ кушаньемъ, въ другихъ ласковое угощенїе бываетъ приходящимъ; въ одномъ мѣстѣ составляютъ нѣжной хоръ му-

музыки ; въ другомъ пляшутъ и играютъ ; здѣсь представляются разныхъ видовъ позорищи , тамъ въ пребогатыхъ уборахъ щеголяютъ , а въ иномъ мѣстѣ бываетъ подобіе ярманки , гдѣ множество вещицъ искусно здѣланныхъ, но неполезныхъ : Наконецъ путникъ съ наполненными мыслями оныхъ бездѣлицъ въ передъ устремляется , и не знаетъ , что въ продолженіи онаго пути прошло уже три части его жизни. Но вдругъ зачинаетъ онъ чувствовать нѣкоторое утомленіе отъ толь дальняго ему пути , который чрезъ ужасныя степи приводитъ его къ старому соломенному шелашу , при коего дверяхъ находитъ онъ нагбеннаго , дряхлаго , и едва тѣло имѣющаго старика , котораго впалыя глаза и растрепанныя по плечамъ сѣдыя волосы наносятъ ему ужасъ. Между тѣмъ спрашиваетъ онъ о названіи онаго мѣста , и имени сего мужа. На что онъ ему отвѣчаетъ : сіе мѣсто называется слезы и сожалѣніе , а имя мое бѣдность. Я по опредѣленію судьбы здѣсь живу для угощенія тѣхъ , кои онымъ веселымъ путемъ идутъ. Бѣдной пришлецъ будучи смущенъ такимъ отвѣтомъ, спрашиваетъ его, нѣтъ ли по близости другаго

какого мѣста, гдѣ бы онъ могъ успокоиться. Есть, отвѣчаетъ ему бѣдность, не далеко отъ меня живетъ мой сосѣдъ отчаяніе; но я хочу тебѣ сказать, что тѣ, которыя отъ меня къ нему пошли за лучшее почитали назадъ ко мнѣ возвратиться. И такъ или у него, или у меня оканчивается путь веселой, которымъ ты шелъ.

Что жъ касается до пути полезнаго, такъ его приступъ прежняго гораздо трудняе. Въ нево вступаютъ карабканьемъ на стремянистыя горы; и оному труду всю свою младость посвятить должно: прежде нежели взойти на верьхъ высочайшей горы должно частымъ паданіемъ вдаться великимъ опасностямъ, что не обходимо случается въ ономъ пути. Имъ идущій не имѣетъ ни одного товарища кромѣ работы и труда, который будучи совокупленъ съ надеждою приноситъ ему услажденіе съ пользою соединенное; а надежда день отъ дня его утѣшаетъ, что уже не далеко ему ийти осталось. Его собственныя желанія увѣряютъ его что надежда ему не льститъ. И такъ подкрѣпясь приятными ея обѣщаніями не престанно устремляется на верьхъ ужасныя сея горы, ошкуду видишъ про-

спран-

странное поле, на которомъ великолѣпное зданіе касается облаковъ, и прекраснымъ видомъ зрѣніе наше услаждаетъ. Онъ спрашиваетъ, какъ называется оное мѣсто, такъ же и какъ имя его господина. Ему отвѣчаютъ, мѣсто сіе называется выгодность, а его господинъ покой. Тутъ въ несказанную радость приходитъ, и по толь великимъ трудамъ, которыя онъ имѣлъ въ пути, спѣшитъ войти въ оное зданіе, и успокоить свои утомленныя чувства. Господинъ сего мѣста отводитъ ему комнату по его желанію, а надежда ему говоритъ: *Ты уже поселился въ оное мѣсто на всѣ остающія дни твоего вѣка.* Бѣдный путникъ необычайную радость чувствуетъ, и уже устремляетъ свои мысли, какъ бы овладѣть всѣмъ онымъ зданіемъ. Въ который часъ онъ вымышляя къ оному способы беспокоится, и будучи недоволенъ отведеннымъ ему мѣстомъ суетится, въ тотъ часъ приходитъ къ нему смерть съ грознымъ лицемъ помавая ему рукою, чтобъ слѣдовалъ за нею немедленно. Онъ ей противится, и плача жалуется на жестокую судьбу повелѣвающую ему такъ скоро оставить сіе покойное мѣсто, которое ему столь многаго труда и по-

ту стояло. Но не преклонная смерть безъ милосердія хватаетъ, и повергаетъ его въ землю сажени на двѣ. Гдѣ лежа, покрытой землею служитъ въ пищу червямъ, и въ награжденіе всѣхъ своихъ трудовъ имѣетъ нѣсколько словъ вырѣзанныхъ на марморѣ, которыя потомкамъ его повѣствуютъ, что такой то человѣкъ по свѣтски жилъ мудро. Но наконецъ, vanitas vanitatis et omnia vanitas: суета суетъ и все суета.

Переводилъ съ Французскаго С. Н.

II.

Путь отъ рожденія до смерти.

ЧЕловѣческое тѣло подобно кораблю, въ которой душа вселяется при ево зачатіи, чтобъ преплыть свирѣпствующия воды сея жизни, и достигнуть вѣчности. Обыкновенно пять чувствъ суть служители сего корабля, а кормщикъ онаго самолюбіе. Указателемъ пути роскошь, а знаменемъ безуміе. Благополучныя вѣтры, обманчивая лесть сего свѣта, а парусы выткаными изъ погрѣшностей человѣческихъ, веревки ево суть тѣ бездѣлицы, въ которыхъ слабой нашъ разумъ упражняется, а якорями служитъ ему

тщет-

щетная надежда , грузъ ево пороки , а пристань ево есть раскаяніе и отчаяніе , и потому не удивительно , что толь слабый корабль такъ худо оснащенный и такъ безразсудно управляемый , часто погибаетъ , не удивительно что и душа , претерпѣваетъ кораблекрушеніе , претыкаясь о многіе сокровенные камни толь пространнаго океана , прежде нежели достигнетъ до спокойнаго пристанища.

Безразсудная юность , которая отъ природы со всѣмъ слѣпа , вдается волнамъ , безъ всякой предосторожности , не снабдившися довольно потребностями , для толь безъизвѣстной дороги необходимо нужными , и вручаетъ обыкновенно правило , стремленію страстей своихъ : благоразсудный на противъ сего приемлетъ за указателя пути волю божескую , а чистосердечіе избираетъ себѣ кормиломъ , печали сея жизни почитаетъ онъ благополучнымъ себѣ вѣтромъ , и парусы ево преисполнены терпѣнія , мореходцы ево суть , добродѣтели , а божество всѣмъ управляетъ кораблемъ , грузъ ево , добрыя дѣла , веревки постоянство , а якори твердая надежда ; слѣдовательно пристанище ево , котораго онъ на конецъ

нецъ достигаетъ, есть царство вѣчнаго блаженства. Туда выходитъ онъ какъ на берегъ, на которомъ поскользнуться уже не можетъ, но насыщается тамъ сладкимъ покоемъ, которой заслужилъ онъ прошедшими своими подвигами, тамъ оставляетъ душа тлѣнной свой корабль, дабы обитать въ сихъ пріятнѣйшихъ мѣстахъ, уготованныхъ ко увеселенію избраннымъ.

III.

О Лести.

НѢкогда спрошенъ былъ Философъ, кто изъ всѣхъ звѣрей опасняе человѣку? Между дикими, отвѣчалъ онъ, поноситель, а между ручными льстецъ. Справедливо льстецъ заключаетъ въ себѣ многія злыя пороки, онъ лжецъ, потому что онъ не такъ говоритъ какъ думаетъ, онъ невѣренъ для того что онъ противное говоритъ своимъ мыслямъ, а трусъ потому, что не отваживается открыть точно своего мнѣнія, онъ золъ потому, что поливаетъ масломъ огонь самолюбія въ своемъ ближнемъ, онъ преисполненъ пороковъ, потому что похваляетъ пороки своего ближняго, на конецъ онъ врагъ всѣмъ

тѣмъ,

тѣмъ , кому называется другомъ , потому что удерживаетъ ихъ во злыхъ ихъ обычаяхъ. Лесть ни что иное какъ подслащенной ядъ , которымъ удобняе отравлять родъ человѣческій. Удивительно что сей порокъ дошелъ до такой высокой степени въ свѣтѣ , что безъ ево вспомоществованія честному человѣку жить весьма трудно. По сему конечно самолюбіе весьма властвуетъ людьми , когда приемлютъ они похвалы ни мало имъ не принадлежащія , и благодарятъ тѣмъ которыя смѣются надъ ними , приписывая имъ достоинства , которыхъ они во все не имѣютъ. Я примѣтилъ , что весь свѣтъ негодуетъ словами на лесть , а не видалъ я , ктобъ сердился точно на льстецовъ ; и такъ остается думать , что сей порокъ не можетъ инако погибнуть, какъ развѣ вдругъ со свѣтомъ.

Переводилъ съ Французскаго Сергѣй Глебовъ.

IV.

О Несовершенствѣ человѣческомъ.

Нѣтъ на свѣтѣ толь совершеннаго человѣка , которой бы не имѣлъ какого порока : нѣтъ напротивъ того и такого , которой бы лишенъ былъ всѣхъ

всѣхъ дарованій. Древнія писатели обвиняютъ въ Омирѣ суету; въ Александрѣ свирѣпость, въ Цесарѣ высокомѣріе, въ Помпеѣ гордость, въ Аннибалѣ вѣроломность, въ Веспасіянѣ сребролюбіе, въ Троянѣ насиліе, а въ Маркѣ Антоніи сластолюбіе. И такъ изъ всѣхъ сихъ славныхъ мужей нѣтъ ни одного, которой бы не имѣлъ въ себѣ порока. Издревле примѣчено, что великія люди почти всегда имѣютъ въ себѣ великой какой ни будь недостатокъ. По видимому природа во всѣхъ своихъ дѣлахъ прилѣжно наблюдаетъ равенство. Такъ оставимъ осуждать слабости протчихъ въ нашихъ разсужденіяхъ, и постараемся добродѣтели хвалить, и сожалѣть о порокахъ; ибо ихъ всѣ мы имѣемъ; слѣдовательно и сожалѣніе должны имѣть взаимное.

V.

О Вѣрности.

Вѣрность дружеская есть мѣсто спокойное нашей тайны, и подобна драгоцѣнному камню, порока не имѣющему. Она ни чемъ заплачена быть не можетъ, какъ только взаимностію. Щастливъ тотъ, кто ее находитъ въ своемъ

своемъ другѣ ; онъ вѣряя ему свою тайну веселится , и надѣясь на его вѣрность, остается спокоенъ въ своихъ мысляхъ. Діодоръ Сицилійскій говоритъ , что у Египтянъ за беззаконіе почиталось открывать повѣренную тайну и доказываетъ тѣмъ; что одинъ изъ жрецовъ за оное выгнанъ изъ Египта. По моему разсужденію нѣтъ ни чего справедливяе , какъ порученную другомъ тайну и вѣрно соблюдаемую почитать за нѣчто священное : нѣтъ напротивъ и ни чего хуже , какъ открыть оную подъ какимъ нибудь видомъ. Плутархъ пишетъ , что Аѳиняне въ бывшую войну съ Филиппомъ Царемъ Македонскимъ перенятыхъ писемъ , отправленныхъ отъ него къ Олимпіи своей супругѣ , не читавъ и не развертывавъ назадъ послали ; ради того что ихъ права запрещали открывать тайны. Мнѣ кажется, что невѣрность въ дружбѣ противна самой природѣ; открыть тайну есть такое дѣло , которое приводитъ человѣка въ презрѣніе. Тотъ , кто сказываетъ другому свою тайну подобенъ тому , кто отдаетъ свое оружіе , и со всѣмъ отдается въ неволю. Что жъ можетъ быть сего безчестняе , какъ употребить оное противъ того , отъ

кого

кого получено ? и такъ вѣрность есть самое лучшее сокровище , какое только сыскать можно ; а порученная тайна послѣдний знакъ искренняго дружества.

VI.

О многоговорливомъ.

Сказываютъ , что кто много говоритъ , тотъ часто вретъ. Многоговорливый по справедливости достоинъ сей надписи. Искусство его такъ далеко простирается , что не даетъ ни кому слова выговорить. Онъ всѣмъ досаждаетъ своимъ крикомъ , и отнимаетъ самъ у себя способность разсуждать о своемъ разговорѣ. Мало имѣетъ времени къ распоряженію своихъ мыслей , а и того менше къ изъясненію оныхъ пристойными словами ; и такъ , какъ сырыя , ихъ выплевываетъ , которыя толь невкусны , что всѣмъ слушателямъ омерзѣніе причиняютъ. Онъ говоритъ безъ разбору обовсемъ томъ , что на мысль ни придетъ. Разсказываетъ всѣмъ , что знаетъ , а часто чего и не вѣдаетъ , и для удовольствованія языка вмѣшиваетъ столько ненужныхъ обстоятельствъ , что наконецъ забываютъ содержаніе его разго-

во-

воровъ. Онъ тогда уже примѣтитъ, что скучна его бесѣда, какъ никого изъ бывшихъ съ собою не увидитъ. Словомъ:

Кто много говоря тѣмъ тщится угождать,
Тотъ всѣмъ милъй бы былъ, когда бъ умѣлъ молчать.

Переводилъ съ Французскаго Алексѣй Нарышкинъ.

VI.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРСТВА.

САТИРА.

Кто въ самой глубинѣ безумства пребываетъ,
И тотъ себя между разумными считаетъ.
Не видимъ никогда мы слабостей своихъ,
Все мнится хорошо что зримъ въ себѣ самихъ.
Пороки, кои въ насъ, вмѣняемъ въ добродѣтель;
Хотя тому одинъ нашъ страстный умъ свидѣтель:
Лишъ онъ доводитъ то, что то конечно такъ:
И добродѣтеленъ и мудръ на свѣтѣ всякъ.
Пороки отошли, невѣжество сокрылось,

Иль будетъ такъ , когда еще не учинилося.
Буянъ закаится бороться и скакать ,
А Петиметеръ вздоръ предъ дамами болтать.
Не будетъ пьяница пить кромѣ только квасу ,
Подьячій за письмо просить себѣ запасу ,
Дьячкамъ понамарямъ умершихъ будетъ жаль ,
Скупой ущедрившись состроитъ Госпиталь.
Когда жъ надѣяться премѣнѣ быть толикой !
Когда на Яузу сойдетъ Иванъ великой ,
И на Неглинной мы увидимъ корабли ,
Волкъ станетъ жить въ водѣ , бѣлуга на земли ,
И будетъ омывать Нева Кремлевы стѣны.
Но скоро ль таковой дождемся мы премѣны !
Всякъ хочетъ щеголять достоинствомъ своимъ ,
И думаетъ что все , что хорошо , то съ нимъ :
Не мыслитъ льстецъ тово , что онъ безмѣрно гнусенъ ,
И мнитъ онъ то , что онъ какъ жить съ людьми искусенъ :
Коль нужда въ комарѣ , зоветъ ево слономъ ,
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ ,
Сертитъ предъ мухою боярской безъ препоны ,
И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.
Скупой съ усмѣшкою надежно говоритъ :
Желудку что ни дай онъ все равно варитъ.
Вина не любитъ онъ , здоровяе де пиво ,
Пить вины Фряжскія , то очень прихотливо :
Отецъ де мой весь вѣкъ все медъ да пиво пилъ ;
Однако

Однако онъ всегда здоровъ и крѣпокъ былъ.
Безумецъ не о томъ мы рѣчь теперь имѣемъ,
Что мы о здравіи и крѣпости жалѣемъ :
Ты бъ съ радостью всю жизнь горячкой пролежалъ,
Когда бы деньги кто за то тебѣ давалъ ;
Не здравіе тебѣ быть кажется полезно ;
Сокровище твое хранить тебѣ любезно ,
Которо заперъ ты безвинно въ сундуки ,
И опираяся безноженъ на клюки ,
Забывъ здоровъ ли ты теперь или ты боленъ,
Кончая дряхлый вѣкъ со всѣмъ бы былъ доволенъ ,
Когда бы чаялъ ты , какъ станешъ умирать ,
Что будешъ льзя съ собой во гробъ богатство взять.
Здоровье ли въ умѣ ? мѣшки лишь въ мысли числишъ ,
Не спишъ , ни ѣшъ , ни пьешъ , о деньгахъ только мыслишъ ,
Въ которыхъ , коль ты ихъ не тратишъ ,
нужды нѣтъ ,
Ты мнительно богатъ ; такъ мни что твой весь свѣтъ.
Что жъ мыслишъ о себѣ безмозглой Петиметеръ ?
Гдѣ въ людяхъ умъ живетъ , набитъ въ немъ тамо вѣтеръ.
Онъ думаетъ что въ томъ премудрость состоитъ,
Коль кудри хороши , кафтанъ по модѣ сшитъ ,

И что въ пустой ево главѣ едина мода ,
Отличнымъ чтитъ себя онъ подлаго народа.
Какой не лѣпой ты плѣтешъ себѣ обманъ ,
Что отдѣлитъ тебя отъ подлости кафтанъ !
Какъ Солонъ и Ликургъ законы составляли ,
КАРТЕЗІИ И НЕВТОНЪ Системы вымышляли ,
Не умствовали такъ , какъ Петиметръ тогда;
Какъ платье шить даетъ , иль рядится когда.
Что все на щоголѣ играетъ и трясется ,
Велика польза тѣмъ народу принесется !
Старуха своея лишенна красоты ,
Ругается смотря на Свѣтски суеты.
Вступила дѣвушка съ муциной въ рѣчь свободно;
Старухѣ кажется то быть не благородно.
Ей мнится : доведутъ до худа тѣ слова.
Я , мыслитъ , въ младости была не такова.
То спанется , что ты по менше говорила ;
Но молча можетъ быть , и больше что творила.
Невѣжа говоритъ : я помню чей я внукъ ;
По дѣдовски живу , ненадобно наукъ :
Пусть разоряются уча рабятокъ моты ,
Мой мальчикъ не ученъ , а въ тѣжъ пойдетъ воропы.
На прикладъ : о звѣздахъ потребно ль вѣдать мнѣ,
Иль знать Ерусалимъ въ которой сторонѣ ,
Иль съ кѣмъ Темираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ чтобы знать чужихъ народовъ правы ,
Или стараться знать чужїя языки ?

Какъ

Какъ будто безъ того ужъ мы и дураки.
Что онъ въ незнаніи живетъ, о томъ не тужитъ,
И мнитъ что то ему еще и къ славѣ служитъ.
А естьли, что наукъ не надобно намъ знать,
Не вскользь, доводами захочетъ утверждать:
Тогда онъ бредитъ такъ: какъ можетъ быть извѣсно,
Живущимъ на земли, строеніе небесно?
Кто можетъ то сказать, что на небѣ бывалъ?
До солнца и соколъ еще не долеталъ.
О небѣ разговоръ ученыхъ очень пышенъ;
Но что? одинъ лищъ взоръ въ пустыхъ рѣчахъ ихъ слышенъ.
Ужъ насмотрѣлись мы, какъ вѣренъ календарь,
Отъ стужи стынетъ кровь, а тамъ написанъ жаръ.
Но ты не знаючи ни малыхъ силъ науки,
Коль не писать того, что будешъ честь отъ скуки?
Ищи тутъ правды, гдѣ не думано о ней,
И проклинай за то ученыхъ ты людей.
О правахъ брѣдитъ такъ: я плюю на расказы,
Что за моремъ плетутъ; потребно знать указы.
Не спорю, но когда сидишъ судьею гдѣ,
Разсудокъ надобно ль имѣть тебѣ въ судѣ?
Коль теменъ разумъ твой, приказъ тебѣ мученье,
Хоть утромъ примешся сто разъ за уложенье.
Обманщикъ думаетъ: тотъ доброй человѣкъ,

Который ни кого не обманулъ во вѣкъ ;
Но добрымъ у него несмысленный зовется,
А онъ умомъ своимъ до самыхъ звѣздъ несется.
Не надобно ума, что взять и не отдать ;
Что ввѣрено кому то можно удержать.
Погибнетъ де тѣмъ честь, да это дѣло мало,
Во мнѣ де никогда ее и не бывало.
Когда де по ея намъ правиламъ ходить ;
Такъ въ свѣтѣ живучи и куръ не разводить.
Тотъ гордостью надутъ людей уничтожаетъ,
Въ пустой себя главѣ съ Іюлїемъ равняетъ,
И мыслитъ : естьли бъ онъ на мѣстѣ былъ его,
То бъ сей Герой предъ нимъ не стоилъ ни чего.
Что жъ гордости сея безмѣрныя причина ?
Не знаю : гордой нашъ дѣтина какъ дѣтина.
Съ чего жъ онъ сходенъ съ нимъ ? на сей скажу вопросъ :
Что есть и у него и въ томъ же мѣстѣ носъ.
Иному весь питулъ, что только благороденъ ;
Красися тѣмъ мой другъ что обществу ты годенъ.
Коль хочешъ быть почтенъ за свой высокой родъ ;
Яви отечеству того достойный плодъ !
Но естьли только ты о томъ лишъ помышляешъ.
Какъ волосы подвить, какъ шляпу надѣваешъ,
Какъ златомъ и сребромъ тягчить свои плеча,
И знаешъ, по чему гдѣ купится парча,
Какъ дамы рядятся, котора какъ танцуетъ,
Какъ ходитъ, какъ сидитъ, въ послѣдокъ
какъ и плюетъ :

Коль

Коль емлешь женскій видъ и Купидоновъ взоръ,
Коль брѣдишь безосна, и мелешь только вздоръ;
Такова видя мнѣ передъ собой урода,
Прилично ли сказать, что ты высока рода?
Ты честью хвалишся, котора не твоя:
Будь прадѣдъ мнѣ Катонъ; но то Катонъ не я.
На что о прадѣдахъ такъ много ты хлопочешь,
И спесью дуешся? будь правнукъ чей ты хочешь:
Родитель твой былъ Пирръ, и Ахиллесъ твой дѣдъ;
Но есть ли ихъ въ тебѣ достоинствъ знака нѣтъ;
Какова ты осла почтить себя заставишь?
Твердя о нихъ, себя ты пуще лишь безславишь:
Такой ли, скажутъ, плодъ являетъ намъ та кровь!
Посѣянъ ананасъ, родилася морковь.
Не побѣдителя, кляченка возитъ, воду,
Хоть Буцефалова была бъ она приплоду.
Но чемъ увѣришь насъ о прабабкахъ своихъ,
Что не было утѣхъ стороннихъ и у нихъ?
Ручаешся ли ты за вѣрность ихъ къ супругамъ,
Что не былъ ни къ одной кто съ боку взятъ къ услугамъ,
Что всякая изъ нихъ Лукреція была,
И каждая по днесь все Пирровъ родъ вела?
Прерви свой муза гласъ, престань пустое мыслить!
Удобняе песокъ на днѣ морскомъ исчислить,
Какъ наши дуростии подробно перечесть.
Да и на что, когда дается вракамъ честь?

А. С.

МОНОЛОГЪ.

Изъ Трагедіи Петра Корнелія.

ПОЛІЕВКТЪ.

Стремится роскошь ты источникъ лютой части,
Прельщеньемъ пагубнымъ мои воздвигнуть страсти.
О притяженія плотскихъ мирскихъ заразъ!
Оставьте вы меня коль я оставилъ васъ:
Ступайте нынѣ прочь играніе и смѣхи,
И честь и щастіе и всѣ мои утѣхи;
Искати васъ мое желанье протекло;
Вы свѣтлы таковы и ломки какъ стекло;
Не буду воздыхать о васъ на свѣтѣ болѣ:
Не подвергаюся я больше вашей волѣ.
Вы тщетно силитесь принудить серце пасть,
Являя божіихъ враговъ и честь и власть,
На нихъ Богъ яростно десницу простираетъ,
И беззаконниковъ ногами попираетъ.
Хотя не мнятъ они что правда имъ грозитъ;
Незапный ихъ ударъ повержетъ и сразитъ.
Ненасытимый Тигръ, Монархъ немилосердый!
Противу божіихъ рабовъ въ гоненьи твердый;
Ты скоро щастливой судьбы узришъ конецъ:
Престолъ твой зыблется отъ Скиѳовъ и вѣнецъ.
Приимешъ скоро мзду которой ждутъ тираны,
Отмстится Христіянъ невинна кровь и раны.
Дрожи и трепещи отъ страшнаго часа;
Готова молнія оставить небеса,

И

И громъ отъ горнихъ мѣстъ въ тебя ударитъ грозно!
Раскаешся тогда, но все то будетъ поздно.
Пускай свирѣпости мнѣ Феликсъ днесь явитъ,
Пускай Севера чтя онъ зятя умертвитъ;
Неволникъ онъ хотя симъ градомъ онъ и правитъ.
Пускай онъ смертію моей себя прославитъ.
О свѣтъ, отъ золъ твоихъ избавилъ я себя,
И ужъ безъ горести оставлю я тебя!
Я прелести твои всѣмъ сердцемъ ненавижу:
Павлину я теперь препятствомъ щастья вижу.
О радость вѣчная, о сладость небеси,
Наполни разумъ мой и крѣпость принеси!
Духъ мыслію мой ты святою просвѣщаешъ,
Неувядаемо мнѣ щастье обѣщаешъ,
Сулишъ душѣ моей премножество блаженствъ;
Но дашъ и больше мнѣ дарами совершенствъ.
Ты жаръ божественный въ груди моей пылаешъ,
Безъ опасенья зрѣть Павлину посылаешъ.
Я зрю ее она сюда ко мнѣ идетъ;
Но ужъ въ лицѣ ея заразовъ больше нѣтъ,
Которы надомной имѣли столько мочи;
Уже ее мои безстрастно видятъ очи;

Переводилъ съ Французскаго А. С.

* * *

МОНОЛОГЪ.

Изъ Китайской трагедіи называемой Сирота.

Мнѣ кажется, что всѣхъ нещастье человѣковъ,
На серце ахъ мое едино устремилось.
Дщерь царска: весь мой родъ злодѣемъ истребленъ;
Лишь только сирота, котораго держу,
Младенецъ только сей на свѣтѣ семъ остался;
Воспоминаетъ онъ, что мнѣ ево родитель,
Любезный мой супругъ при смерти завѣщалъ:
Коль сынъ твою по мнѣ утробу облегчитъ,
Сказалъ онъ, ты зови ево отъ Тхаовъ рода,
Отъ царска племени оставшимъ сиротою:
Старайся ты о томъ, чтобъ онъ когда взростетъ,
Мою и моего кровь рода отомстилъ.
О небо какъ изнесть изъ сей ево темницы!

Переводилъ съ Нѣмецкаго перевода А. С.

* * *

СТИХИ.

Здѣланныя изъ чужихъ Русскихъ Спиховъ, на побѣду надъ Прусаками 12 Іюля 1759.

Европа и весь миръ МОНАРХИНЯ свидѣтель,
Какъ Вышнему ТВОЯ любезна добродѣтель;

Бла-

Благословляетъ онъ главы ТВОЕИ вѣнецъ,
И въ воинствѣ ТВОЕМЪ безстрашіе сердецъ:
Умножилъ мужество и дѣйствія Геройски,
Бѣгутъ разсыпанны враговъ ТВОИХЪ днесь войски.
Союзникамъ ТЫ щитъ и ужасъ ТЫ врагамъ,
Благополучіе и вѣчна слава намъ:
А мы любя и чтя свою ИМПЕРАТРИЦУ,
Цѣлуемъ радостно пресильную десницу

А. С.

* * *

VII.

КРАТКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

О естествѣ, пользѣ и необходимой потребности войны и ссоръ.

ИЗЪ КНИГИ СЛАВНАГО АГЛИНСКАГО САТИРИКА

ІОНАѲАНА СВИФТА

называемой: сказка о бочкѣ.

ВЕщь сія очень важна, и для того авторъ нашъ думаетъ о ней особливо

бливо пространное разсужденїе написать, а теперь здѣсь краткое только изображенїе онаго предлагаетъ.

Война есть такое состоянїе, въ которое отъ естества всѣ живущїя твари приведены, и состоитъ въ томъ когда мы то, что другїе имѣютъ, и что мы лучше у себя имѣть желаемъ, нежели чтобъ оное у другихъ было, силою отнять у нихъ стараемся. Каждый человѣкъ, которой о своихъ собственныхъ заслугахъ гораздо больше увѣренъ, нежели о заслугахъ другихъ, имѣетъ естественное право, у нихъ все то отнять, чего онъ по своему мнѣнїю больше достоинъ нежели они: и каждое животное имѣющее великую нужду въ какой нибудь вещи, по праву естества можетъ все то себѣ присвоить, безъ чего ему обойтись не льзя. Скоты въ сихъ требованїяхъ гораздо умѣреннѣе, нежели человѣки, и чернь больше нежели люди знатные. Чѣмъ больше кто требованїй сего рода имѣетъ, чѣмъ больше мятежа въ свѣтѣ дѣлаетъ; тѣмъ онъ благополучнѣе, и тѣмъ больше заслуживаетъ онъ имя витязя. Великїе духи, которыхъ требованїя всегда толь велики, сколь велики ихъ заслуги, имѣютъ полное пра-

во

во взять у народа все то, чего имъ не достаетъ, и сіе то есть основаніемъ ихъ высокости, и Геройскаго сана, такъ же и различныхъ онаго степеней. Слѣдственно война къ содержанію порядка между людьми, къ заведенію городовъ, къ учрежденію гражданства и къ устроенію цѣлыхъ государствъ необходимо нужна. Она не меньше надобна и для того, чтобъ гражданскія тѣла отъ излишнихъ мокротъ освобождать. Мудрые правители непрестанное имѣютъ попеченіе о томъ, что бы внѣшнюю войну безперерывно продолжать, не для иного чего, какъ только чтобы тѣмъ внутренній миръ укрѣпить. Война, голодъ и моровая язва суть обыкновенныя лѣкарства противу болѣзней случающихся въ гражданскихъ тѣлахъ отъ великаго излишества. Авторъ обѣщаетъ каждой изъ сихъ трехъ вещей похвальное сочинить слово. Большая часть человѣческаго рода любятъ больше войну нежели миръ. Всеобщая человѣческая склонность стремится къ сему концу: и тѣ, которые не имѣютъ столько силъ и храбрости, что бы имъ самимъ воевать, нанимаютъ другихъ за деньги, чтобъ они вмѣсто ихъ то дѣлали. Отъ сей людской склон-

ностіи

ности сыскиваютъ себѣ пропитанїе бойцы, отчаянные, убійцы, разбойники, стряпчїе и военные люди. Сколько бы хорошихъ наукъ были со всѣмъ неполезны, и непотребны, когда бы безперерывной въ свѣтѣ былъ миръ! Изъ чего слѣдуетъ, что у звѣрей нѣтъ ни кузнецовъ, ни инженїеровъ, ни начальниковъ, ни лѣкарей. Звѣри, для того, что ихъ похоти въ весьма тѣсные предѣлы заключены, не могутъ войны продолжать противу подобныхъ себѣ: они не могутъ содержать цѣлыхъ войскъ для истребленїя оныхъ. Сїи преимущества принадлежатъ однимъ только человѣкамъ. Изящество человѣческаго естества ясно мы видимъ изъ великаго числа похотей ихъ, страстей и недостатковъ, которыми мы окружены. Сочинитель будетъ о семъ пространнѣе говорить въ своемъ похвальномъ словѣ на весь родъ человѣческїй.

Перевелъ съ Нѣмецкаго перевода Г. К.

VIII.

ЕПИГРАММЫ.

I.

Какъ я женатъ, тому четырехъ нѣтъ недѣль,
А видно, что уже потребна колыбель:

Иной

Иной бы за такой проступокъ осердился ;
А я увидючи то , много веселился.
И мнѣ еще жена тѣмъ больше угодитъ,
Когда рабенковъ мнѣ двенатцать въ годъ родитъ.

II.

Прикащикъ въ деревняхъ, иль въ домѣ управитель,
Или ясняй сказать надъ деньгами властитель ;
Хотя къ помѣщику радѣнїемъ горитъ,
Однако въ свой карманъ побольше наровитъ.

III.

Живу на свѣтѣ я ужъ лѣтъ десятковъ шесть,
И хоть мое житье въ приказахъ и преславно,
Однако не могу пожитковъ я завесть,
Понеже взятки всѣ въ кабакъ ношу исправно.

IV.

Въ пресильномъ я любви горю къ тебѣ огнѣ ,
Равно какъ ты горишъ любезный мужъ ко мнѣ:
Себя не такъ люблю какъ мужа дарагова ;
Но во сто больше разъ еще люблю другова.

V.

Ты мужъ мой сердишся , зовешъ меня суровой,
Что рѣдко видишъ ты привѣтствїе мой свѣтъ.
На то скажу : что мнѣ къ любому быть готовой,
Мнѣ много и опричь тебя въ любви суетъ.

VI.

Я съ малыхъ лѣтъ одной привычки сей держуся:
Безъ денегъ ни съ какимъ красавцемъ не люблюся;
А для прибытка я со всѣми не дика :
За деньги я любить готова хоть быка.

ЕПИГР :

ЕПИГР: VII. ЕПИТАФІЯ.

Подьячій здѣсь зарытъ, нашелъ который кладъ;
У бѣдныхъ онъ людей пожитковъ поубавилъ;
Однако ничево не снесъ съ собой во адъ;
Но все имѣнїе на кабакѣ оставилъ.

А. А.

VIII.

Мужикъ не позабудетъ
Какъ кушалъ толокно;
И посаженъ хоть будетъ
За красное сукно.

А. С.

Оглавленїе.

		стран.
I.	Письмо Филлиды къ Димофоонту.	515
II.	Фивъ и Дафна. - - - - -	524
III.	Елегїи. - - - - - - -	531
IV.	рѣчь XXVII. изъ Смотрителя.	542
V.	Изъ Мнѣнїй Оксенштирна. - -	549
VI.	Разныя Стихотворства. - - -	561
VII.	О Войнѣ изъ Свифта. - - -	571
VIII.	Епиграммы - - - - - -	574

ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА.

Октябрь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
О ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Сочиненное ко дню Тезоименитства ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА 1759 года.

ТОржествуй Россія день Имени твоея ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЫ, возъиграйте Невскія брега, возрадуйтеся обитатели ПЕТРОВА града и возвеселитеся всѣ повинующіяся волѣ ЕЯ насѣянныя по Сѣверу народы. Слава сего Имени, со славою Имени ПЕТРОВА, къ чести нашего народа, къ чести нашего вѣка, вѣчно въ потомствѣ гремѣть будетъ. Жестокосердыя люди наполняютъ сердца легкомысленныхъ людей единымъ страхомъ и уменшаютъ должную къ человѣколюбивому Создателю любовь, и грознаго только въ немъ судію устрашенному духу представляютъ; хотя все свойство Божества и основаніе всѣхъ

дѣйствїй Его есть едино милосердїе. Начертанный въ сердцахъ нашихъ законъ, и той же законъ изображенный во Священномъ писанїи, не тягостенъ добродѣтельной душѣ, и жестокосудїя въ немъ невидно. Казни за беззаконїя суть орудїя привлекающїя насъ на пути добродѣтели. Воздаянїе и наказанїе праведнаго судїи не превосходятъ мѣръ заслугъ и преступленїя. Слабости препятствуютъ милосердїю и покаряются ему, беззаконїя супротивляются милосердїю и воружаются противъ него. Слабости человѣчествомъ извиняются, беззаконїя и звѣрствомъ самимъ извиниться не могутъ. Праведный судїя рачительно и тонко разсматриваетъ дѣйствїя наши, и дѣйствїями нашими входитъ во внутренности сердецъ нашихъ. Симъ образомъ судитъ Богъ, симъ образомъ судити долженъ Царь. Тако царствовалъ надъ нами ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, тако царствуешъ надъ нами и ТЫ ВЕЛИКАЯ ЕЛИСАВЕТА. Истиною и милосердїемъ получаютъ Государи любовь отъ подданныхъ своихъ. Не страхъ но любовь народа, есть ограда престола и украшенїе величества. Взоры царствующаго тиранна ужасаютъ подданныхъ, слова его въ тре-

петъ

петъ приводятъ, дѣйствїя благополучїе отъемлютъ. ТВОИ взоры милосердая ГОСУДАРЫНЯ увеселяютъ насъ, ТВОИ слова ободряютъ насъ, ТВОИ дѣйствїя благополучїе подаютъ. Подражай ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ, подражай всегда великому ТВОЕМУ Родителю, Основателю нашего щастїя, Основателю нашея славы, на всякой часъ нами воспоминаемаго, о дѣлахъ Котораго я теперь говорить покушаюся. Не ожидайте отъ меня новости въ проповѣдыванїи дѣлъ великаго мужа; дѣла ЕГО всему миру извѣстны. Малыя вещи сокровенны быть могутъ, а великїя никогда. Лестїю сплетенныя Скипетродержателямъ похвалы съ сими Вѣнценосцами и со льстецами изчезаютъ, и вѣчному предаются забвенїю, подобїемъ на кратчайшее время возженнаго пламени, котораго лучи въ узкомъ распространяются объятїи: солнце всегда горитъ, и по всей вселенной простираетъ неугасающїя лучи свои. Нѣтъ ни чего новаго о ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ; слава ЕГО, по всей простираяся подсолнечной, всему миру извѣстна. Проповѣдыватели имени ЕГО не о размноженїи славы ЕГО пекутся, но только о возобновленїи оныя въ па-

мяши слышателей. Сіе есть мое намѣ реніе. До временъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО Россія не была просвѣщенна ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ нашъ утопалъ во мракѣ невѣжества, искры остроумія угасали и воспламенишься не имѣли силы. Вредительная тьма разума приятна была, и полезный свѣтъ тягостенъ казался. Родился ПЕТРЪ, наступило ево младенчество. Взошла на мрачный горизонтъ предвѣстница Солнца, багряная Аврора. Возрадовалася истинна и ужаснулося суемудріе. Суевѣры почитая просвѣщеніе разума путемъ отвращающимъ насъ отъ познанія Божества, кричали: предвѣщается паденіе благочестія, и паки: со младенчествомъ сего Царевича, страхъ нашъ минется, освѣщеніе исчезнетъ и почтенное наше невѣжество, удерживающее насъ на пути истинны не разрушится. Возмужалъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, взошло солнце, и мракъ невѣжества разсыпался. Обманулися невѣжи и упрямцы, съ суевѣрами возбудителями своими, въ мерзкой своей надеждѣ. Но прежде прибѣгаютъ къ оружію вредоносныхъ человѣковъ; мздою, піянствомъ и

суе-

суевѣрїемъ ослѣпляютъ ихъ , и возмущаютъ войско. Улицы , домы , дворъ Царскїй , Храмы Божїя , обагряются невинною кровїю : изъ Царскихъ чертоговъ свойственники ПЕТРА ВЕЛИКАГО на копья низвергаются. Сама Царица Матерь ПЕТРА ВЕЛИКАГО трепещетъ , и единоутробнаго Своего брата отдаетъ на смерть , руками своими , преступникамъ законовъ Царскихъ , законовъ естественныхъ , законовъ Божїихъ. Прости , говоритъ она , прости любезный братъ : умирай за вину мою, за сїю вину , что я родила ПЕТРА и Россїи сладчайшую произнесла надежду. Едва выговорила Царица слова сїи , стрѣльцы свергли на копья брата ея , и многократно на остротѣ копїй въ верьхъ ево метали. Тако утверждалося невѣжество подъ именемъ благочестїя. Властолюбїе и лихоимство безсовѣстныхъ людей , прибѣгали къ суевѣрїю , суевѣрїе къ варварству ; ибо варварство во всѣ времена паче всего суевѣрїю повиновалося. Въ перемѣнѣ одѣянїя и въ бритїи бородъ не было бы ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ни малѣйшїя нужды , ежели бы старинное платье не покрывало стариннаго упрямства , а борода въ подлыхъ голо-

вахъ не умножала гордости. Сія есть перьвая ересь просвѣщающемуся вѣку отъ суевѣровъ налагаемая. Младый Царевичь заводилъ новое и порядочное войско, предвозвѣщающее ограду престола, безопасность отечеству, и страхъ непрїятелямъ. Новость и порядокъ по разсужденїю ослѣпленныхъ стариною и праздностїю людей, суть тяжкія грѣхи: вторая ересь. Учиться языкамъ народовъ не Православнаго закона, почиталося суевѣрами, учиться безбожїю: а во дни ПЕТРА ВЕЛИКАГО Латинской языкъ, который суевѣрами для раздѣленїя Римской съ Греческою Церковїю прокляпымъ почитался, сами духовныя зная, и помощію онаго въ ученїи просвѣщаяся, посреди храмовъ Вышняго слово Божїе проповѣдывали; но кто всѣ мнимыя ихъ ереси исчислить можетъ! Все то что было ново, было ересь, а ново было только то, что похвально. Нагое благородство, было главное достоинство того вѣка, а украшенїе благородства гордость. Восприяли стрѣльцы достойную казнь и исчезли. Заградили суевѣры мерскїя уста свои, и безсильный ядъ въ скаредныхъ своихъ сердцахъ заключили. Полезно было паденїе суевѣровъ, по-

лезно

лезно было паденіе стрѣльцовъ. Первыхъ паденіемъ возсіяло благочестіе въ полной истиннѣ, и стрѣлы, ненасытныя злобы, покрывающіяся именемъ ревности ко православію, приступилися, сіи стрѣлы защищающія невѣжество, корысть тунеядцовъ, легкомысліе тщетныхъ людей, сіи стрѣлы устремляющіяся противъ ученія и премудрости, противу свободы разума и совѣсти, противу благополучія подданныхъ и противъ законной власти обладателей. Вторыхъ паденіемъ возсіяло оружіе въ полной силѣ. Вы Полтавскія поля тому свидѣтели! вы тому свидѣтели во времена и по временахъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО многократно Россійскимъ оружіемъ одержанныя побѣды. Самыя вязкія блата, самыя густыя лѣса, самыя высокія горы и безводныя степи, не могли препятствовати ТВОЕМУ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ оружію. На сихъ дняхъ, на сихъ послѣднихъ дняхъ ТВОИМЪ оружіемъ ДЩЕРЬ ТВОЯ надъ сильнымъ непріятелемъ двѣ преславныя побѣды одержала. Бѣгутъ о Фридерикъ! разсыпанныя Твои войски, отъ побѣдоноснаго оружія ЕЛИСАВЕТЫ, спасая только жизнь. Артиллерія Твоя оставшаяся,

знамена валятся. Тако побѣждалъ ПЕТРЪ, тако побѣждаетъ ЕЛИСАВЕТА. Мужество ТВОЕ Великій Мужъ, Воинство ТВОЕ Великій Вождь, Скипетръ ТВОЙ Великій Императоръ, Разумъ ТВОЙ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, положили благополучію Россіи вѣчное и неколебимое основаніе. Подражайте будущихъ вѣковъ Монархи Россійскія дѣламъ ЕГО, симъ образомъ, которымъ ЕМУ ЕЛИСАВЕТА подражаетъ! Подражайте потомки наши вѣрности предковъ вашихъ, вѣрности нашей! живите для отечества, умирайте за отечество! Возри Россія на Финскій Понтъ покровенный твоими кораблями! Сіи по водамъ летающія зданія, попирающія морскія волны, и презирающія бурю и пучину, до временъ ПЕТРОВЫХЪ тебѣ и извѣстны не были. ТЫ ВЕЛИКІЙ ИМПЕРАТОРЪ положивъ Скипетръ не погнушался принять сѣкиру и въ созиданіи кораблей самъ прудиться; чтобъ точно и подробно изслѣдывать сіе искусство. ТЕБѢ ТВОЯ сѣкира больше приносила славы, нежели многимъ Монархамъ ихъ Скипетры. Не въ великолѣпіи ищутъ Великія Государи Величества, не въ великолѣпіи искалъ ево и ТЫ ВЕЛИКІЙ

кій государь. Твое великолѣпіе было попеченіе о государствѣ, едино украшеніе и сіяніе вѣнца; ибо все прочее пустой только блескъ. Гражданскій судъ и расправу въ лутчее привелъ онъ состояніе, и привелъ бы къ совершенству, ежели бы вѣкъ Его продлился. Въ какое краткое и въ какое браноносное время создалъ онъ сей градъ, сей великолѣпный градъ, ты о томъ вся Россія вѣдаешь, вѣдаешь о томъ ты вся Европа, вѣдаешь о томъ ты вся подсолночная. На горахъ Кіевскихъ Проповѣдыватель новыя благодати водрузилъ Крестъ и начерталъ на немъ: На семъ мѣстѣ Православіе будетъ. На брегахъ Невскихъ кровію воружившихся противъ насъ непріятелей Александръ побѣждая предвозвѣстилъ, будущія Петровы побѣды и созданіе Санктпетербурга, и будто рекъ: На семъ мѣстѣ поставленъ великій градъ будетъ, и всѣ силы человѣческія не преодолѣютъ его. Ремъ за малое почелъ стѣнки новаго городка, и перескочилъ черезъ нихъ поругавшися брату своему. Кто изъ недальновидящихъ людей не могъ за малое почесть, первый домъ въ Петербургѣ, первое морское судно, первое

изъ

изъ рабятокъ состоящее войско ПЕТРА ВЕЛИКАГО? Ромуловъ городокъ сталъ Мира всего повелителемъ, ПЕТРОВА хижинка стала Сѣвернымъ Римомъ, ПЕТРОВЪ ботикъ сталъ отцемъ великаго флота, ПЕТРОВО потѣшное войско, стало страхомъ сильнѣйшихъ Россіи непріятелей. Величайся великолѣпный градъ, красуйся своимъ мѣстоположеніемъ; блата, творящія ево къ поселенію неспособнымъ, осущены, и чего ему въ одареніи природы не доставало, тѣмъ ево искусство снабдило, и къ обиталищу Великаго Монарха способнымъ учинило. Брега Невскія, вереи вратъ Балтійскаго моря! вы ради того блатомъ покровенны были, чтобъ и въ томъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ явилъ дѣло къ умноженію многочисленныхъ чудесъ своихъ. О врата, врата Балтійскаго моря, отверзающія намъ легкія пути ко многимъ областямъ, врата къ Россіи которыми входитъ и умножается богатство ея, величайтеся пользоприношеніями великой Имперіи, величайтеся Престоломъ ВЕЛИКІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ, величайтеся Именемъ ВЕЛИКАГО ПЕТРА! А ты о Море ликовствуй видѣвъ, на грозныхъ валахъ пучины своея Россій-

сïйскаго Императора Россïйскимъ и еще тремя флотами правяща, и съ радостïю омывай стѣны увеселительнаго жилища ПЕТРОВА, ЕГО повелѣнïемъ поставленнаго и ИМЪ самимъ ЕВО утѣшенïемъ нареченнаго, отколѣ взиралъ онъ съ утѣшенïемъ на плывущïя ко прекрасному Невскому Амфитеатру и возвращающïяся корабли. Тамо видятъ обольщенныя очи изображенïе погибшаго вертограда, гдѣ Тигръ съ Евфратомъ соединяются. Когда вы тамо низпадающïя потоки бѣгуще съ высокихъ горъ и вы къ верьху бïющïя ключи взоръ и слухъ нашъ увеселяете, вы воспоминаете: мы тѣмъ мужемъ произведены; которымъ твое Россïя щастïе произведено: мы того мужа веселяли, которымъ ты увеселялася Россïя. Ходы прохладныхъ рощей, дороги приятнѣйшаго сада! вы возвѣщаете: здѣсь часто гуливалъ ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ, здѣсь часто размышлялъ онъ о твоемъ Россïя состоянïи, о твоемъ Россïя прославленïи, и радовался твердо уповая, что ты ЕВО во вѣки не забудешъ. Ежели забудемъ ТЕБЯ ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ; забвенна буди предъ Господомъ десница наша: ежели не воспомянемъ ТЕБЯ вѣщая о благо-

по-

получїи отечества ; прильпни языкъ нашъ гортани нашей. Сіе мѣсто , гдѣ въ Петрополѣ науки возрастаютъ , и сіе почтенное мѣсто ТОБОЮ основано. Довольно бы для другова было обладателя стараться только о введеніи наукъ и художествъ въ области свои , а Ты ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ старался вводя ихъ и о возращеніи оныхъ. Проникъ ТЫ до самаго жертвенника славы и благополучїя нашего , и олтари премудрости воскурилися. Путешествїя всегда полезны , а Россїйскому народу тогда были они еще полезняе. МОНАРХЪ нашъ не пропустилъ того и благоволилъ посылать молодыхъ дворянъ снискати для нихъ самихъ и для отечества сію пользу , чтобъ они въ юности своей увидѣвъ разныя области и познавъ разныя нравы и разныя обычаи удобняе могли отринути вкорененныя и невѣжествомъ , упрямствомъ и стариною утвержденныя грубости , и подражати благопристойнымъ поведеніямъ избирая лутчія. Самъ путешествовалъ. Германїя , Франція , Англія и Голландїя ! многое тогда видѣлъ у васъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ; но вы тогда еще болѣе видѣли ; видѣли ПЕТРА ВЕЛИКАГО. А ты о Швеція видѣла

ПЕТРА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО на поляхъ Полтавскихъ. Конечно Россія, конечно ради того провидѣніе Божіе противъ ПЕТРА Карла, противъ ЕЛИСАВЕТЫ Фридерика, противъ тебя храбрыя Ихъ войски востати попустило, чтобы твоими побѣдами надъ таковыми великими Вождями и надъ таковыми мужественными войсками, явити миру силу и славу твою, къ умноженію славы твоего ИМПЕРАТОРА и твоея ИМПЕРАТРИЦЫ. Много пользы принесли ТЕБѢ и ТВОЕЙ Имперіи, ВЕЛИКІЙ ИМПЕРАТОРЪ путешествія по чужимъ областямъ; но не менше подали пользы путешествія и по собственнымъ ТВОИМЪ областямъ. Тамо собиралъ Ты плоды и удивилъ Россію, здѣсь собиралъ ТЫ плоды и удивилъ Европу. Путешествія Россію обогащали, брани укрѣпляли ея безопасность. Взята Ливонія и часть Финскія земли, брега Невскія и брегъ Каспійскаго моря: тряслася Персія, ужасалася Хина, и потряслася бы Отоманская Порта, ежели бы многія противности не воспрепятствовали успѣхамъ нашего МОНАРХА. Великъ былъ ПЕТРЪ во время брани, великъ во время мира, великъ въ обстоятельствахъ благополу-

лучныхъ, великъ и въ противныхъ. Строгъ противу злодѣевъ, Щедръ ко почитателямъ добродѣтели, Правосуденъ и Милостивъ. Не упускалъ, беззаконій безъ наказанія, заслугъ безъ воздаянія. Искусный Мореплаватель, искусный Полководецъ, искусный Мужъ въ дѣлахъ Государственныхъ, премудрый Законодавецъ и Отечества СВОЕГО Преобразитель. Доколѣ будетъ Солнце освѣщати вселенную, Слава ТВОЯ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ во Вселенной пребудетъ. А ты Россія радуйся и благодари Вышняго видя на твоемъ Престолѣ ДЩЕРЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и проси Всемогущаго Создателя, чтобъ далъ Онъ ЕЙ многія лѣта, и чтобы кровь ПЕТРА ВЕЛИКАГО тобою обладала во вѣки.

* * * А. С.

II.

ЕКЛОГИ.

I.

ДАМОНЪ.

Еще густая тѣнь хрустальну небо крыла
Еще прекрасная Аврора не всходила,

Ко-

Корабль покоился на якорѣ въ водахъ ,
И Земледѣлецъ былъ въ снѣ крѣпкомъ по прудахъ,
Сатиры по горамъ лѣсовъ не пребѣгали ,
И Нимфы у рѣчныхъ потоковъ почивали ,
Какъ въ другъ возталъ злой вѣтръ , и водъ
возмущалъ ,
Сердитой валъ Морской долины потоплялъ ,
Громъ страшно возгремѣлъ и молніи сверкали ;
Дожди изъ грозныхъ тучъ озера проливали.
Сокрыли небеса и звѣзды и луну ,
Левъ въ лѣсъ бѣжалъ густой, а кипѣ во глубину;
Орелъ подъ хворостомъ отъ страха укрывался ;
Подобно и Дамонъ сей бури испужался ,
Когда ужасенъ всей природѣ былъ сей часъ;
А онъ безъ шелаша свою скотину пасъ.
Дамонъ не зналъ куда отъ беспокойства дѣться ;
Бѣжалъ найти шелашъ обсохнуть и согрѣться:
Всѣхъ ближе шелашей , шелашъ пастушкинъ
былъ ,
Котору онъ предъ тѣмъ недавно полюбилъ ,
Которая и въ него влюбилася подобно ,
Хотъ серце поступью къ нему казалось злобно;
Она таила то, что чувствовалъ въ ней духъ ;
Но дерзновенный вшелъ въ шелашъ ея , пастухъ
Однако какъ тогда погода ни мутилась ,
Прекрасная его отъ сна не пробудилась ,
И лежа въ шелашѣ на мягкой муравѣ ,
Что съ вечера она имѣла въ головѣ ,
То видитъ и во снѣ : ей кажется , милуетъ ,
Кто въ дѣвъ въ оный часъ, горя, ее цалуетъ.

Сей дерзостью ей сонъ еще приятняй былъ ;
Дамонъ ей истинну съ мечтой соединилъ;
Но ясная мечта съ минуту только длилась ;
Излишества ея пастушка устрашилась ,
И пробудилася. Пастушка говоритъ :
За чемъ приходишъ ты , туда, гдѣ дѣвка спитъ?
Но привидѣнїемъ толь нѣжно утомилась ,
Что за преступокъ сей не очень разсердилась.
То видючи Дамонъ надежно отвѣчалъ ,
Что онъ ее любя въ вину такую впалъ.
И часть сея вины на бурю возлагая ,
Взгляни , просилъ ее взгляни , въ луга драгая ,
И зри потоки водъ пролившихся дождей !
Меня загнали вѣтръ и громъ къ красѣ твоей ;
Дожди изъ грозныхъ тучь водъ море проливали,
И молнїи отъ всѣхъ сторонъ въ меня сверкали.
Не гнѣвайся востань , и выглянь за порокъ !
Увидишъ ты сама , какой лїется токъ.
Она по сихъ словахъ смотрѣть потоковъ встала ,
А что цалована , ему не вспоминала ,
И ни чево она о томъ не говоритъ ;
Но кровь ея , но кровь бунтуетъ и горитъ.
Дамона опъ себя обратно посылаетъ ,
А что бъ онъ побылъ съ ней сама того желаетъ.
Не можетъ утаить любви ея притворъ ,
И шлетъ Дамона вонъ и входитъ въ разговоръ ,
Ни слова изъ рѣчей ево не примѣчаетъ ,
И на вопросъ ево другое отвѣчаетъ.
Дамонъ прощенїя въ винѣ своей прося ,
И извиненїе любезной принося ,

Раз-

Разженъ ея красой себя позабываетъ ;
И въ новую вину забывшися впадаетъ :
Ахъ ! сжалься , говоритъ , но говоритъ то въ слухъ ,
Ахъ ! сжалься надомной и успокой мой духъ ,
Молвь мнѣ люблю , или отбей мнѣ мысль печальну ;
И окончай животъ за страсть сію нахальну !
Я больше ужъ не могъ въ молчаніи горѣть ,
Люби , иль отъ своихъ рукъ дай мнѣ умереть.
О чемъ мнѣ говоришь коль громко ты толь смѣло ,
Дамонъ опомнися , какое ето дѣло ;
Она ему на то сказала во слезахъ ,
И вспомни въ каковыхъ съ тобою я мѣстахъ!
Или бѣды мои Дамонъ тебѣ игрушки ;
Не очень далеко отсель мои подружки ;
Пожалуй не вопи ! или ты люпый звѣрь?
Ну есть ли кто изъ нихъ услышитъ то теперь ,
И посмотрѣть придетъ , что стало съ ихъ подружкой?
Застанетъ пастуха въ ночи съ младой пастушкой.
Какой ея глазамъ съ тобой явлю я видъ ,
И ахъ, какой тогда ты здѣлаешъ мнѣ стыдъ !
Не прилагай слѣдовъ ко мнѣ ты громкимъ гласомъ ,
И что быть хочешъ милъ скажи инымъ мнѣ часомъ.

Я часто прихожу къ рѣкѣ въ шалашъ пустой,
Я часто прихожу въ березникъ сей густой ,
И тамо отъ жаровъ въ полудни отдыхаю :
Подъ сею иногда горой въ бору бываю.
И тамъ , ищу грибовъ : подъ дубомъ на рѣкѣ,
Который тамъ стоитъ отъ паства въ далекѣ ,
Я и вчера была : тамъ мѣсто уедненно ;
Ты можешъ зрѣть меня и тамо несумнѣнно.
Въ пристойно ль мѣсто ты склонять меня зашелъ?
Такой ли объявлять любовь ты часъ нашелъ?
Дамонъ-отвѣтствовалъ на нѣжныя тѣ пѣни ,
Передъ любезной ставъ своею на колѣни ,
Цалуя руку ей , приявъ тишайшій гласъ :
Способно мѣсто здѣсь къ любви , способенъ часъ,
И естьл и серце мнѣ твое не будетъ злобно ;
То все намъ, что ни есть, любезная способно.
Пастушки , чаю , спятъ избавясь бури злой ,
Господствуетъ опять въ часы свои покой ,
Ужъ на небѣ тучь нѣтъ , опять сіяютъ звѣзды,
И птицы стерегутъ свои безъ страха гнѣзды ,
Орелъ своихъ птенцовъ подъ крыльями согрѣлъ,
И воробей къ своимъ яичкамъ прилетѣлъ :
Блеянія овецъ ни въ чьемъ не слышно стадѣ,
И все что есть , въ своей покоится ограде.
Что дѣлать ей; Дамонъ идти не хочетъ прочь?
Возводитъ къ небу взоръ , о ночь , о темна ночь,
Усугубляй свой мракъ , мой разумъ отступаетъ,
И скрой мое лицо ! вздыхаючи вѣщаетъ.
Дамонъ ! мучитель мой ! я мню что и ше-

лашь ,
Смѣется

Смѣется зря меня и слыша голосъ нашъ.
Чтобъ гласъ не слышенъ былъ , шумите вы о рощи ,
И возвратись насъ скрыть о темность полуночи !
Ей мнилось что о нихъ вѣсть паствомъ понеслась ,
И мнилось что тогда подъ ней земля тряслась.
Не знаючи любви , люблю , сказать не смѣетъ;
Но молвивъ множество забавъ она имѣетъ ,
Который чувствуетъ взаимно и Дамонъ ;
Збылся пастушка твой , збылся приятный сонъ.
По семъ изъ волнъ морскихъ Аврора выступала,
И спящихъ въ рощахъ Нимфъ играя возбуждала,
Зефиръ по камышкамъ на ключевыхъ водахъ
Журчалъ , и нѣжился въ пологихъ берегахъ.
Лѣса , поля , луга , сіяньемъ освѣщались ,
И горы въ далекѣ Авророй озлащались.
Востали пастухи , пришелъ трудовъ ихъ часъ,
И былъ изъ далека свирѣльный слышенъ гласъ.
Пастушка съ пастухомъ любезнымъ разлучалась;
Но какъ въ послѣдній разъ она поцаловалась ,
И по веселостяхъ ввела ево въ печаль ,
Сказала : коль тебѣ со мной разстаться жаль ;
Приди ты подъ вечеръ ко мнѣ подъ дубъ тамъ дальній
И успокой, Дамонъ теперь свой духъ печальный ,
А между тѣмъ меня на памяти имѣй,
И не забудь , мой свѣтъ , горячности моей.

* * *

II.

КАЛИСТА.

БЛизь пастьва межЂ луговЂ и рощь гора лежала ;
Которую волна морская омывала :
Пустыня вся была видна изЂ высоты.
Увеселяли взорЂ различны красоты ,
Во изумленїи вЂ луга и кЂ рощамЂ зряща ,
Печальна Аписа , на сей горѢ сѢдяща.
Ни что увеселить ево не возмогло ;
Прельстивше пастуха лицо всю кровь вЂ немЂ жгло.
Тогда вЂ природѢ былЂ часЂ тихїя погоды :
ОнЂ смотритЂ изумленЂ вЂ спокоющися воды ;
ВЂ которыхЂ вЂ далекѢ край неба погруженЂ ,
И дальностїю взорЂ пастушїй пресѢченЂ.
ВЂ смущенїи своемЂ на воды онЂ взираетЂ ,
И тяжко воздохнувЂ , ошЂ горести вѢщаетЂ :
КакЂ море кЂ глубинѢ твоей ЕолЂ ни лихЂ ,
Однако и кебѢ есть нѢкогда отдыхЂ :
А я , ково люблю , мещадно мучимЂ ею ,
Ни на единый часЂ отдыха не имѢю.
Волненїе твое царь вѢтровЂ укротилЂ ,
Мучителей твоихЂ вЂ пещеры заключилЂ ,
А люту страсть мою ни что не укрощаетЂ ,
Любовь начавЂ терзать всегда меня терзаетЂ.
Калиста , посреди стенанїя сево ,
Уединенїе разрушила ево.
Я слышу , говоритЂ ему , пастухЂ ты стонешЂ :

Во

Во тщетной ты любви къ Альфизѣ Атисъ тонешь;
Какихъ ты отъ нея надѣешся утѣхъ ?
Она стенанїе твое приемлетъ въ смѣхъ.
Ты знаешь что она тебя уничтожаетъ ,
Свирѣли твоея и пѣсенъ не внимаетъ.
Цвѣты въ твоихъ грядахъ простая ей трава ,
И пѣсенъ жалостныхъ пронзающи слова ,
Когда ты свой поешъ неугасимый пламень ,
Приходятъ въ серце къ ней какъ стрѣлы въ твердый камень.
Покинь суровую , ищи другой любви ,
И злое уполи терзанїе крови !
Пускай Альфиза всѣхъ приятняе красою ;
Но зная что она гнушается тобою ,
Отстань и позабудь ты Розинъ духъ и видъ:
Все то тебѣ тогда гвоздичка замѣнитъ.
Ты все пригожство то что зришь теперь нещастно ,
Увидишъ и въ другой , кѣмъ серце будетъ страстно,
И вспомянувъ тогда пастушки сей красы ,
Потужишъ что теряль ты вздохи и часы :
Нашедъ любовницу съ пригожствомъ ей подобнымъ ,
Стыдиться будешъ ты размученъ серцемъ злобнымъ.
На увѣщанїе то Атисъ говоритъ :
Ни что сей склонности во мнѣ не истребитъ.
Ты Ехо наши всѣ здѣсь гласы повторяешь !

Ты Солнце всякой день здѣсь паство освѣщаешь ;
И видишь пастуховъ пасущихъ здѣсь стада :
Вамъ вѣстно рвался ль такъ любовью кто когда !
И вамъ извѣстно то могу ль я отлюбиться !
Не буду никогда Калиста я стыдиться ,
Что ту суровую всѣмъ сердцемъ я любилъ ,
Которой я за то ни мало не былъ милъ.
Еще не упадетъ со хладнаго снѣгъ неба ,
И земледѣлецъ съ нивъ еще не снимет хлѣба ,
Какъ съ сей прекрасною пустыней я прощусь ,
И жизни своея ненадобной лишусь.
Низвергнусь съ сей горы ; мнѣ море дастъ могилу:
Я тамо потоплю и страсть и жизнь унылу.
И ежели я тѣмъ ей жалость приключу ;
Такъ я желанья часть хоть въ смерти получу.
А естьли жизнь моя суровой къ смѣху свянетъ ;
Ужъ мой , досады сей , духъ чувствовать не
станетъ.
Ты хочешъ , говоритъ , Пастушка , жизнь
пресѣчь,
Отчаянная мысль , отчаянная рѣчь ,
Цвѣтущей младости ни мало не обычны :
Кинь прочь о смерти мысль , къ ней ста-
рыхъ дни приличны :
А ты довольствуйся утѣхой живота.
Хоть будетъ у тебя любовница не та ,
Такую жъ отъ другой имѣти станешъ радость,
Найдешъ веселости доколь пребудетъ младость.
Ахъ ! есть ли бъ проницать ты мысль мою
хотѣлъ,
Такъ

Такъ ты бъ уже хотя не о себѣ жалѣлъ,
И жаркія любви къ несклонной ты убавилъ;
А послѣ бъ и со всѣмъ суровую оставилъ.
Я мысли твоея проникнуть не хочу,
Отвѣтствовалъ онъ ей, и глазъ не отвращу,
Ни для ради ково и въ страсти безполезной,
Отъ мучащихъ меня очей моей любезной.
Какъ старый Кедръ свои коренья простра-
нилъ,
Ея взоръ такъ любовь мнѣ въ серце вкорениль.
Свирѣпой, Апису Калиста отвѣчала,
Душа твоя, мое желаніе, познала,
И тако принялъ ты мой жаръ и нѣжну страсть!
Тебѣ приятняе въ страданіи пропасть,
Какъ зрѣть себѣ меня любовницею вѣрной!
Не зря въ очахъ моихъ любви къ себѣ безмѣрной,
Вздыхай, вкругъ ходячи Альфизиныхъ овецъ,
И помори свою скотину на конецъ.
Когда сія гора сойдетъ въ морску пучину,
Альфиза сократитъ теперешну кручину.
Но естьли бъ ты пастухъ меня не пренебрегъ;
Ты вмѣсто здѣсь тоски имѣлъ бы тмы утѣхъ,
Я стадо бы свое съ твоимъ совокупила,
По рощамъ бы съ тобой по всякой день ходила;
Калистѣ бы ты былъ участникомъ всево;
Куда бъ я шла одна; шла бъ съ спросу твоево,
Безъ воли бъ твоея не здѣлала ступени:
И клала бъ на свои я Аписа колѣни:
Рядилась бы я такъ какъ надобно тебѣ,
И словомъ, я бъ жила тебѣ а не себѣ.

Ахъ ! Атисъ ты со мной извѣстное теряешъ,
А неизвѣстнаго напрасно ожидаешъ.
Ты тщетною себѣ надеждою маня,
Что я ни говорю, не слушаешъ меня.
Отъ тѣхъ часовъ какъ ты въ нещастну страсть попался,
Ахъ Атисъ ! Атисъ ! гдѣ разсудокъ твой дѣвался !
Ей Атисъ говоритъ : когда тебѣ я милъ,
Я въ серце красотѣ теперь твоей вручилъ ;
Но серце у меня Альфизой взято вѣчно,
И буду ею раненъ по смерть безчеловѣчно.
Любви достойна ты ; но мнѣ моя душа,
Любить тебя претитъ, хоть ты и хороша.
Ты пѣни голосомъ пріятнѣйшимъ вспѣваешъ,
И гласы соловьевъ сихъ рощей посрамляешъ.
На тѣлѣ видится твоемъ Лилеинъ видъ,
Въ щекахъ твоихъ цвѣтовъ царица зракъ свой зритъ.
Зефиры во власы твои пристрастно дуютъ,
Гдѣ пляшешъ ты когда, тамъ Граціи ликуютъ.
Сравненна можетъ быть лишь тѣнь твоя съ тобой,
Когда ты гдѣ сидишъ въ день ясный надъ водой.
Не превзошла тебя красой и та богиня,
Которой съ паствомъ здѣсь подвластна вся пустыня.
А кѣмъ въ нещастіи я мучася горю,
О той красавицѣ тебѣ не говорю ;
Альфизѣ похвалу я въ серцѣ заключаю,

И

И красоту ея ни съ чьею не равняю.
За вѣрность такову , ошвѣтствуетъ она ,
Альфиза покорить тебѣ свой духъ должна ;
Но знаю, что того ты не дождешся вѣчно.
А я бъ тебя мой свѣтъ любила , ахъ ! сердечно,
И вѣрной Горлицѣ начавши подражать ,
Не стала бъ о другомъ до смерти воздыхать.
Любить меня другимъ ужъ не было бъ успѣха ,
Вся бъ стала состоять Калистина утѣха ,
Что бъ съ Анисомъ ей быть , на Аниса взи-
рать ,
Имѣть ево въ рукахъ и часто цаловать.
Прости , мой взоръ тебя напрасно потревожилъ,
И помни что ты ту пастушку уничтожилъ,
Котору бъ ты любя , миляй ей жизни былъ,
И ахъ ! которой ты еще свирѣпой милъ.
Во твердости своей пастухъ не колебался ,
И радъ былъ что онъ съ сей пастушкою раз-
сталася,
Ахъ ! такъ ли ты любовь стеняющихъ веселишъ!
За что Альфиза ты въ тоскѣ мнѣ жить велишъ,
И жалобы вѣщать пустынѣ безполезно !
Скорбящій говорилъ стеня любовникъ слезно :
Сію ль пастушка мзду за искренность ты мнѣ :
Печешся приключить въ спокойной сей странѣ,
Что младости моей ты лѣта дарагія ,
Преобращаешъ мнѣ во времена презлыя :
Въ жилище пагубно , приятнѣйши мѣста ?
За то ли такъ моя къ тебѣ любовь чиста ?
Калиста , какъ меня въ любовь ни приводила ,

Дви-

Движенья малаго во мнѣ не учинила.
Ты волосомъ темна , Калиста имъ руса ;
Но все то и для всѣхъ равно коль есть краса.
Душа ево еще , еще обремѣненна :
Не мнитъ онъ что была Калиста наученна ,
Извѣрить пастуха приявъ въ любви притворъ,
И страстный съ нимъ вела безстрастно разговоръ.
Альфиза Атиса Калистой искушала.
О Гиласѣ въ тотъ часъ Калиста помышляла ;
Когда любовну рѣчь со Атисомъ вела :
А съ Гиласомъ она въ любови ужъ жила ,
Хотъ ихъ еще любовь была и неизвѣстна.
И тако рѣчь ея казалась быть нелестна.
Хотя о дружбѣ сихъ Пастушекъ Атисъ зналъ
Но слыша страстну рѣчь все правдой принималъ.
Едва сошедъ съ горы Пастухъ приходитъ къ стаду ,
Онъ зритъ любезную и чувствуетъ отраду :
Альфиза у ево овецъ уже была ,
И ласково съ собой гулять ево звала ,
Часъ времени ему тогдашной похваляя.
Какъ скоро съ нимъ отшедъ отъ стадъ ево драгая ,
Къ открытью пламени убѣжище нашла ,
Вся прежня отъ нее суровость отошла.
Обманомъ ихъ союзъ Калиста утвердила ,
И часто смѣючись тѣмъ Атиса дразнила ,
А предъ Альфизою , на Атиса прельстясь ,

И передъ Гиласомъ винилася смѣясь.
Не тщетно Аписъ ты пастушкою былъ мученъ:
Благополученъ ты пастухъ благополученъ,
Что вѣрности своей, ты къ ней не премѣнилъ;
И хладно отъ себя Калисту отпустилъ;
Когда бъ ты былъ не твердъ и къ ней въ любовь склонился,
Ты тщетной радостью, прямыя бы лишился,
И щастїе свое при дверяхъ погубя,
Рвался бы суетно сердяся на себя.

А. С.

* * *

III.

СЛОВО

М. ТУЛЛІЯ ЦИЦЕРОНА

ЗА КВ. ЛИГАРІЯ

КЪ К. ЦЕСАРЮ.

О новомъ, и до сего дня не слыханномъ, Каїй Цесарь, преступленїи донесъ тебѣ ближнїй мой Квинтъ Тубероиъ на Квинта Лигарїя, что былъ онъ

онъ въ Африкѣ: о чемъ и Каій Панса, мужъ превосходнаго разума, уповая можетъ быть на твое съ нимъ обхожденіе дерзнулъ засвидѣтельствовать. И такъ, куда мнѣ обратиться, не вѣдаю. Я было пришелъ съ тѣмъ, что бы, когда еще ты дѣла ни самъ собою не узналъ, ни отъ другихъ услышать не могъ, въ свою пользу употребить твое не знаніе для избавленія онаго нещастнаго человѣка: но когда уже то, что таилось, стараніемъ соперника найдено; то думаю, что я оное признать долженъ: особливо для того, что свойственникъ мой Каій Панса мнѣ то утаить воспрепятствовалъ. Ради того оставя прѣніе, должно мнѣ всю рѣчь обратить къ твоему милосердію, которымъ премногіе спаслися не въ винахъ оправдавшися, но получивъ въ погрѣшностяхъ прощеніе.

И такъ, Туберонъ, ты уже то имѣешь, чего доносителю весьма желать должно; признавается винный; однако такъ признается, что онъ въ той области былъ, въ которой ты, Туберонъ, въ которой мужъ всякой похвалы достойной, отецъ твой, были; и для того прежде вамъ самимъ признаться должно въ своемъ преступленіи,

пленіи , нежели обвинять Лигарія. Квинтъ Лигарій въ Африку посланъ при Каіѣ Консидіи военачальникомъ еще въ то время , когда о войнѣ нималѣйшаго не было чаянія : въ которой должности у гражданъ и союзниковъ въ такую пришелъ онъ довѣренность , что ежели бы Консидій , при отъѣздѣ своемъ , надъ тою страною начальникомъ не его поставилъ , тобы всѣ люди не довольны были. И такъ Лигарій долго отъ того отрицаяся ничего не успѣлъ , и противъ воли правленіе страны принялъ , которою онъ въ мирное время такъ правительствовалъ , что и гражданамъ и союзникамъ праводушіе и вѣрность его крайне угодны были.

Внезапно загорѣлась война : и бывшіе въ Африкѣ прежде услышали о бранныхъ дѣйствіяхъ , нежели о приуготовленіяхъ. Отъ сей вѣсти , частію по безразсудному желанію , частію по нѣкоторому слѣпому страху , сперьва для спасенія своего , а по томъ и для склонности искали себѣ предводителя ; когда Лигарій взирая на домъ свой , и желая къ своимъ возвратиться ни въ какое дѣло вступать не хотѣлъ. Между тѣмъ прибылъ въ Утику Публій

лій

лій Акцій Варъ, который въ Африкѣ бывалъ Преторомъ. Къ нему немедлѣнно збѣжалися. А онъ съ немалою жадностію ухватилъ повелительство надъ войскомъ, ежели только то повелительствомъ назвать можно, что человѣку безвластному, крикомъ безразсуднаго народа, безъ общаго совѣта поручено.

И такъ Лигарій, который отъ всякаго таковаго дѣла желалъ бы уклониться, не много прибытіемъ Варовымъ успокоился. По сіе время, Каій Цесарь, не видишъ ты никакой вины Квинта Лигарія. Онъ вышелъ изъ дому, когда не только войны, но и ни малѣйшаго чаянія о войнѣ не было: отправился военачальникомъ въ мирное время, и въ странѣ безмятежнѣйшей поступалъ какъ человѣкъ миролюбивой. Отъѣздъ его во истинну не можетъ тебя ни мало озлобить. Развѣ то, что онъ остался тамо? Сіе и того меньше. Ибо отъѣздъ его въ себѣ никакого безчестія не содержалъ, а пребываніе по необходимости похвально было.

И такъ сіи два времена, преступленію не причастны, одно когда отправился онъ военачальникомъ. другое когда по требованію народа поставленъ

надъ

надъ Африкою правителемъ. Третіе время то, въ которое онъ по прибытіи Варовомъ въ Африкѣ остался. Ежели сіе винно; то вина сія учинена по нуждѣ, а не по намѣренію. Ежели бы онъ могъ какимъ ни будь образомъ отъ туда удалиться: то лучше ли бы онъ пожелалъ быть въ Утикѣ, нежели въ Римѣ; лучше ли съ Публіемъ Акціемъ, нежели съ единодушными братьями; лучше ли съ чужими, нежели съ своими? Когда само военачальство преисполненно было желаніемъ и попеченіемъ отъ безмѣрной къ братьямъ любви, то могъ ли онъ быть безъ сердечнаго смятенія оттторгнуть войною отъ братьевъ?

Доселѣ еще, Цесарь, не видишъ ты въ Квинтѣ Лигаріи ни каковаго знака отчужденныхъ тебя мыслей, котораго я дѣло, смотри, съ какою вѣрностію защищаю, когда своего предателемъ дѣлаюся. О предивное милосердіе и всякой похвалы, проповѣдыванія, преданія писанію, и вѣчнаго воспоминовенія достойное! Маркъ Цицеронъ защищаетъ предъ тобою другаго, что въ тѣхъ не былъ мысляхъ, признаваяся, что онъ самъ былъ въ оныхъ: ниже опасается сокровенныхъ

твоихъ помышленій : ниже ужасается того , что тебѣ въ мысли приходитъ о немъ самомъ , когда ты о другомъ слушаешь. Зри колико я не ужасаюся: зри коликой свѣтъ щедроты и премудрости твоей меня объемлетъ , меня сіе тебѣ вѣщающа. Сколько возмогу , потщуся возвысити гласъ мой, да услышанъ буду отъ всего Римскаго народа.

Когда брань началася , Цесарь , и уже по большой части производилась , то я ни съ какого принужденія по собственному разсужденію и волѣ къ той части войскъ отправился , которые противъ тебя вооружены были. Такъ предъ кѣмъ сіе вѣщаю ? то есть предъ тѣмъ , который хотя то вѣдалъ , однако меня прежде , нежели увидѣлъ , возвратилъ отечеству ; который комнѣ изъ Египта письмо прислалъ , чтобъ я тотъ же былъ , который былъ ; который будучи одинъ военачальникомъ въ цѣломъ государствѣ Римскаго народа, мнѣ другому быть дозволилъ ; котораго допущеніемъ отъ сего самаго Каія Пансы увѣдомясь , консулскіе я знаки лавромъ обвитые имѣлъ , доколѣ разсудилось ; который думалъ , что тогда мнѣ возвратитъ жизнь , когда оную возвратитъ со всѣми прежними украшеніями.

Раз-

Разсуждай Туберонъ , дерзну ли я Лигарiево дѣло исповѣдывать , когда о своемъ говорить не усумнѣваюсь. И то я о себѣ для того говорилъ , чтобъ мнѣ Туберонъ , ежели и объ немъ тоже изреку , простилъ ; котораго я трудамъ и славѣ усердствую или для близкаго сродства , или что его разумомъ и науками увеселяюсь , или для того что отъ похвалы юноши ближняго моего нѣсколько , какъ думаю , и на меня къ нѣкоторому моему удовольствiю изливается.

Но я вопрошаю , кто вмѣняетъ въ преступленiе , что Лигарiй былъ въ Африкѣ ? то есть тотъ , который и самъ желалъ быть въ Африкѣ , и жалуется , что въ томъ ему Лигарiй воспрепятствовалъ , и который во истинну противъ Цесаря вышелъ вооруженъ. Скажи Туберонъ , что твой оной обнаженный мечъ на Фарсальскомъ сраженiи дѣлалъ ? въ чье ребро конецъ оный устремлялся ? какое намѣренiе было твоего оружiя ? что ты имѣлъ въ мысли ? что оказывалъ глазами ? руками ? яростiю твоего сердца ? чего желалъ ? чего алкалъ ? Излишно наступаю , смущенной видъ оказываетъ юноша : обращусь къ себѣ : и я былъ въ томъ же оружiи.

Но что мы другое , Туберонъ , дѣлали , какъ не то , чтобъ такое получить могущество , какое сей имѣетъ. Такъ которыхъ помилованїе твоему , Цесарь , милосердїю хвалу приноситъ , тѣхъ самихъ слово къ жестокосердїю поощрять тебя будетъ ? Въ семъ дѣлѣ , Туберонъ , и твоего нѣсколько , а много больше отца твоего требуемаго благоразумїя не вижу : что онъ будучи превосходенъ природою и науками , не могъ видѣть , какое ето дѣло. Ибо есть ли бы видѣлъ , тобъ конечно желалъ , что бъ ты оное производилъ какимъ хотя другимъ , а не таковымъ образомъ. Ты обличаешь вину исповѣдующаго. Сего не довольно. Доносишъ на него въ таковомъ дѣлѣ , которое , какъ я говорю , лучше твоего : или , какъ ты желаешъ , твоему равно.

Но слѣдующее о тебѣ не только дивно , но чудовищу подобно. Доносъ твой на Лигарїя клонится не къ обвиненїю онаго , но къ отнятїю живота : чего до тебя никто изъ Римлянъ не предпрїялъ. Таковые нравы чужды. Ненависть возбуждать даже до пролитїя крови , сродно или малодушнымъ Грекамъ , или жестокосердымъ Варварамъ.

рамъ. Ибо о чемъ ты иномъ стараешся? Чтобъ не былъ онъ въ семъ градѣ? чтобъ лишенъ былъ дому? чтобъ съ дражайшими своими братьями, чтобъ съ Титомъ Брокхомъ дядею своимъ, чтобъ съ сыномъ его, своимъ двоюроднымъ братомъ, и чтобъ съ нами не жилъ? чтобъ не былъ въ отечествѣ? Но въ отечествѣ ли онъ? и можно ли его больше лишить всего того, какъ уже лишенъ. Въ Италіи ему быть запрещено, странствуетъ. Конечно ты его не отечества, котораго онъ отчужденъ, но живота лишить желаешъ.

Но таковаго дѣла и таковымъ образомъ никто не имѣлъ и у того Диктатора, который всѣхъ ненавидимыхъ себѣ казнилъ смертію, который самъ повелѣвалъ убивать, хотя истцовъ не было: не довольно того, награжденіями привлекалъ. Однако сіе онаго безчеловѣчіе, по нѣсколькихъ лѣтахъ, отмстилъ сей самый, котораго ты теперь жестокосердымъ здѣлать стараешся. Ты скажешъ, я того не требую. И я во истинну такого о тебѣ, Туберонъ, мнѣнія; я знаю тебя, знаю отца твоего; знаю вашъ домъ, и знатность онаго: и самыя склонности рода и племени вашего къ добро-

дѣтели , обхожденїю , и знанїя ваши во многихъ искусствахъ и наукахъ, всѣ мнѣ извѣстны.

Я подлинно знаю , что вы не требуете крови. Но безъ разсмотрѣнїя начали вы дѣло. Представленїе ваше являетъ по себѣ , будто бы вы не довольны были наказанїемъ , которое доселѣ терпитъ Лигарїй. И такъ , какая иная можетъ слѣдовать казнь кромѣ смерти ? Ежели уже онъ дѣйствительно въ ссылкѣ , то чего вы больше требуете ? Не того ли чтобъ не былъ помилованъ ? Но сїе несказанно жесточае , и несказанно тягостнѣе. О чемъ мы мольбою , слезами , повергаясь къ ногамъ , на дому умилостивляемъ, не столько надѣясь на безпорочность дѣла , сколько на сего великодушїе ; въ испрошенїи того намъ ты противоборствовать будешъ ? и набѣжишъ на нашъ плачъ ? и намъ лежащимъ въ ногахъ воспрепятствуешъ произносить прозьбы ?

Ежели бы въ то самое время , когда бы мы на дому о семъ дѣлѣ просили , какъ то и учинили , и какъ думаю , не тщетно учинили , ты нечаянно ворвался и кричать началъ : К. Цесарь , не вѣрь , не прощай , не прекло-

клоняйся на мольбы братьевъ за брата приносимыя : не лишился ли бы ты всего человѣчества ? Но сїе коль безчеловѣчнѣе , о чемъ мы просимъ на дому , въ томъ намъ въ судѣ препятствовать , и въ толикомъ многихъ нещастіи затворять прибѣжище милосердїя.

Скажу не обинуясь , К. Цесарь , что въ сердцѣ имѣю. Ежели бы не было толь велико твое милосердїе при семъ толикомъ твоемъ блаженствѣ , до котораго ты самъ собою , самъ собою , говорю , достигъ , (вѣдаю , что вѣщаю) то бы побѣда сїя преисполненна была горьчайшаго рыданїя. Сколь бы многїе нашлись изъ оставшихся при тебѣ побѣдителями , которые бы желали видѣть тебя жестокосердымъ , когда таковы и изъ побѣжденныхъ являются ? Сколь бы много и таковыхъ было , которые бы желая тебя здѣлать не умолимымъ , удерживали твое милосердїе , когда уже и помилованные тобою не хотятъ тебя видѣть къ другимъ милосерда.

Есть ли бы я Цесарю доказать могъ, что Лигарїй въ Африкѣ подлинно не былъ , и есть ли бы той честностью и милосердой неправдою искалъ посо-

бить нещастному гражданину : то бъ и тутъ не достойно человѣка , что бъ въ толикомъ бѣдствіи и злополучіи согражданина опровергать меня , и изобличать во лжѣ. А хотя бы кому и можно , то конечно не тому , который самъ былъ въ одномъ случаѣ и нещастіи. Но иное не желаешь Цесарю быть обмануту , иное милосерду. Ты бы только могъ сказать : Не вѣрь К. Цесарь : Лигарій въ Африкѣ былъ : противъ тебя шелъ съ оружіемъ. А теперь что говоришь ? Не прощай ; котораго слова отъ человѣка , и къ человѣку ожидать не можно. И ежели кто оное предъ тобою , К. Цесарь , употребитъ , то пусть увѣренъ будетъ , что скорѣе самъ лишится человѣчества , нежели оное у тебя исторгнетъ.

Первой Тубероновъ приступъ и требованіе слова сіе , думаю , было : хочу донесть о беззаконіи Квинта Лигарія. Я не сумнѣваюсь , Цесарь , что сіе тебя привело въ удивленіе , или для того что никто другой ни о комъ , или для того что тотъ доноситъ , которой самъ былъ въ томъ же дѣлѣ , или отъ недоумѣнія , какое объявлено будетъ новое беззаконіе. Тубероне , ты без-

беззаконїемъ называешь ? Для чего ? Сего имени оное дѣло по сіе время не имѣло. Иныя называютъ погрѣшностїю ; иныя боязнїю , которые жесточае , шѣ надеждою , жадностїю , ненавистїю , упрямствомъ ; которыя съ вящшею , жестокостїю , шѣ безумїемъ ; беззаконїемъ еще никто кромѣ тебя.

Есть ли бы кто пожелалъ знать о свойственномъ и истинномъ имени сего нашего злоключенїя , то я бы оное назвалъ пагубнымъ рокомъ , потемнѣннымъ человѣческимъ разумомъ овладѣвшимъ : чтобъ никто не удивлялся , что человѣческія совѣты преодолѣны Божескою судьбою. Пусть мы бѣдны , хотя при такомъ побѣдителѣ быть тому не можно : но я говорю не о насъ ; я говорю о убїенныхъ.

Пусть были между нами жадныя , разгнѣванныя и упрямыя. Но имя беззаконїя , ярости и человѣкоубїйства ниже умершему Кн. Помпею , ниже другимъ многимъ не налагается. Кто когда , Цесарь , отъ тебя сіе слышалъ ? Или какое другое намѣреніе было твоего оружїя , какъ не то одно , что бъ отвратить отъ тебя поношеніе ? Что произвесть старалось оное твое непобѣдимое воинство , какъ не то , чтобъ

защитить свое право, и твое достоинство ? Что ? Когда желалъ ты мира, то для чего желалъ, чтобъ съ беззаконными, или чтобъ съ честными гражданами благоденствовать ?

Имѣ бы твои, К. Цесарь, великія ко мнѣ благодѣянія такими во истинну не казались, ежели бы я думалъ, что тобою пощадѣнъ какъ беззаконникъ. И какимъ бы ты образомъ себя прославилъ въ республикѣ, ежели бы толь много беззаконныхъ людей оставилъ при ихъ прежнихъ достоинствахъ? Съ начала починалъ ты оное, Цесарь, не войною, но раздоромъ, и не непріятельскою враждою, но гражданскимъ несогласіемъ, гдѣ обѣ стороны благосостоянія республики желали, но отъ части совѣтами, а отъ части склонностями отъ общей пользы отступили. Начальниковъ достоинство съ обѣихъ сторонъ почти равное было, но послѣдовавшихъ имъ, думаю, не равное. Намѣреніе, которой стороны похвальнѣе, тогда недовѣдомо было. Ибо каждая сторона имѣла нѣчто похвальное, а нынѣ ту безъ сумнѣнія лучшею и справедливѣйшею почесть должно, которой и Боги споспѣшествовали. И когда извѣстно намъ стало твое милосердіе,

дïе , то кто не предпочтетъ тоя побѣды , въ которой никто, кромѣ падшихъ въ сраженïи , живота не лишился.

Но оставивъ общее дѣло, приступимъ къ нашему. Или ты думаешъ, Туберонъ , что удобнѣе было Лигарïю выѣхать изъ Африки , нежели вамъ въ оную не прийти ? Ты скажешъ: Можно ли было противиться , когда повелѣлъ Сенатъ ? Есть ли отъ меня мнѣнïя требуешъ , никакъ не можно. Но и Лигарïй отъ того же Сената посланъ. И онъ въ то время повинулся , когда не обходимо надлежало: вы тогда , когда всякъ , кто хотѣлъ , могъ ослушаться. Такъ думаешъ , что тебя обвиняю! нѣтъ. Ниже сродно было съ вашимъ родомъ, именемъ, племенемъ и наукою. Но сего не дозволяю , чтобъ вы то въ другомъ охуждали , въ чемъ себѣ славы ищете.

Когда Туберону вышелъ изъ Сената жребïй въ его за болѣзнïю отсутствïи, то намѣренъ онъ былъ отрицаться. Сïе мнѣ извѣстно по общему между нами во многомъ союзу. Мы въ одномъ домѣ купно обучались , въ военной службѣ товарищи , по томъ сродственники , на конецъ во всю жизнь други были. И

то

то немалой союзъ, что въ однихъ наукахъ поучались. И такъ мнѣ подлинно извѣстно, что Туберону ѣхать не хотѣлось.

Но нѣкоторые такъ наступали, и такъ священнѣйшее республики имя противополагали, что хотя бы онъ инако размышлялъ, однако самыхъ словъ, которыя почиталъ важными, снесть не могъ; и такъ уступилъ власти преименитаго мужа, или паче реку повинулся. Отправился купно съ его послѣдователями: но медлѣлъ въ пути: и такъ пріѣхалъ въ Африку уже занятую. Отсюду раждается преступленіе Лигарі[illegible]во или паче вражда Туберонова. Ибо есть ли въ томъ какое преступленіе, что онъ желалъ; то не менѣе и ваше, что Африкою, всѣхъ областей крѣпостію, рожденною для всегдашней войны сему граду, овладѣть желали, и то больше, нежели кто другой: но и тотъ другой, не Лигарій. Варъ сказывалъ, что онъ власть имѣетъ. Сноцы, и подлинно имѣлъ. Но какъ бы то ни было, сія ваша, Туберонъ, жалоба сколь важна? мы не впущены въ провинцію. Что? ежели бы впущены были? Цесарю ль бы оную предали, или противу Цесаря удержали.

Виждь,

Видѣ, Цесарь, сколько вольности, или паче дерзновенїя, щедрота твоя вамъ даетъ. Есть ли скажетъ Тубероиъ, что Африку, куда онъ отъ Сената и по жребію посланъ, тебѣбъ отецъ его поручилъ: то не убоюсь предъ тобою самимъ, которому то полезно было, таковое его намѣреніе поругать жесточайшими словами. Ибо хотябъ ты оную его поступку принялъ за приятную, однако не за похвальную. Но я уже все сїе оставляю, не такъ для отвращенїя отъ кроткаго твоего слуха противности, какъ для того, чтобъ не навесть на Туберона подозрѣнїя въ томъ, о чемъ онъ никогда не думалъ. И такъ шли вы въ Африканскую страну, которая одна сей побѣдѣ паче всѣхъ неприязненна: въ которой находился сильной Царь, противникъ въ бывшемъ нашемъ приключенїи, и въ которой были отвращенныя отъ насъ сердца, многочисленныя и тѣсныя сходьбища. Скажи, что бы вы учинили? Но сомнѣнїе мое уже самая ваша поступка разрѣшаетъ. Воспрепятствовано вамъ и ногою вступить въ вашу область: въ чемъ поступлено съ вами тогда и нынѣ весьма неправедно. Какъ вы то снесли? кому объ

оной

оной оказанной вамъ обидѣ принесли жалобу ? то есть тому , къ которому шли въ сообщество войны , будучи приведены его великостїю. Есть ли вы шли въ Африку для Цесаря : то конечнобъ къ нему пошли , когда были изъ оной выгнаны : но вы возвратились къ Помпею. И такъ кая ваша Цесарю жалоба , когда ему на того доносите , на котораго жалуетеся , что воспрепятствовалъ воевать противу Цесаря ? Но я и тѣмъ вамъ славиться , хотя и ложно , есть ли желаете, дозволяю , что вы бъ оную страну противу воли Вара и другихъ Цесарю предали. Яжъ Лїгариево преступленїе въ томъ признаю , что онъ къ полученїю толикой похвалы лишилъ васъ случая.

Послушай, молю , Цесарь , о постоянствѣ почтеннаго мужа Лукїя Туберона , которую добродѣтель хотя я всегда почиталъ и почитаю , однако не упомянулъ бы здѣсь объ ней , есть ли бы изъ устъ твоихъ не слышалъ , что та всѣхъ достохвальнѣе. Въ комъ другомъ примѣчено когда было толикое постоянство ? постоянствомъ называю ? Не знаю , не лучше ли назвать ее терпѣливостїю. Многїе ль бы то учинить по-

пожелали, чтобъ бывъ не принятымъ во время междусобнаго несогласія, и съ жестокостію отверженымъ, паки къ той же сторонѣ возвратиться? Что великаго нѣкоего духа и такого мужа достойно, котораго бы отъ предпріятаго дѣла и положеннаго намѣренія ни какое ругательство, ни какая наглость ни какое бѣдствіе отвратить не сильно было.

Пусть Туберонъ все прочее равное имѣлъ съ Варомъ; но честь его, благородство, слава, природа несравненно больше: сіе во истинну первое, для чего Туберонъ, по опредѣленію Сената съ властію въ страну свою отправился. И когда въ оную не впущенъ, то не къ Цесарю, чтобъ то не казалось быть отъ оскорбленія: не въ домъ, чтобъ не остаться праздно: не въ другую страну, чтобъ не показать тѣмъ раскаянія: въ Македонію къ полкамъ Кнея Помпея возвратился, къ той самой сторонѣ, отъ которой съ обидою отверженъ.

Что? Когда прибытіе ваше никакого не произвело дѣйствія въ сердцѣ Помпеевомъ: съ меньшею, думаю, ревностію поступали? остались при охраненіи одного мѣста? и уже мысли ваши

ши отъ стороны его отвращались? Или мы всѣ, какъ то обыкновенно въ междусобныя брани бываетъ, и то не больше вы, какъ и всѣ прочіе, желанїемъ побѣды одержимы были? Что до меня касается, то я прежде всегда совѣтовалъ примириться: но тогда было поздо: и безумно бы было, видя устроенные къ брани полки, помышлять о примиренїи. Должно сказать, что всѣ мы побѣдить желали: а ты во истинну, всѣхъ больше, когда въ такомъ стоялъ мѣстѣ, гдѣ, есть либъ не побѣдилъ, погибнуть надлежало: хотя теперь не сомнѣваюсь, что при нынѣшнихъ щастливыхъ обстоятельствахъ спасенїе сїе побѣдѣ оной предпочитаешъ.

Я бы о семъ, Туберонъ, умолчалъ, есть либъ, или вы о своемъ постоянствѣ, или Цесарь о своемъ благодѣянїи раскаивался. Теперь вопрошаю, за свои ли обиды, или за общественныя Лигарїя гоните? Когда за общественныя, то что отвѣщевать будете о вашемъ упорствѣ? когда за ваши собственныя, то смотрите, не обманитесь, когда думаете подвигнуть на гнѣвъ Цесаря противу вашихъ непріятелей, который и своихъ простилъ. Такъ ты думаешъ, Цесарь, что я Лигарїево дѣло защищаю. Или

его

его поступку оправдить желаю ? Все, что я ни говорилъ , къ единому твоему человѣколюбію , милости и милосердію клонится.

Я многія судныя защищалъ дѣла ; и то съ тобою , когда ты по чинамъ твоимъ въ судѣ присутствовалъ , однако никогда такъ не говаривалъ : *Прости судіи ; обманулся ; погрѣшилъ ; не думалъ ; естьли впредь* : такъ защищаемъ предъ родителями. А предъ судіями , *не учинилъ ; не помыслилъ : ложные свидѣтели : вымышленное беззаконіе.* Скажи , Цесарь , что ты судія Лигаріеву дѣлу : и вопрошай меня , который городъ защищалъ Лигарій : я молчу ; и таковыхъ представленій не собираю , которыябъ , можетъ быть , и предъ судіею сильны были. Онъ отправился военачальникомъ до брани ; и оставленъ на правленіи въ мирное время ; войною утѣсненъ , не былъ жестокъ , всѣмъ еще сердцемъ къ тебѣ склонялся : симъ образомъ производится дѣло предъ судіями. Но я говорю предъ отцемъ , заблудилъ , безразсудно поступилъ , раскаяваюсь ; къ твоему милосердію прибѣгаю ; прощенія вины прошу. Есть ли онаго никто у тебя не получилъ , то было бы прошеніе мое дерзновенно : а ежели *многіе ;*

то споспѣшествуй тому, которому ты далъ упованіе.

Или Лигарію къ надеждѣ нѣтъ причины, когда мнѣ есть мѣсто къ предстательству за другаго? Правда, Лигаріева надежда не состоитъ въ семъ моемъ словѣ, ниже въ усердіи просителей, пріятелей твоихъ. Видѣлъ я и уразумѣлъ, на что ты больше взираешъ, когда многіе о спасеніи чьемъ трудятся. Тебѣ благопріятнѣе важность представленій, нежели лице просителей: и ниже взираешъ на то, въ какой довѣренности у тебя проситель, какъ въ какой дружбѣ съ тѣмъ, о комъ предстательствуетъ. И такъ ты удѣляешъ своимъ пріятелямъ столько милости, что иногда щастливѣе мнѣ кажутся тѣ, которые у тебя оною наслаждаются, нежели ты самъ, который столько имъ дозволяешъ. Однако со всѣмъ тѣмъ причины предстателей, какъ я уже сказалъ, у тебя важнѣе, нежели прошенія: и тѣ тебя больше въ сожалѣніе приводятъ, въ которыхъ при прошеніи усматриваешъ истинное соболѣзнованіе.

Помиловавъ Квинта Лигарія, ты многимъ угодишъ своимъ пріятелямъ: но прійми то въ разсужденіе, на что обык-

обыкновенно взираешь. Могу тебѣ представить храбрыхъ мужей довольно извѣстныхъ тебѣ Сабинянъ, и весь уѣздъ Сабинской, цвѣтъ Италіи, крѣпость нашей республики. Сіи тебѣ коротко извѣстны. Посмотри на ихъ горесть и печаль. Сего Тита Брокха, о которомъ какого ты мнѣнія не сомнѣваюсь, и сына его слезы, и видъ горестной видишь.

Что скажу о его братьяхъ? Не думай, Цесарь, чтобъ дѣло сіе объ одного главѣ происходило. Должно тебѣ или трехъ Лигаріевъ удержать въ гражданствѣ, или трехъ изъ отечества выгнать. Симъ желательнѣе всякая ссылка нежели отечество, домъ и домашніе боги, когда тотъ одинъ въ ссылкѣ. Ежели они братолюбно, ежели сердечно, и со взаимнымъ сожалѣніемъ между собою поступаютъ: то сжалься на ихъ слезы, сжалься на любовь, сжалься на дружелюбіе. Да будетъ сильно оное твое слово, которымъ ты побѣдилъ: ибо слышали мы твои о насъ рѣчи, что мы всѣхъ тѣхъ почитали противниками, которые не по насъ ноборяли: а ты всѣхъ тѣхъ называлъ своими, которые противу тебя не вооружились. Зриши ли сію славу, весь

сей домъ Брокховъ, сего Лукія Маркія, Каія Кесеція, Лукія Корфидія, всѣхъ сихъ випязей Римскихъ, которые здѣсь въ печальномъ одѣяніи предстоятъ, которые мужи не только тебѣ извѣстны, но и достовѣрны. Всѣ сіи съ тобою были, и на сихъ нашъ гнѣвъ горѣлъ, ихъ мы требовали; и нѣкоторые изъ насъ имъ угрожали. И такъ сохрани твоимъ друзьямъ тѣхъ, которыхъ они называютъ своими: что бы какъ всѣ прочія твои слова, такъ и оное имѣло истинное исполненіе.

Ежели бы ты могъ проникнуть внутрь согласія Лигаріевъ: то бы ты думалъ, что всѣ братья съ тобою были. Кто можетъ помыслить, чтобъ Квинтъ Лигарій, ежели бы былъ въ Италіи, иную принялъ сторону, какъ ту, которую братья его держали? Кто не вѣдаетъ о единомысленномъ и почти единодушномъ согласіи и равенствѣ сіе братство умѣряющемъ? Кто не такого мнѣнія, что все удобнѣе статься могло, нежели чтобъ сіи братья разныя мысли и стороны приняли? И такъ сердцемъ они всѣ съ тобою были: не погодою одинъ отторженъ: который, хотя бы то и умышленно здѣлалъ, однако былъ бы подобенъ своимъ братьямъ, кото-

которыхъ ты оставилъ невредимыми.

Положимъ, что пошелъ бы онъ на брань: и отступилъ бы не только отъ тебя, но и отъ братьевъ: но о семъ тебя сіи твои приятели просятъ. Я по всѣмъ бывшимъ о тебѣ дѣламъ присутствовалъ, и для того помню, какія имѣлъ мысли о тебѣ, и твоемъ достоинствѣ городской Квесторъ Титъ Лигарій. Но сего не довольно, что я одинъ только помню: надѣюсь, что и ты помнишъ, который кромѣ обидъ ничего не забываешъ, какъ то твоему духу, какъ по твоей природѣ приличествено; и когда помышляешъ о другихъ Квесторахъ, то и его на мысль приводишъ.

И такъ сей Титъ Лигарій, который когда о томъ одномъ старался, (ибо сего не предвидѣлъ) чтобъ заслужить у тебя имя усерднаго и честнаго человѣка, теперь тебя смиренно проситъ о животѣ своего брата; котораго животъ, есть ли ты, вспомнивъ услуги сего Тита, для обѣихъ братьевъ сохранишъ, то подаришъ трехъ дружелюбныхъ и честныхъ братьевъ не только самимъ себѣ, не только намъ его пріятелямъ, не только симъ многимъ тремменитымъ мужамъ, но и республикѣ.

Что ты прежде сего въ Сенатѣ

Марку Маркеллу благородному и знатному человѣку оказалъ, то нынѣ окажи предъ народомъ честнымъ и всему собранію сему возлюбленнымъ братьямъ. Какъ онаго уступилъ Сенату, такъ сего уступи народу: котораго желаніе всегда тебѣ приятно было: и ежели ты оной день почитаешь для себя славнымъ, для народа Римскаго вожделѣннымъ, то не оставляй, Каій Цесарь, и всегда искать хвалы подобной оной славѣ. Нѣтъ ничего угоднѣе народу, какъ милость; и нѣтъ ни одной изъ многихъ твоихъ добродѣтелей, которой бы столько удивлялись, и которую бы столько почитали, какъ милосердіе. Человѣкъ ни чемъ такъ Богамъ не уподобляется, какъ соблюденіемъ жизни другаго. Ничего нѣтъ большаго въ твоемъ щастіи, какъ могущество, и ничего лучшаго въ твоей природѣ, какъ хотѣніе сохранить многихъ.

Дѣло сіе, можетъ быть требуетъ пространнѣйшаго слова, но природа твоя кратчайшаго. И такъ почитая за полезнѣе, чтобъ ты самъ съ собою, нежели я, или другой кто, о семъ съ тобою говорилъ, оканчеваю мою рѣчь: лишь только то скажу, что ежели

ты

ты отсутствующему Лигарію даш жизнь, то даш оную всѣмъ здѣ присутствующимъ.

Перевелъ съ Латинскаго Аѳанасій Лобысѣвичъ.

IV.

ПИСЬМО.

Утѣсненная истинна пришла нѣкогда предъ Юпитера, и жалуяся на приказныхъ служителей просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которыя до взятокъ охотники, ради народнаго спокойства. Юпитеръ отрекался, и говорилъ ей, сколько вдовъ и сиротъ останется, и сколько прольется слезъ, сколько нищихъ умножится ходящихъ по миру и просящихъ милостыни. Нѣтъ отвѣчала она, нищихъ будетъ менше; ибо менше грабительства будетъ; или развѣ тебѣ больше угодно, чтобъ невинныхъ людей, ими ограбленныхъ, жены дѣти и они сами слезы проливали и по миру таскались? Сверхъ того рѣдко бываетъ, чтобы по мужней

смерти жена , или по смерти отцовой сынъ или дочь , послѣ приказнова человѣка по миру ходили ; всегда послѣ ихъ имѣнія остается довольно ; развѣ покойникъ чаще бывалъ на кабакѣ нежели въ приказѣ. По долгомъ ея прошеніи согласился на конецъ Юпитеръ ударити громомъ ; но клялся Стиксомъ , что онъ того въ другой разъ не здѣлаетъ ; лутче , говорилъ онъ , ихъ исправлять , нежели истреблять ; и хотя Истинна и увѣряла ево , что удобняе пешиметера удержать отъ нарядовъ , нежели подъячева отовзятокъ ; однако Юпитеръ согласился однажды только громомъ ударить и сказалъ : Хотя бы я и не клялся ; я бы въ другой разъ не здѣлалъ сего , убѣгая покаянія ; беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ и ежели по большеству голосовъ насъ обвинять станутъ ; такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ ; но Политика тебя еще почтеннае ; безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно , а безъ нея ни какъ не возможно. Истинна не имѣла большой нужды усиливать Юпитера о будущихъ послѣ истребленіяхъ , имѣя надежду , что по единственномъ истребленіи приказнаго рода , такова грабительства

уже

уже не будетъ , и была обѣщаніемъ ево довольна. Ударилъ Юпитеръ , повалилися подьячія , и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истинна ; но въ какое смятеніе пришла она , когда увидѣла , что самыя главныя злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты здѣлалъ о Юпитеръ ; главныхъ ты пощадилъ грабителей ! воскричала она. И когда она на нихъ указывала ; Юпитеръ извинялся невѣденіемъ , и говорилъ ей : кто могъ подумать , что ето подьячія ! я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она , отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ , дѣды въ лаптяхъ , а прадѣды босикомъ.

* * * А. С.

V.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДА.

НЕ брегъ ли вижу Иліона ,
Густою пылью покровенъ !

Не гнѣвная ль опять Юнона
Сражаетъ , у Пергамскихъ стѣнъ !
Не Греки , Россы разъяренны ,
Поля Франкфуртски обагренны ,
И дымъ восходитъ до небесъ :
Побѣдъ ПЕТРОВЫХЪ тамо лѣты ,
Россїйскїй тамо Ахиллесъ ,
Со Именемъ ЕЛИСАВЕТЫ.

*

Подобныя ему Герои ,
Примѣру слѣдуютъ сво :
За ними всѣ Россїйски вои ,
И не страшатся ни чево.
Не грозна смерти имъ держава ;
Имъ смерть , Ихъ честь и вѣчна слава ,
И похвала Россіи всей :
Гдѣ тамъ пылаетъ больше пламя ,
Туда въ отважности своей ,
Бѣгутъ , несутъ Россїйско знамя.

*

Враговъ бїютъ и попираютъ ;
Отъ Росска знамени гоня ,
И неподвижны помираютъ ,
Съ оружїемъ среди огня :
Разятъ къ отечеству въ любови ;
Громъ молнїи и токи крови ,
Не могутъ поколебнуть ихъ :
Серца побѣдой ушѣшаютъ ,
Въ Геройскихъ дѣйствїяхъ своихъ,
И смерть безъ горести вкушаютъ.

Тамъ

Тамъ пламенныя вѣтры дуютъ ,
Земля дрожитъ какъ бурный понтъ :
Стихіи тако возбунтуютъ ,
И востревожатъ горизонтъ ,
Когда придетъ ужасно время ,
Окончить земнородныхъ племя ,
И пребыванье существа ,
Когда вся тварь исчезнетъ тлѣнна ,
Погибнетъ сила естества ,
И разрушится вся вселенна.

*

Уже прощивники трепещутъ ,
И мѣста брани не брегутъ ,
Оружіе , знамена мещутъ ,
И въ разныя пути бѣгутъ.
Побѣда возвѣщая свѣту ,
Вездѣ гласитъ ЕЛИСАВЕТУ ,
И слава повторяетъ вѣсть.
О храбрыя Россіи чада ,
Хвала безсмертна , вѣчно честь ,
И вамъ за мужество награда !

* * *

ДИѲИРАМВЪ.

Позволь великій Бахусъ , нынѣ ,
Направити гремящу Лиру ,
И во священномъ мнѣ восторгѣ ,
Тебѣ воспѣть похвальну пѣснь !

*

Внемли вселенная мой гласъ ,

Лѣса дубровы горы рѣки ,
Луга и степь и пучны нивы ,
И шы просшранный ОкеанЪ !

*

Тобой сталЪ новый я Орфей !
ЗбѣгайШеся на гласЪ мой звѣри ,
СлешайШеся ко гласу пшицы ,
СплывайШесь рыбы кЪ верьху водЪ !

*

КрѣпчайШихЪ винЪ горю вЪ жару ,
Во исступленїи пылаю :
ВЪ лучахЪ мой умЪ блисшаешЪ солнца ,
УсугубляЯ силу ихЪ.

*

Прекрасное свѣШило дня ,
ОшЪ огненныя колесницы ,
ВЪ РифейскИ горы мешешЪ искры ,
И расшопляешся мешаллЪ.

*

ТрепешешЪ яросшный ПлушонЪ,
Главу во мракѣ сокрываешЪ :
ИзЪ ада серебро лїешся ,
И золошо оШшоль шечешЪ.

*

Уже сталЪ шаять вѣчный ледЪ ,
СудамЪ дорогу оШверзая :
На сѣверѣ я вижу полдень ,
У колы Флору на лугахЪ.

*

Богини , кою АкШеонЪ ,

УзрѣлЪ

Узрѣлъ нещастливый нагую ,
Любезный братъ ! о сынъ Латоны !
Любовникъ Дафны ! жги ево ръ !

*

А ты о Семелеинъ сынъ ,
Помчи меня къ Каспїйску морю !
Я Волгу обращу къ вершинѣ ,
И утомленный лягу спать !

* * *

ЧАСЪ СМЕРТИ.

О мысли люты !
кончается мое ,
На свѣтѣ , бытїе ,
Преходитъ житїе ,
Пришли послѣднїя минуты ,
Пришелъ ко мнѣ той часъ ,
Который преселяетъ насъ ,
Во мрачну безконечность.
Отверста моему смятенну духу вѣчность :
Погаснутъ данныя мнѣ искры Божества ,
Потухнутъ мысли всѣ и чувство вещества ,
Въ ничто преобращусь на вѣкъ изъ существа.
Престрашною судьбою ,
Разстанусь , на всегда ,
Со свѣтомъ и съ собою :
Засну и не проснуся никогда.
На толь я , Боже мой , произведенъ тобою ,
Чтобъ сей вкусилъ я страхъ ,

И

И претворился въ прахъ!
Щедролюбивая и всемогуща сила,
Не льзя, чтобъ дѣйствїе люттѣйшее сносила;
Востану я опять;
Но, ахъ, возможно ли исчезнуть и востать!
Когда есть Богъ; возможно:
А Богъ конечно есть, мы знаемъ то исложно.

* * *

ХОЗЯЙКА СЪ ПОДНОСОМЪ.

По старинѣ, когда на столъ поставятъ ѣсть,
Хозяюшка сама должна была поднесть,
Для прочищенья глотки,
Гостямъ по чаркѣ водки,
Для лутчей кушать имъ охотки,
А какъ подносъ имъ станетъ подавать
Должна она по томъ гостей поцаловать:
Я моду похвалю такую,
И лишъ одно покритикую:
На пищу то охоты придаетъ;
Хозяйкинъ поцалуй псароматитъ губы,
А водка зубы;
Да естьли ты дурна, хозяюшка, мой свѣтъ,
Такъ водку подноси, какъ кончится обѣдъ.

* * *

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ САМОЛЮБІЕ.

Съ Нарциссомъ ты въ одной судбинѣ;
Такъ будь Нарцисса нынѣ.

Да для чево жъ?
Нарцисъ вить былъ хорошъ,
Горя безумнымъ жаромъ,
А ты дурна:
То даромъ;
Но въ себя не менше влюблена.

* * *

КЪ БАХУСУ.

БАхуса я вижу зла.
Разъяренну пьяну мертву,
Принесу ему на жертву,
Я козла:
Чувствую ево я грозу,
Поднялъ сѣчь меня виноградну лозу:
Естьли жъ хочетъ онъ, дамъ ему и козу.

* * *

СТОЛПЫ ТОРЖЕСТВЕННЫХЪ ВОРОТЪ.

ПРостойте твердо, многи лѣта,
Столпы торжественныхъ и славныхъ тѣхъ воротъ
Въ которы входитъ смертныхъ родъ,
Во всѣ четыре части свѣта!

* * *

ДИКОВИНКА.

Какой диковинки я въ вѣкъ не ожидалъ ;
Такую случай мнѣ увидѣть нынѣ далъ :
Я шелъ задумавшись ; разбились мысли стукомъ ;
Но что увидѣлъ я ! подьячій ѣдетъ цукомъ.
Я руки къ небу взвелъ ; и закричалъ тогда :
О Солнце , ты весь міръ издревле обтекаешъ.
И взоръ на землю всю, вседневно, ниспускаешъ!
Такое зрѣлище видало ль ты когда ?
Съ досады я , по томъ , едва сыскалъ дорогу ;
Ворча , управилъ бы я васъ ; да то бѣда ,
Бодливому быку судьба не ставитъ рогу.

А. С.

* * *

Оглавленіе.

Стран.

I. Слово похвальное о Государѣ Императорѣ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. - - 579
II. Еклоги. - - - - - - - - - 592
III. Слово М. Туллія Цицерона за Кв. Лигарія къ Каію Цесарю. - - - - 605
IV. Письмо. - - - - - - - - - 631
V. Разныя Стихотворенія. - - - 633

)o(

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Ноябрь 1759 года.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

КНИГИ ПЕРВОЙ

САТИРА I.

По какой причинѣ, Меценатъ, никто тою частію доволенъ не бываетъ, которую онъ либо самъ себѣ по своему разсужденію избралъ, либо судьба ему опредѣлила? для чего всякъ другихъ щастливѣе себя почитаетъ? О коль благополучны купцы! говоритъ воинъ лѣтами отягченный, у котораго уже всѣ члены отъ многаго труда разслабѣли. Напротивъ того купецъ полуденными вѣтрами носимый по морю: Военная служба лучше. Ибо что? сражаются: во мгновеніи ока или скорая тебя смерть постигнетъ, или радостную одержишъ побѣду. Искусный въ правѣ и законахъ, когда въ куроглашеніе требующіе его совѣтовъ въ двери

стучатся , хвалитъ земледѣльца. А сей , давъ поруки , изъ села во градъ влекомый , вопїетъ : Одни градскїе жители благополучны. Прочихъ симъ подобныхъ жалобъ толь много , что исчисленїе оныхъ можетъ утомить и говорливаго Фабія. Но чтобъ тебя не задержать, послушай, къ чему моя рѣчь клонится. Есть ли бы какой богъ сказалъ : Я ваши желанїя исполню ; ты , воинъ, будь купцемъ , а ты , стряпчїй, селяниномъ. Вы отъ сюда , а вы отъ туда, получивъ перемѣну своихъ состоянїй , отходите. Ну ! что медлите ? Нѣтъ ; не захотятъ. Вить имъ дозволяется быть благополучными ? Льзя ли чтобъ по справедливости Юпитеръ на нихъ не вспылалъ , и объ щеки надувъ , не сказалъ бы , что онъ впредь уже не будетъ такъ милостивъ , что бы къ прошенїю ихъ приклонялъ ухо. Въ прочемъ что бы мнѣ сего, какъ будто шуткомъ смѣхомъ не представлять ; хотя и въ смѣхѣ говорить правду что препятствуетъ ? Такъ какъ ласковые учители рабятамъ даютъ пирожки , что бы скорѣе азбуку выучили. Однако мы оставивъ шутки , станемъ дѣло говорить. Тотъ кто твердую землю тяжкимъ разсѣкаетъ раломъ, и сей обма-

маномъ живущій корчемникъ, также воинъ и пловцы дерзостно всѣ моря обтекающіе говорятъ, что они съ тѣмъ намѣреніемъ трудъ сей претерпѣваютъ, что бы пріобрѣвъ себѣ довольное пропитаніе, въ старости дни свои спокойно и безпечально провождать могли; и представляютъ въ примѣръ маленькаго многотруднаго муравья, который ртомъ своимъ все, что можетъ волочетъ, и въ собираемую кучу кладетъ, разсуждая и промышляя о будущемъ. Но лишъ только водолей подастъ печальный видъ къ концу обратившемуся году, то уже онъ ни куды не выпалзываетъ, и благоразумно пользуется тѣмъ, что прежде собралъ: а тебя ни чрезмѣрный жаръ, ни зима, ни огонь, ни море, ни оружіе отъ корысти отвратить не могутъ; всѣ бѣды презираешъ, лишъ бы только тебя никто богатѣе не былъ. Что пользуетъ; когда въ вырытой тайно землѣ со страхомъ погребешъ несмѣтное множество серебра и золота? А ежели оное розочнешъ сойдетъ на бѣдной пѣнязь. Но есть ли того не будетъ, что ушѣхи въ собранной кучѣ? Хотя бы на твоемъ гумнѣ по сту тысячъ мѣръ хлѣба молотили; однако

твое чрево не болѣе вмѣститъ моего. Такъ какъ будучи слугою, ежели бы ты мѣшокъ съ хлѣбами своего хозяина на плечахъ несъ, не больше получишъ какъ тотъ, который не несъ ни чего. Или что разности живущему въ предѣлахъ естества взорать сто четвертей земли или тысячу? Но приятно изъ великой кучи брать. Когда намъ изъ малой столько же брать можно, то для чего ты свои житницы предпочитать будешъ нашимъ кошамъ. Такъ какъ есть либы тебѣ стаканъ или крушка воды надобны были, и ты бы сказалъ, я лучше изъ большой рѣки нежели изъ сего малаго источника столько же почерпнуть хочу. Изъ чего бываетъ, что ежели кто изобилїемъ больше потребнаго насладиться желаетъ, тѣхъ быстрый Авфидъ оторвавъ купно со брегами уноситъ. А кто столько требуетъ, сколько надобно, тотъ ни мутной съ иломъ воды не черпаетъ, ни жизни въ водахъ не лишается. Но большая часть людей ложнымъ желанїемъ прелщенныхъ говорятъ, все не довольно, для того что столько тебя почитаютъ, сколько имѣешъ. Что съ такимъ дѣлать? пускай по своей охотѣ будетъ бѣденъ, по елику онъ самъ то дѣлаетъ. Какъ

раска-

расказываютъ о нѣкоторомъ богатомъ и чрезмѣрно скупомъ человѣкѣ въ Аѳинахъ, который народную молву сбыкновенно презиралъ тако: Народъ меня просвистываетъ, а я дома самъ себѣ въ ладоши бью, когда на деньги въ сундукахъ смотрю. Жаждущій Танталъ убѣгающія отъ устъ его ловитъ воды. Чему смѣешся? Подъ премѣненнымъ именемъ о тебѣ баснь говорится. Ты на собранныхъ отвсюды въ кучу мѣшкахъ спишъ, дрожа отъ жадности, и принуждаешъ себя щадѣть оныя какъ будто священныя вещи, и веселишся какъ живописными картинами. Не знаешъ куды годится, и на что употребляется деньга? Купить хлѣба, зелени, стклянницу вина, и все то, безъ чего человѣческое естество унываетъ. Или тебѣ приятно едва живу отъ страха, всегда и днемъ и ночью бодрствовать, бояться злыхъ воровъ и пожаровъ, слугъ, чтобъ обокравъ тебя не збѣжали? Сихъ благъ всегда бы я желалъ вовсе лишеннымъ быть. А есть ли тѣло твое лихорадкою страждетъ, или другая какая болѣзнь на одръ тебя повергнетъ, такъ есть кому при тебѣ сидѣть, припарки дѣлать, врача просить, что бы тебя исцѣлилъ,

и возвратилъ твоимъ дѣтямъ и любезнымъ родственникамъ. Ни жена, ни сынъ, не желаютъ тебѣ здравія, всѣ сосѣды ненавидятъ, знакомые, рабы и рабыни. Дивишся, когда ты сребро всему предпочитаешъ, что никто тебѣ не оказываетъ любви, которой ты не достоинъ? Но ежели ты у родственниковъ, которыхъ отъ естества безъ всякаго твоего труда имѣешъ, любви не потерять и друзей удержать хочешъ; то напрасно ты, нещастный, о семъ стараешся, не инако какъ тотъ, которой бы училъ осла бѣгать на полѣ и повиноваться правленію узды. Здѣлай когда нибудь конецъ стяжанію, и чѣмъ болѣе имѣешъ, тѣмъ меньше нищеты бойся; и начни окончевать бѣдствія, приобрѣвъ желанное, и не дѣлай такъ, какъ нѣкто Умидій: баснь не долга: толь богатой, что деньги свои мѣрялъ, который такъ былъ скупъ, что никогда лучше раба одѣтъ не бывалъ, и до конца жизни боялся, что бы съ голоду не умереть, но освобожденная раба храбростію Тиндаровыхъ дочерей превосшедшая по поламъ его секирою разрубила. Чтожъ, ты мнѣ совѣтуешъ жить такъ какъ Менній, или какъ Номентанъ? Ты двѣ вовсе между собою

бою противныя вещи совокупити тщишся. Когда я тебѣ запрещаю быть скупымъ, то не повелѣваю быть мотомъ и бездѣльникомъ. Есть разнствїе между Танаидомъ и Виселлїевымъ тестемъ. Есть мѣра во всемъ, и всему извѣстны предѣлы, за которыми ни на сей ни на той сторонѣ справедливости быть не можно. Но уже туда, отъ куда отошелъ, обращаюсь. Ни кто ли, какъ скупой, собою не будетъ доволенъ, и только лишь другихъ станетъ щастливѣе себя почитать и чахнуть, видя у чужой козы сосцы полнѣе нежели у своей? Не сравнитъ ли себя съ большимъ числомъ людей, которые бѣднѣе его, и только будетъ стараться, какъ бы то того то другаго превзойти? Такъ стремясь ко стяжанїямъ видитъ онъ всегда впереди другихъ богатѣе себя. Такъ когда кони на рыстанїяхъ пущенныя изъ ограды мчатъ колесницы, возница пщится обѣхать бѣгущихъ въ переди, а оставшагося на зади, котораго онъ минулъ, презираетъ. Для того мы рѣдко кого находимъ, который бы сказалъ, что онъ жилъ благополучно, и который бы окончивъ время жизни, отходилъ изъ свѣта такъ доволенъ какъ насы-

щенный гостъ изъ пира. Полно: что бы ты не подумалъ, что я обокралъ кипы писемъ Криспина Липпа; не скажу больше ни слова.

Переводилъ съ Лашинскаго Филиппъ Геннингеръ.

II.

СКИЛЛА

ИЛИ

БЕЗБОЖНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО,

изъ VIII книги Овидіевыхъ превращеній.

МИной прежде вступленія съ воинствомъ въ Аѳинскую область разорялъ Лелегейскіе брега, и испытывалъ своего Маворта силы при Алкаѳоевомъ городѣ, въ которомъ царствовалъ Нисъ украшенный почтенною сѣдиною. На самомъ верьху главы имѣлъ онъ отличный отъ прочихъ червленнымъ цвѣтомъ волосъ, отъ котораго вся надежда великаго царства зависѣла. Въ шестый уже разъ ока-

оказывались рога восходящей луны , а щастїе войны еще было въ равновѣсїи , и побѣда долгое время на срединѣ между обѣихъ сторонъ сомнительными лѣтала крильями. Царская башня была сооружена во гласныхъ стѣнахъ , на которыхъ Латовинъ сынъ , говорятъ , полагалъ позлащенную свою лиру ; голосъ ея остался въ камнѣ. Часто туда всходила Нисова дочь , и маленькимъ кремешкомъ ударяла въ звенящій камень, когда еще былъ миръ : и во время войны часто она оттуда смотрѣла на сраженїя жестокаго Маворта. И уже по причинѣ долговременной сей войны извѣстны ей были и имена непріятельскихъ полководцевъ , также и оружїе ихъ и кони и платье и Кидонїйскїе колчаны. Лучше всѣхъ знала она лице происшедшаго отъ Европы вождя , и больше , нежели знать ей надлежало , По мнѣнїю ея Миной , когда было шишакомъ перьями украшеннымъ покроетъ главу , былъ красивъ во шлемѣ , или когда блистающій златомъ возметъ щитъ , то и щитъ ему носить приличествовало , когда напряженными мышцами бросалъ копье , то дѣва похваляла присовокупленное къ силамъ искуство , когда наложивъ стрѣлу широкій

кій лукъ натягивалъ , то клялась , что такъ только Фивъ стрѣляетъ изъ лука. А когда было снявъ шлемъ , лицемъ обнаженнымъ , самъ прекраснъ , бѣлаго коня хребетъ покрытой златотканными одеждами угнѣтаетъ , и пѣнящїяся уста управляетъ уздою ; тогда Нисова дочь едва своя была , едва здраваго разсужденїя причастна. Благополучнымъ называла то копье , которому онъ прикасался ; благополучною узду ту именовала , которую онъ держалъ въ рукахъ. Приходило ей на мысль , ежели бы только было дозволено , дѣвическїя стопы направить въ непріятельское полчище ; на мысль ей приходило , съ высокихъ башенъ броситься въ Гносійскій станъ ; или желѣзными затворами укрѣпленныя градскїя врата отпереть непріятелю ; или ежелибы чего нибудь другаго пожелалъ Миной. И какъ сидѣла смотря на бѣлый Диктейскаго Царя шатеръ , начала говорить такъ. Радоваться ли мнѣ , или печалиться о многоплачевной войнѣ , сомнѣваюсь. Скорблю о томъ , что Миной непріятель любящей его : но когда бы не было войны , возможно ли , чтобъ я его знала ? Однако естьли бы меня ему отдали въ залогъ , то можетъ

быть

быть онъ пересталъ бы воевать съ нами: имѣлъ бы онъ меня, какъ залогъ мира всегда съ собою. Ежели родившая тебя, прекраснѣйшій, была такова, каковъ ты самъ, то достойна она была любимою быть богомъ. Треблаженна была бы я въ свѣтѣ, естьли бы я пресѣкая воздухъ крильями, могла прилетѣть въ станъ царя Гносійскаго. Объявила бы я ему о себѣ, исповѣдала бы пламень любви моей, и вопросила бы, какихъ онъ брачныхъ даровъ за мною требуетъ. Ахъ, когда бы только онъ не требовалъ отеческаго замка! Пускай прежде погибнетъ вожделѣнный мною одръ его, нежели чтобы я предательствомъ на оный взошла. Хотя часто кроткаго побѣдителя милосердіе многимъ побѣду здѣлало полезною. Справедливую по истиннѣ имѣетъ онъ противу насъ войну за убіеніе сына своего; и дѣло его праведно; и кажется, что споспѣшествующимъ праведному его начатію войны оружіемъ мы будемъ побѣждены. И естьли такая судьбина граду нашему предопредѣлена, то для чего отворитъ ему сіи стѣны его Маворъ, а не любовь наша? Лучше онъ можетъ побѣдить безъ убійства, безъ дальняго продолженія времени, и безъ про-

пролитїя своей крови. Ахъ , какъ я страшусь , что бы кто тебя , Миной, въ грудь не уязвилъ не нарочно ! Ибо кто такъ будетъ жестокъ , который бы свирѣпое свое дерзнулъ направить въ тебя копье , развѣ въ невѣденїи ? Намѣренїе мое похвально : непремѣнно отдамъ я ему съ собою въ даръ и отечество , и окончу кровопролитную войну. Однако хотѣнїя не довольно. Всѣ исходы заняты стражею , и отъ градскихъ вратъ ключи хранитъ отецъ. Сего я одного бѣдная боюсь : одинъ онъ въ желанїи моемъ мнѣ препятствуетъ. Дали бы боги , чтобъ я была безъ отца. Всякъ себѣ во истинну бываетъ богомъ: моленїямъ нерадивымъ противится щастїе. Другая разженная толикимъ Кунидоновымъ пламенемъ давно бы уже всѣми силами старалась преодолѣть все, что препятствуетъ любви. Для чегожъ бы другая была храбрѣе меня ? Пошла бы и я сквозь огнь и чрезъ мечи. Однако въ семъ дѣлѣ ни огней ни мечей не надобно : надобенъ мнѣ волосъ отцовъ. Тотъ червленный волосъ драгоцѣннѣе мнѣ злата : онъ меня здѣлаетъ щастливою , онъ желанїе мое исполнитъ. Въ сихъ ее рѣчахъ постигла ночь , великая сердечныхъ печалей пита-

тательница. Темнота прибавила ей смѣлости. Первымъ сномъ были объяты дневными попеченіями утомленные люди, когда она тихонько въ отеческую вошла спальню; и роковой дочь у отца своего отрѣзала волосъ; и получивъ безбожную добычу, вынесла съ собою корысть своего злодѣянія; и вышедши изъ градскихъ воротъ, сквозь непріятельскіе полки: столько она надѣялась на свою заслугу: пришла къ Царю, которому ужасомъ одержимому такъ говорила: Любовь меня ввела въ беззаконіе. Я дочь Царя Ниса, Скилла, отдаю тебѣ во власть и моихъ домашнихъ и отечества моего Боговъ. Награжденія за то не требую ни какого, кромѣ самого тебя. Въ залогъ моей любви прійми сей червленный волосъ, и вѣрь, что не волосъ я тебѣ вручаю, но отцову голову. Промолвивъ сіи слова, изъ рукъ своихъ беззаконныя дары подавала, но Миной отъ подаваемыхъ отвратился, и смущенный новаго злодѣянія воображеніемъ отвѣтствовалъ. Боги да изринутъ тебя, о безчестіе нашего вѣка, изъ обладаемаго ими свѣта. Ни земля ни море тебя да не приметъ. Я конечно никогда не здѣлаю, что бы Юпитера въ пеленахъ питавшій

шій Критъ, надъ которымъ я владычествую, толикаго чудовища осквернень былъ прикосновеніемъ. По семъ праведный сей законодавецъ давъ плѣненнымъ непріятелямъ законы, приказалъ флоту якори извлечь, и веслами отъ береговъ отгребаться. Скилла увидѣвъ на морѣ уже пловущіе корабли, лишенная ожидаемой за беззаконіе свое награды, отъ суетной прозбы къ жестокому преходитъ гнѣву; и растрепавъ въ бѣшенствѣ волосы, ломая руки, вопитъ. Куды бѣжишъ, оставивъ ту, которая тебѣ толикія здѣлала благодѣянія, о предпочтенный моему отечеству, и моему предпочтенный отцу. Куды бѣжишъ, безчеловѣчный? Побѣда твоя, мое и беззаконіе и благодѣяніе. Не взираешъ ты ни на данные мною тебѣ дары, ни на любовь мою къ тебѣ; ниже на то, что я всю мою надежду на одного тебя положила. Куды мнѣ оставленной обратиться? Въ отечество? Но оно уже лежитъ поверженно. А хотя бы и невредимо стояло, то за предательство мое мнѣ заключено. Предъ лице ли отцово? Но я онымъ тебя подарила. Сограждане мои по справедливости меня ненавидятъ; окрестные жители примѣра

мѣра моего страшатся. Заградила я себѣ сама входъ во всѣ части свѣта для того тюлько, что бы мнѣ въ Критъ войти было можно. Ежели ты меня и туды не впускаешъ, ежели ты, неблагодарный, оставляешъ меня, то не Европа мать твоя, но либо непроходимая и неприступная Сирта, или Арменская Тигрида, или южнымъ возмущенная вѣтромъ Харивда. Не Юпитеръ твой отецъ; и мать твоя не прельщена прекраснымъ видомъ мнимаго быка. Ложное то рода вашего происхожденіе. Буйй и ни какою юницею не распаленный былъ тотъ быкъ, который тебя родилъ. Нисъ отецъ, наказывай меня. Не давно преданный мною градъ радуйся о моихъ нещастіяхъ. Признаваю, что я сіе заслужила и достойна погибнуть. Однако пускай бы меня кто нибудъ умертвилъ изъ тѣхъ, коихъ я безбожная озлобила. Для чего ты, беззаконіемъ моимъ побѣдившій, отомщеваешъ мнѣ за беззаконіе. Сіе злодѣяніе отцу и отечеству учиненное ты благодѣяніемъ почитать долженъ. Тебя по истиннѣ достойна та супруга, которая склонила звѣрообразнаго быка обманчивымъ нравомъ ко прелюбодѣянію, и разновидный плодъ во чревѣ носила.

Доходятъ ли мои рѣчи къ ушамъ твоимъ ; или вѣтры уносятъ тщетныя мои слова, купно и твои, неблагодарный , корабли ? Не дивно , что Пасифая предпочла тебѣ быка : ты больше въ себѣ имѣлъ свирѣпости. Ахъ , безщастна я ! спѣшить должно : уже сѣкомая веслами вода шумитъ. Со мною вмѣстѣ , увы , и земля моя удаляется. Напрасно бѣжишъ , въ конецъ забывъ мои услуги ; я противу воли твоей пойду за тобою въ слѣдъ , и ухватясь за искривленную корму по пространному влекома буду морю. Едва сіе выговоривъ , скочила въ воду , и спутницею Гносійскаго корабля была ненависть возбуждающею. Что увидѣвъ отецъ , который уже тогда леталъ по воздуху, превратясь недавно въ морскаго орла желтовидныя крилья имѣющаго , хотѣлъ ее терзать кривымъ носомъ , но она отъ страха пустила корму. Показалось , что легкій воздухъ падающую ее поддержалъ , чтобы не прикоснулась къ водѣ ; а то были перья. Перьями превращена въ птицу ; называется Кира , и имя сіе получила отъ стриженаго волоса.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

III.

III.

ПУБЛІЯ ОВИДІЯ НАСОНА

ЕЛЕГІИ

изъ перьвой книги Печалей.

ЕЛЕГІЯ II.

БОги моря и небесъ! (ибо что уже мнѣ кромѣ молитвъ осталось?) не допустите развалиться частямъ корабля волнами поврежденнаго, и не соглашайтеся, молю, на гнѣвъ великаго Кесаря. Часто, когда одинъ богъ утѣсняетъ, другой подаетъ помощь. Вулканъ ополчался противу Трои, а Аполлонъ за Трою стоялъ. Венера была Тевкрамъ доброжелательна, а Паллада на нихъ враждовала. Ненавидѣла Сатурнова дочь, будучи Турну милостива, Енея; однако онъ подъ защищеніемъ Венериным безопасенъ пребывалъ. Часто жестокой Нептунъ на осторожнаго нападалъ Улисса, но не одно-

кратно его Минерва отъ своего дядй избавляла. И хотя я себя съ ними не равняю, однако что препятствуетъ; что бы и при мнѣ неприсутствовало какое нибудь божество, когда на меня одинъ изъ боговъ прогнѣвался? Во тще я бѣдный погубляю безплодныя слова: свирѣпыя воды забрызгиваютъ уста мои сіе вѣщающія, и ужасный полуденный вѣтръ развѣваетъ мои рѣчи; и молитвамъ моимъ возбраняетъ летѣть къ тѣмъ богамъ, къ которымъ я оныя возсылаю. И такъ тѣже вѣтры, чтобъ мнѣ не въ одномъ страдать, невѣдомо куда и парусы и моленія мои несутъ. Ахъ бѣдной я! Коликія горы водъ валятся! почти уже до высоты звѣздъ досязаютъ. Коликія въ разступившемся морѣ являются долины! почти уже темнаго Тартара касаются. Куда ни посмотришъ, нѣтъ ничего, кромѣ моря и воздуха; одно волнами надменно, другой грозенъ облаками. Между обоими шумятъ въ ужасныхъ вихряхъ вѣтры; морскіе валы не вѣдаютъ, которому повиноваться господину. Ибо то отъ багряновиднаго востока Евръ усиливается, то Зефиръ отъ вечернихъ странъ исходящій дышетъ; иногда хладный Борей отъ не погружающихся

въ

въ морѣ небесныхъ медвѣдицъ свирѣпствуетъ, иногда сражается съ нимъ Нотъ противу устремленными силами. Незнаетъ кормщикъ, что дѣлать: невѣдаетъ, чего беречься, и за что приняться: самое искуство въ сомнительныхъ бѣдствіяхъ приходитъ въ изумленіе. Конечно погибаемъ! и нѣтъ, кромѣ суетной, надежды спасенія: и когда я сіе говорю, лице мое заливаютъ волны: угасятъ сію душу волны: и всуе молящимися устами умерщвляющую проглощу воду. А любезная моя супруга ни о чемъ другомъ, какъ только о ссылкѣ моей соболѣзнуетъ. О сей одной моей бѣдѣ вѣдаетъ она и воздыхаетъ. Не вѣдаетъ что тѣло мое по пространному носится морю, не вѣдаетъ, что оно гонимо вѣтрами, не вѣдаетъ, что мнѣ приближается кончина. Слава богу, что я не дозволилъ ей со мною на корабль взойти. А то бы по истиннѣ мнѣ бѣдному дважды смерть претерпѣть надлежало. Нынѣ, хотя я и умру, но для того что она въ безопасности пребываетъ, то половина жизни моей всеконечно останется еще на землѣ. Увы! коль скорымъ освѣтились облака пламенемъ! коликой на воздухѣ услышали мы трескъ! И не мен-

шею силою волны бьютъ корабль, какъ тяжкое бремя тарановъ градскія ударяетъ стѣны. Сія находящая волна превоеходитъ всѣ волны : она идетъ послѣ девятой , а прежде одиннадцатой. Я смерти не боюсь : но смерть сія бѣдна. Не дайте мнѣ утонуть ; смерть мнѣ будетъ вмѣсто дара. Есть въ томъ нѣкоторое удовольствіе , или своею смертію умирающему, или падающему мечемъ, лишающееся чувствъ тѣло положить на твердой землѣ. Не малая отрада надѣяться погребенія завѣщаннаго своимъ родственникамъ , и не быть въ пищу рыбамъ морскимъ. Представьте себѣ , что я такой смерти досгоинъ : но я не одинъ здѣсь плыву. Почто и не повинныхъ казнь моя постигаетъ ? О вышніе ; и вы , лазоревые боги , коимъ моря подвластны : оба собора , престаньте уже грозить ; и котораго живота гнѣвъ кротчайшаго Кесаря у меня не отнялъ , дозвольте мнѣ безщастному оной довезть до опредѣленнаго мѣста. Ежели вы на меня хотите наложить заслуженную мною казнь ; то по разсужденію самаго его , вина моя смерти недостойна. Ежели бы Кесарь похотѣлъ низвергнуть меня въ Стигійскія воды ,

не

не требовалъ бы въ томъ вашей помощи. Власть его пролить мою кровь не здѣлаетъ его ненавистнымъ. И что онъ мнѣ даровалъ, самъ, когда восхощетъ, отъиметъ. Вы только боги, никакимъ моимъ беззаконіемъ не раздраженные, будьте довольны моими бѣдами. Однако хотя бы вы всѣ бѣднаго сохранить восхотѣли, то уже погибшій человѣкъ спасеннымъ быть не можетъ. Хотя бы утихло море, хотя бы мнѣ вѣяли способные вѣтры; хотя бы вы мнѣ простили, не буду ли я тѣмъ въ ссылкѣ? Не плыву я по пространному морю, имѣя не насытное желаніе ко пріобрѣтенію безмѣрнаго богатства замѣною товаровъ: не ѣду я, куда прежде ѣздилъ, учиться въ Аѳины, ни въ Асійскіе города, ни въ тѣ мѣста, гдѣ я прежде бывалъ: и не для того, что бы прибывъ въ славной Александровъ градъ видѣть твои, роскошный Нилъ, увеселенія. На что я способные призываю вѣтры; кто можетъ повѣрить? Сарматская та страна, въ которую пріѣхать желаю. Обѣты творю, что бы пристать къ дикимъ берегамъ свирѣпаго Понта: и приношу жалобы, что я такъ медлѣнно въ ссылку ѣду изъ отечества. И чтобъ

увидѣть невѣдомо гдѣ въ мирѣ обитающихъ Томитовъ, сокращаю сей путь моими мольбами. Ежели вы меня любите, укротите толикія волны; и покажите надъ нашимъ кораблемъ свое благоутробіе: а есть ли паче ненавидите, допустите приплыть мнѣ къ опредѣленной странѣ, которую я за часть моей казни почитаю. Жестокіе вѣтры, что мнѣ здѣсь дѣлать? несите мои парусы. За чѣмъ мои парусы въ виду Авсонскихъ предѣловъ? Не угодно сіе Кесарю. На что вы того удерживаете, котораго онъ изгоняетъ? Пускай узритъ Понтійская страна лице мое. Сіе и онъ повелѣваетъ, и я то заслужилъ; и почитаю за не праведное и беззаконное дѣло приносить оправданіе въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя онъ меня осудилъ. Но ежели человѣческія дѣла всегда богамъ извѣстны, то вы сами вѣдаете, что вина моя беззаконію не причастна. И во истинну такъ. Вы то вѣдаете. Ежели я погрѣшностію въ сію вину впалъ, и намѣреніе мое безразсудно, а не беззаконно было; ежели я хотя изъ послѣднихъ тому дому доброхотствовалъ; ежели я Августовы повелѣнія довольно свято хранилъ; ежели я го-

во-

ворилъ, что при его владѣніи благополучный вѣкъ; и какъ за Кесаря, такъ и за весь его домъ богамъ кадило приносилъ; ежели я сіе имѣлъ въ сердцѣ; такъ пощадите меня боги; а естьли нѣтъ, то да пожретъ меня глубина морская. Не мечту ли я зрю? или начинаютъ исчезать обремененныя облака? и укрощенный гнѣвъ премѣнившагося гибнетъ моря? Не случай, но вы, обѣтами призванные сердцевѣдцы боги, сію мнѣ подаете помощь.

ЕЛЕГІЯ III.

Когда мнѣ на мысль приходитъ печальнѣйшій образъ той ночи, которая мнѣ послѣднимъ временемъ была во Градѣ; когда воспоминаю ту ночь, въ которую я столько утѣхъ моихъ оставилъ; то и теперь еще изъ очей моихъ капли слезъ катятся. Наступалъ уже тотъ день, въ которой Кесарь велѣлъ мнѣ выѣхать за послѣдніе Авсонскіе предѣлы. Ни способныхъ мыслей, ни довольнаго времени не было ко приуготовленію. Сердце мое было каменно долгое время. Не имѣлъ я попеченія ни о избраніи рабовъ, ни спутника, ни приличной изгнанцу одежды, ни припа-

совѣ. Не инако я омертвѣлъ, какъ пораженный Юпитеровыми огнями; которой живъ, однако о жизни своей самъ не знаетъ. Но какъ сїе изступленїе ума самая печаль истребила, и на конецъ чувства мои получили прежнюю силу; то въ послѣднїе отходя началъ я говорить съ прискорбными друзьями, изъ которыхъ множества одинъ только или два были. Супруга горя ко мнѣ искреннею любовїю, плачущаго меня держала, сама рыдая горестнѣе, и дождемъ слезъ не повинное свое лице омывая. Дочь моя была далече отъ меня въ Ливїйскихъ странахъ, и не могла вѣдать о моей судьбинѣ. Куда ни поглядишь, плачъ и воздыханїя раздавались: и видъ внутри былъ зримъ истиннаго погребенїя. Женскїй и мужескїй полъ и малые отроки скорбѣли о моемъ погребенїи: и не было въ домѣ мѣста, гдѣ бы слезы не проливались. Ежели можно въ маломъ великїе употребить примѣры; таковъ былъ видъ Трои при расхищенїи ея. И уже гласы людей и псовъ умолкли; и луна ноцными коньми на высотѣ управляла. На оную я взирая, и посредствомъ свѣта ея видя Капитолїю, во тще смежную съ моими Ларами, сказалъ: Боги

въ сосѣдственныхъ обителяхъ живущїе, и храмы, которыхъ больше глаза мои зрѣть не будутъ, и прочїя мною оставляемыя божества въ высокомъ градѣ Квирина пребывающїя, примите отъ меня послѣднее сїе поклоненїе. И хотя я уязвленъ, поздо щитъ приемлю, однако изгнанїе сїе избавьте отъ ненависти; и богоподобному скажите мужу, какимъ заблужденїемъ я претнулся, чтобъ онъ вины не почелъ беззаконїемъ, и что вы вѣдаете, зналъ бы то и виновникъ моей казни. Умилостививъ бога, не могу я быть бѣднымъ. Столько молитвъ проливалъ я предъ вышними; а жена моя больше. Тяжкїя дыханїя слова ея пресѣкали. Она съ растрепанными волосами ницъ падши предъ Ларами, трепещущими устами угасшїе лобызала жертвенники, и на отвращившихся домашнихъ боговъ многїя произнесла рѣчи немогущїя оплаканному пособить мужу. И уже стремящаяся къ Западу нощь болѣе мнѣ медлить не дозволяла, и Парразїйская медвѣдица отъ своей оси отвратилась. Что мнѣ было дѣлать? Любовь дражайшаго отечества меня удерживала: но оная ночь была послѣднею моему отшествїю. Ахъ! сколько разъ я говорилъ по-

побуждающему: Что нудишь? Смотри куда спѣшишь, или отъ куду? Ахъ! сколько разъ перемѣнялъ я часъ опредѣленный къ предлежащему мнѣ пути. Трожды я ступалъ на порогъ, трожды возвращался; и сами ноги угождая мыслямъ были косны. Часто я сказавъ, прости; опять говорилъ много; и будто отходя, послѣднее давалъ цѣлованїе. Часто повторялъ одни повелѣнїя, и самъ забывалъ оныя, возрѣвъ на любезнѣйшихъ моихъ. На конецъ сказалъ я, что спѣшу? Скиѳская та страна, въ которую посылаютъ: Римъ долженъ я оставить: для обѣихъ причинъ медлѣнїе справедливо. Жена на вѣки у живаго меня живая отъемлется, и домъ, и живущїе въ немъ вѣрные мои и любезные, и друзья, которыхъ я какъ братьевъ любилъ. О сердца Ѳисеевою вѣрностїю со мной сопряженныя! когда еще можно, обѣиму васъ: можетъ быть уже болѣе ни когда не удастся: который мнѣ данъ часъ, тѣмъ я пользуюсь. По семъ немедлѣнно оставилъ я не окончennыя разговора рѣчи, предлежащее все обѣемля мыслїю. Когда я говорилъ, и всѣ мы плакали, то на небесной высотѣ противная намъ звѣзда взошла, пресвѣтлая денница.

Раз-

Разставался я не инако, какъ члены свои оставляя: и казалось, что часть отъ тѣла моего отторгнулась. Тогда разлучающіеся со мною воздвигли вопль и стенанія, бія обнаженную грудь отъ горести руками. Тогда при отшествіи жена бросясь мнѣ на шію, сіи печальныя слова своими расплоряла слезами: Не разлучишся со мною: купно, ахъ! купно пойдемъ! говорила: послѣдую за тобою, и изгнаннаго изгнанная буду женою; и мнѣ путь уготованъ, и меня приметъ отдаленнѣйшая земля. Весьма малою тягостію буду я идущему въ ссылку кораблю. Тебѣ повелѣваетъ отъ отечества удалиться гнѣвъ Кесаревъ, а мнѣ любовь. Сія любовь будетъ мнѣ вмѣсто Кесаря. На сіе она устремлялась какъ и прежде, и едва польза желаніе ея преодолѣла. Вышелъ я (или то безъ выносу было погребеніе) въ горестномъ видѣ, съ распущенными по сѣтующему лицу волосами; а она обремененна печалію, покрыта мракомъ, среди дому, какъ говорятъ, пала полумертва. Но какъ пришла въ себя, и оскверненную гнуснымъ прахомъ главу и хладные отъ земли воздвигла члены, то себя, то оставленныхъ домашнихъ боговъ оплакивать, и похищен-

нагo

наго мужа имя часто гласитъ , и не меньше стенать начала , какъ бы или дочернее , или мое видѣла тѣло на возженномъ срубѣ положенное , и хотѣла умереть и чувствъ лишиться смертію : но любовь ея ко мнѣ въ томъ воспрепятствовала. Пускай живетъ : и отсутствующему, когда такъ судьба опредѣлила ; пускай живетъ , и во все время подаетъ помощь и облегченіе. Уже погрузился въ Океанъ стражъ Ериманѳійской медвѣдицы и созвѣздіемъ своимъ возмутилъ морскія воды : однако мы не своею разсѣкаемъ Іонійское море волею : но страхъ принуждаетъ насъ быть отважными. Ахъ нещастный я ! коль сильными вѣтрами воздымаются моря ; и со дна подъятый кипитъ песокъ ! и не менше горъ валы на носъ и искривленную корму наскакиваютъ , и ударяютъ въ изображенныхъ боговъ! Все строеніе корабля звучитъ, и трещатъ канаты вѣтромъ удачитъ, и трещатъ канаты вѣтромъ ударяемые, и само корабельное дно въ бѣдахъ нашихъ состенаетъ. Кормщикъ блѣдностію лица оказавъ хладный страхъ, не правитъ корабля искуствомъ, но гонимому слѣдуетъ. И какъ безсильной всадникъ тщетно удерживая твердоустую лошадь , на конецъ попускаетъ

скаетъ узду , такъ корабельщикъ не куда самъ хотѣлъ , но куда волнъ стремленїе несло , ѣхалъ. И ежелибъ Еолъ не выпустилъ другихъ вѣтровъ , то принеслобъ меня къ мѣстамъ , въ которыхъ мнѣ вѣкъ не быть. Ибо оставя далеко въ лѣвой сторонѣ Иллирическїе берега , вижу запрещенную Италїю. Престаньте , прошу , вѣтры , гнать въ заказанную землю , и великому со мною повинуйтеся богу. Когда сїе говорю , и желаю , купно и боюсь удалиться, коликою силою волна въ корабль ударила! Пощадите вы , пощадите лазореваго моря боги : пускай одинъ Юпитеровъ гнѣвъ меня поражаетъ. Вы томный духъ сохраните отъ жестокой смерти; ежели только погибшїй погибнуть не можетъ.

Переводилъ съ Латинскаго Кирїякъ Кондратовичъ.

IV.

Изъ IX. книги Фарсалїи

МАРКА АННЕЯ ЛУКАНА

I.

КАТОНОВО УВѢЩАНІЕ

Къ воинамъ идущимъ съ нимъ въ Африку.

Храбрые воины , которые послѣдуя мнѣ въ моемъ стану , избрали себѣ одну

одну спасенія надежду сію , чтобъ не устрашимымъ умереть сердцемъ , приготовьте мысли ваши къ великому мужества дѣйствію и ко снесенію крайнихъ трудовъ. Мы шествуемъ на безплодныя поля , въ созженную солнечными огнями мира страну ; гдѣ чрезмѣрный зной , и рѣдкія въ источникахъ воды ; гдѣ иссохшія степи преисполненны змѣевъ смертоносныхъ. Ужасный сей и прискорбный путь предлежитъ намъ къ законамъ нашего гражданства и къ любезному упадающему уже отечеству. Прейдите Ливію, испытайте непроходимыя стези , вы, которые не съ тѣмъ шествуете желаніемъ , чтобы на конецъ изъ оныхъ выйти , но довольствуетесь только тѣмъ , чтобъ ити чрезъ оныя. Не намѣренъ я никого обманывать , и сокрывъ страхъ, весть народъ въ опасности. Пускай тѣ мнѣ будутъ спутниками , которые сами устремляются на бѣдствія , которые въ моемъ присутствіи и самыя крайнія нещастія сносить почитаютъ за дѣло прехвальное и свойственное Римлянамъ. Кто изъ воиновъ требуетъ поруки о своемъ спасеніи , и сладостію жизни прельщается , тотъ пускай удобнѣйшимъ путемъ идетъ

идетъ къ Господину. Я первый взойду на пески, первый здѣлаю слѣды на сухомъ томъ прахѣ; пускай меня прежде небесный озжетъ зной, пускай прежде со мною ядовитый встрѣтится змій: а вы предъидущею моею судьбиною испытывайте ваши бѣдствія. Жаждите, когда увидите, что я пить буду; чувствуйте жарь, когда узрите, что я подъ тѣнію древесъ сокроюсь; ослабѣвайте, когда усмотрите меня на конѣ предъ вами пѣшими; однимъ словомъ, унывайте, когда вы какое нибудь между собою и мною примѣтите различїе, когда я чѣмъ нибудь окажу, что я какъ полководецъ, а не какъ воинъ вамъ предшествую. Змій, жажда, зной, пески, мужеству сладки и приятны. Терпѣніе радуется, видя предлежащія себѣ тяжкія трудности. Ежели мы какое честное и благое дѣло великими и неизреченными совершаемъ трудами, то большую тогда сами въ себѣ ощущаемъ радость. Одна только Ливія толикимъ множествомъ бѣдъ наполненна, что не стыдно и храбрымъ мужамъ убѣгать оныя.

II.

РѢЧЬ ЛАБІЕНА ПРИ ХРАМѢ ЮПИТЕРА АММОНА КЪ КАТОНУ ; И ОТВѢТЪ СЕГО НА ОНУЮ.

СЛучай и щастіе пути , Катонъ , даруетъ намъ зрѣть лице толь великаго бога , и внушить изъ устъ его неложные совѣты. Сего предводительствомъ можемъ мы пройти безопасно Сирты , и изъ отвѣта его не сомнѣнно узнать о будущихъ войны приключеніяхъ. Ибо кому вышніе боги вящше объявятъ свои тайны , кому лучше скажутъ истину , какъ добродѣтельному Катону ? Во истину ты жизнь свою всегда направляешь по божественному закону , и послѣдуешь богу. Зри , ты имѣешь здѣсь вольность говорить съ Юпитеромъ. Испытай судьбу беззаконнаго Кесаря , и увѣдай о будущемъ отечества состоянїи : будутъ ли когда народы своими и законовъ наслаждаться правами , престанетъ ли междоусобная война ? Прими и вложи въ сердце твое священный гласъ , или по крайней мѣрѣ какъ любитель строгїя добродѣтели вопроси , что есть добродѣтель , и требуй примѣра честности.

Ка-

Катонъ богомъ, котораго сокровенно въ мысляхъ носилъ, возбуждаемъ, изрекъ въ отвѣтъ слѣдующія достойныя внутренняго святилища слова.

О чемъ ты, Лабіенъ, вопрошать повелѣваешь? Лучше ли я желаю въ оружіи скончать жизнь свою, нежели погибшую видѣть вольность? Житіе наше, хотя и долгое, ни что ли оно, или различествуетъ вѣка долготою? Можетъ ли какая ни будь сила честному вредъ принести человѣку? Укрощаются ли грозы щастія противоборствомъ добродѣтели? Довольно ли человѣку одного хотѣнія похвальныхъ дѣлъ? и не возрастаетъ ли никогда честность со временемъ? Вѣдаемъ мы, и Аммонъ сего намъ не водрузитъ глубочае въ сердце. Всѣ мы въ богѣ и въ таинственномъ его храмѣ. Ни чего мы безъ божеской не дѣлаемъ воли. Богъ ни какихъ не требуетъ гласовъ. Сказалъ творецъ однажды при нашемъ рожденіи, что намъ вѣдать можно. Не избралъ онъ себѣ неплодныхъ песковъ, что бы въ нихъ открывать судьбы свои немногимъ; не зарылъ онъ въ прахѣ семъ истины. Кое есть жилище божіе? Не земля ли, и море и воздухъ, и небо, и добродѣтель? Гдѣ мы еще боль-

ше вышнихъ искать боговъ будемъ ? Юпитеръ есть , что ни видишь , въ чемъ ни движешся. Пускай провѣщающихъ по жребіямъ ищутъ тѣ , которые обрѣтаются въ непрестанномъ сомнѣніи , и всегда о будущемъ мятутся. Меня не отвѣты въ храмахъ подаваемыя увѣряютъ , но извѣстная и неминуемая смерть. Трепещущему и мужественному умереть должно. Сіе намъ сказалъ Юпитеръ : сего довольно.

Переведъ съ Латинскаго Г. К.

V.

ОСТАВШІЯСЯ ДВѢ ОДЫ САПФОНЫ.

I.

НА АФРОДИТУ.

РАзнопрестольная безсмертная Афродита , Діева дщерь , льстесоплетательница , молю тебя , не отягощай моего сердца пагубными печальми , всѣми чтимая. Но снійди ко мнѣ, ежели когда для Ерота слышишъ мой гласъ, которому ты внимала часто ; и оставивъ

вивъ отческой домъ , сѣдши на златую колесницу приходила. Прекрасные везли тебя и прыткіе воробьи , черными крильями скоропостижно слѣтая съ небесъ по воздуху. Они вспять отлетали, а ты , блаженная , осклабляясь безсмертнымъ лицемъ , вопрошала. Чѣмъ я стражду , и за чѣмъ тебя къ себѣ призываю ? и чего всенеистовое мое желаетъ себѣ сердце , какого краснорѣчія , и какихъ уловляющихъ пріятностей ? Кто тебя, Сапфона, обижаетъ? ибо ежели онъ тебя убѣгаетъ , тотъ часъ будетъ за тобою гнаться ; ежели не принимаетъ даровъ , самъ дастъ ; ежели не любитъ , станетъ любить немедлѣнно , и дѣлать , что прикажешь. Прійди ко мнѣ и нынѣ, и отъ люпыхъ избавь меня печалей , и всѣ души моей желанія исполни , и будь мнѣ ты сама поборницей.

II.

НА ДѢВИЦУ.

ТОтъ мужъ мнѣ кажется равенъ быти богамъ , который предъ тобою сидитъ , и въ близи сладкаго твоего гласа слушаетъ и смѣха пріятнаго ; что мое сердце въ груди какъ громомъ поражаетъ. Какъ увидѣла я тебя , гортань мой изсохъ , и голосъ весь пре-

сѣкся, языкъ мой сокрушился, и самой тончайшій огнь тотъ часъ разсыпался по всему тѣлу: глазами ничего не вижу, и уши мои шумомъ полны: лїется хладный потъ, и дрожь всю меня пронимаетъ: блѣднѣе я злака, и не много разнствуя отъ мертвой, лежу безъ дыханїя.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

VI.

ПѢСНИ.

Слѣдующїя пѣсни нашелъ я между прочими напечатанными пѣснями съ приложенными нотами, подъ чуднымъ Типломъ, которыя отъ части были испорчены; чего ради долженъ я ихъ поправивъ, какъ они отъ меня сочинены, выдати въ сихъ изданїяхъ, чтобы чужїя погрѣшности не были почтены моими, при томъ желая, чтобъ сїя дерзость издавати чужїя сочиненїя, безъ воли Авторовъ, не умножилася, а еще менше то портити, что другїя тщательно сочиняли и менше еще налагати чужимъ трудамъ непристойныя Типла, чево ни гдѣ не водится, и что ни гдѣ не позволяется.

I.

I.

Сокрылись тѣ часы, какъ ты меня искала,
И вся моя тобой ущѣха отнята:
Я вижу, что ты мнѣ не вѣрна нынѣ стала,
Противъ меня со всѣмъ ты стала ужъ не та.
Мой стонъ и грусти люты,
Вообрази себѣ,
И вспомни тѣ минуты,
Какъ былъ я милъ тебѣ.

*

Взгляни на тѣ мѣста, гдѣ ты со мной видалась,
Всѣ нѣжности они на память приведутъ.
Гдѣ радости мои! гдѣ страсть твоя дѣвалась!
Прошли и въ вѣкъ ко мнѣ обратно не придутъ.
Настала жизнь другая;
Но ждалъ ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

*

Несчастенъ сталъ я тѣмъ, что я съ тобой
спознался,
Началомъ было то, что муки я терплю,
Несчастняе еще, что я тобой прельщался,
Несчастняе всево, что я тебя люблю.
Сама воспламенила
Мою ты хладну кровь;
За что жъ ты премѣнила
Въ недружество любовь?
Но въ пеняхъ пользы нѣтъ, что я лишась свободы,
И радостей лишенъ едину страсть храня.

*

На что изобличать ; безсильны всѣ доводы ,
Коль болѣе уже не любишь ты меня.
Ужь ты и то забыла ;
Мои въ плѣнъ мысли взяль ,
Какъ ты меня любила ,
И время тѣхъ забавъ.

* * *

II.

Въ какой мнѣ вредный день , ты въ томъ меня увѣрилъ ,
Что ты передомной въ любви не лицемѣрилъ ?
Что лести я твоей повѣрила себя ,
Ты виненъ , только я винняй еще тебя.
Любовью распаленна ,
Любви дала я власть :
Сама вошла въ напасть ,
Я страстью ослѣпленна.

*

Не помнишь ты моей горячности ни мало,
И что мое тобой спокойствіе пропало :
Вздыхаешь о другой : должна ли я то зрѣть?
Досады таковы должна ли я терпѣть ?
Я рвусь , мой духъ слабѣешь ,
Разсѣянъ разумъ мой ,
А ты владѣешь мной ,
Она тобой владѣетъ.

*

На то ли я тебѣ , въ вѣкъ , серце поручила,
Чтобъ, въ вѣкъ, меня съ тобой другая разлучила ?

А ты

А ты лишивъ меня жестокая успѣхъ,
Ругайся мнѣ что въ томъ имѣешь ты успѣхъ!
Ты лестїю искала,
Паля притворствомъ кровь,
Ково моя любовь
И вѣрность распаляла.

*

Кѣмъ стали на всегда мои всѣ чувства плѣнны,
О ты кѣмъ грудь моя и мысли напоенны!
Приди въ себя хотъ разъ и разсмотри дѣла,
Куда она тебя обманомъ завела.
Прельщаешся ты ею,
Какъ началъ завсегда,
Не тронутъ никогда,
Горячностью моею.

* * *

III.

Мы другъ друга любимъ, что жъ намъ въ томъ
съ тобою?
Любимъ и страдаемъ всякой часъ,
Боремся напрасно мы съ своей судьбою,
Нѣтъ на свѣтѣ радостей для насъ.
Съ лестною надеждой нашъ покой сокрылся,
Мысли безмятежныя отнявъ:
Отъ сердецъ разженныхъ случай удалился,
Удалилось время всѣхъ забавъ.

*

Зрю ль тебя, не зрю ли, равну грусть имѣю,
Равное мученїе терплю;

Ужъ казать и взоромъ я тебѣ не смѣю ,
Ахъ! ни воздыханьемъ, какъ люблю.
Всѣ любовны знаки въ сердцѣ заключенны ,
Должно хладъ являти и горѣть :
Мы съ тобой , драгая ! вѣчно разлученны ;
Мнѣ тебя осталось только зрѣть.

*

Жизнь мою приятну премѣнилъ рокъ въ злую,
Сладость обращенна въ горесть мнѣ ;
Только нынѣ въ мысляхъ я тебя цалую ,
Говорю съ тобою лишъ во снѣ.
Гдѣ любови нашей прежнїя успѣхи ,
Гдѣ онѣ дѣвалися , мой свѣтъ !
О печально сердце ! гдѣ твои утѣхи !
Все прошло , и ужъ надежды нѣтъ.

* * *

IV.

Позабудь дни жизни сей ,
Какъ о мнѣ вздыхала ;
Выдь изъ памяти моей ,
Коль не вѣрна спала.
Гасни пламень мой въ крови;
Ахъ , чево желаю !
Истребляя жаръ любви ,
Больше лишъ пылаю.

*

Правдой принимаю лесть ,
Я въ твоемъ отвѣтѣ ;
Мнѣ и лесть я всево что есть ,

Ты

Ты миляй на свѣтѣ.
Въ томъ, что нынѣ ясно зрю,
Самъ себѣ не вѣрю:
День и ночь тобой горю,
Сердцу лицемѣрю.

*

За невѣрность внѣ себя
Я сердясь бываю;
Но увижу лишь тебя,
Все позабываю.
Я не помню въ оный часъ
Твоея досады,
И во взорахъ милыхъ глазъ
Я ищу отрады.

*

Только то одно манитъ,
Сердце подкрѣпляетъ.
Мню пустой меня лишь видъ
Ревность ослѣпляетъ.
Нѣтъ, не тѣмъ теперь моя
Грудь отягощенна,
Зрю невѣрность нынѣ я,
Тѣмъ душа смущенна.

* * *

V.

Ужъ прошелъ мой вѣкъ драгой,
Миновался мой покой
И веселье скрылось
Мнѣ противна жизнь и свѣтъ;
Для меня забавы нѣтъ,

Все

Все перемѣнилось ;
Ужъ не мной горишъ любя ,
Я тобой забвенна ,
А лишившися тебя,
Я всево лишенна.

*

Въ тѣ часы , какъ рокъ виню ,
Воздыхаю и стеню ,
И прегорько плачу :
Ты , среди своихъ утѣхъ ,
Все приемлешъ нолько въ смѣхъ,
Какъ я жизнь ни трачу.
Сносно ль мнѣ , что ты зовешъ
Не меня драгою ,
И склонивъ меня живешъ
Ты въ любви съ другою!

*

Славься , что мой умъ плѣня ,
Обмануть ты могъ меня ,
И любимъ сталъ мною.
Я винна въ томъ предъ собой ;
Только ты меня какой
Обличишъ виною ?
Въ часъ нещастный , ты любовь ,
Въ сердце мнѣ вселилась;
И во злу минуту кровь
Ты воспламенилась.

*

Чувствуй радости свои ,
Ты , чрезъ жалобы мои ,

Въ

Въ жалость не приходишь;
Веселясь моей тоской,
Провожденныхъ дней со мной,
Въ память не приводишь.
Нестерпимъ мнѣ сей ударъ;
Какъ ты духъ мой въ тѣлѣ!
О любовь! о вредный жаръ!
Что сего тяжелѣ!

*

Коль привелъ меня ты въ страсть,
Умножай мою напасть,
За любовь сердечну,
Щастье ты мое унесъ,
И влечешь потоки слезъ,
За горячность вѣчну.
Хоть увидь меня во снѣ,
Въ сей моей неволѣ;
Но не хочешь обомнѣ
Ты и слышать болѣ.

* * *

VI.

Тщетно я скрываю серца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, какъ много я ни тщусь.
Серце тяжкимъ стономъ, очи токомъ слезнымъ,
Извлекаютъ тайну муки сей:
Ты мое стараньe здѣлалъ безполезнымъ:
Ты, о хищникъ вольности моей!

Вверг-

Ввергнута тобою я въ сію злу долю ;
Ты спокойный духъ мой возмутилъ ;
Ты мою свободу премѣнилъ въ неволю ,
Ты ушѣхи въ горесть обратилъ :
И къ люпѣйшей мукѣ ты того не зная ,
Можетъ быть вздыхаешъ о иной ;
Можетъ быть , безплоднымъ пламенемъ згарая
Страждешъ ею такъ какъ я тобой.

*

Зрѣть тебя желаю , а узрѣвъ мятуся ,
И боюсь , чтобъ взоръ не измѣнилъ :
При тебѣ смущаюсь ; безъ тебя крушуся ;
Что не знаешъ сколько ты мнѣ милъ :
Стыдъ изъ сердца выгнать страсть мою стремится ;
А любовь стремится выгнать стыдъ :
Въ сей жестокой брани мой разсудокъ мнится ,
Сердце рвется , страждетъ и горитъ.

*

Такъ изъ муки въ муку я себя ввергаю ;
И хочу открыться , и стыжусь ;
И не знаю прямо , я чево желаю ,
Только знаю то что я крушусь :
Знаю , что всемѣстно плѣнна мысль тобою ,
Воображаетъ мнѣ твой милый зракъ ;
Знаю , что вспаленной страстію презлою ,
Мнѣ забыть тебя не льзя никакъ.

А. С.

* * *

VII.

ПИСЬМА.

I.

О нѣкоторой заразительной болѣзни.

Была ли сія заразительная болѣзнь, о которой я писать хочу, извѣстна во времена Иппократовы, о томъ я не могу сказать, а по многому видно, что она въ ево время не весьма сильна была, ибо ей и Греческаго названія нѣтъ. Во время Галеново можетъ быть она была уже, что я заключаю изъ Латинскаго ея названія, а можетъ быть она и послѣ временъ Галеновыхъ проявилася. Сіе Латинское названіе и у насъ нынѣ, когда начали возрастать науки, къ украшенію нашего языка восприято. У дѣдовъ нашихъ было имя сей болѣзни Взятки, а мы просвѣтившися ученіемъ даемъ ей имя Латинское Акциденція. Нѣкоторыя называютъ скорбь сію естественною, а нѣкоторыя преестественною, доказывая, что Іюда взялъ уже то-

тогда тритцать сребрениковъ , когда въ него вселился дїяволъ. А я сїе двоякое мнѣнїе въ едино совокупляю, и вѣроятно утверждаю , что тѣло сею скорбїю естественно заражается , и что дїяволъ беретъ душу таковаго человѣка по зараженїи естественномъ , и что ежели бы сребролюбивый Іюда не заразился сею язвою , такъ бы въ него дїяволъ не вселился. Въ здѣшнихъ областяхъ началася скорбь сїя Подьячими. Когда была Столица въ Новѣградѣ , въ Кїевѣ и во Владимирѣ , скорбь сїя уже была , однако была весьма слаба. Усилилася она погда , какъ на Каменномъ мосту , въ Москвѣ, зачалася винная продажа. Вышелъ нѣкогда чортъ изъ подкаменнова моста, и опознавшися съ Подьячимъ Корчемной канторы прохаживаяся по городу , шелъ мимо Петровскаго кружала , и услышалъ огромную музыку и пѣнїе : извѣстно что черти до музыки охотники, а особливо до гудковъ : и зашелъ туда по зову Подьячева , которой ему объявлялъ , что въ томъ домѣ продаютъ разныя напитки , а при томъ на всякой день представляютъ Оперу , въ которой самая лучшая Инструментальная музыка , Гудки , Волынки , Рылѣ , Ба-

ла-

лалайки и протчее , и что самыя тутъ лутчїя Пѣвцы и Танцовщики , а иногда и баталии представляются : черти до пляски великїя охотники , а до драки еще и больше ; зашли на кружало , и забавляяся , до полуночи , Оперою нахлюстались , а сверьхъ того и на дорогу стекляницу водки и чарку взяли , съ совершеннымъ , пошедъ , удовольствїемъ , повторяя тѣ Арїи , которыя они слышали , крича по улицамъ , какъ и нынѣ ходя по улицамъ пьяницы , не страшася Полицїи , распѣваютъ. Шедъ по Пречистенкѣ и позабывъ поворотить налѣво къ мосту, куда имъ дорога лежала , прошли прямо , и къ самымъ Пречистинскимъ воротамъ , а разсмотрѣвъ что Каменнова моста тутъ нѣтъ , и вспомня что въ лѣвѣ , поворотилися отъ воротъ на лѣво , и вмѣсто Каменнова моста попали на Алексѣевскую башню. Куда меня занесъ чортъ , говорилъ подьячїй : Куда меня завелъ подьячїй , говорилъ чортъ. Что они пьяныя вскарабкалися на башню , ето имъ чудно казалось , а какъ оттолѣ сойти , ето имъ было непонятно. Чортъ вѣдаетъ , какъ отселѣ сойти , говорилъ Подьячїй , а чортъ говорилъ ему , что онъ етова

не вѣдаетъ. Выпьемъ мы другъ мой сердечной съ грусти хотя по чаркѣ водки, говорилъ чорту Подьячій. Чортъ наливъ чарку говорилъ, за здоровье вашей инклинаціи, и выпилъ. Подьячій по же наливъ себѣ водки молвить хотѣлъ, да не зная по Французски етова не умѣлъ выговорить, и сказалъ только: преждереченному послѣдствую, а позабывшися передъ чаркою перекрестился. Чортъ изчезъ, а Подьячій повисъ на зубцахъ, и закричалъ: караулъ, возми ево и меня! Что подьячій пивъ водку повисъ на зубцахъ Алексѣевской башни, сія Исторія въ Москвѣ, не только старымъ бабамъ, но и малымъ рабятамъ извѣстна. Сняли и взяли чортова наперстника подъ караулъ, отвели на съѣзжую, отослали въ приказъ, и посадили на цѣпь. Проспавшися хватился Подьячій шапки, которую снявъ онъ на башнѣ при чаркѣ водки чорту кланялся, и какъ скоро онъ сорвался съ цѣпи, пошелъ за шапкою. О ежели бы онъ позабылъ шамъ свою подьяческую голову, или бы на зубцахъ повѣшенъ остался! но рокъ того не учинилъ. Пошелъ Подьячій за шапкою, и нашедъ шапку, нашелъ чортовы крючки, которыя онъ провалившися схватить

тить не успѣлъ. Подьячій сей болѣзни, которая нынѣ подъ именемъ Акциденціи распространилася, имѣлъ уже нѣкоторыя припадки, а скорбь сія слыла еще тогда шильничествомъ. Шильничество такъ мало передъ Акциденціею какъ мошенничество передъ грабительствомъ. Какъ скоро Подьячій крючекъ етотъ получилъ, тотчасъ шильничество стало жестокою заразительною болѣзнію, которая нынѣ Акциденціею называется, а бредни въ болѣзни сей по происхожденію своему названы крючками. Тѣми крючками выпаскиваютъ черти у худыхъ людей души, а сими выпаскиваютъ Подьячія у добрыхъ людей деньги. По произхожденію крючковъ сихъ изъ подкаменнова моста, въ память того, называются выѣдовальщики винной продажи Крючками. По сей же причинѣ Подьячія литеръ никогда равно не ставятъ, но всегда крючками. Отъ сего литера Р съ большимъ ставится крюкомъ, и въ подьяческихъ названіяхъ такъ употребляется, да и названія ихъ безъ сея литеры не бываютъ; ибо ето ихъ гербъ. Подьячія однимъ пишутъ почеркомъ литеры, связывая для того, что бы и въ томъ больше крючковъ было, и для

умноженія оныхъ крючковъ часто литеры въ верьхъ кидаютъ. Точекъ и запятыхъ не ставятъ они для того, чтобы слогъ ихъ темняе былъ, ибо въ мутной водѣ удобняе рыбу ловить. Язва Акциденціи день отъ дня преужасно размножается, и число больныхъ неописанно велико, а ежели не употребятся къ тому способы, чтобъ оную болѣзнь истребить, такъ послѣдуетъ неизлѣчимое разоренье.

* * *

II.

О ДУМНОМЪ ДЬЯКѢ, КОТОРОЙ СЪ МЕНЯ ВЗЯЛЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ РУБЛЕВЪ.

Извѣстно, что въ древнія времена Обер-секретарей еще не было, а вмѣсто ихъ были Думныя Дьяки: изъ которыхъ нѣкто съ меня счистилъ пятьдесятъ рублевъ, а я въ томъ извиняюся слѣдующими причинами: я былъ двенатцати лѣтъ тогда, и что за взятки приказано вѣшать, я етова еще не зналъ: вторая причина была, мое любопытство, узнать, какимъ образомъ Акциденція берется: третья причина, что ежели бы я не далъ ему денегъ, такъ бы дѣло то не было здѣлано.

Вотъ

Вотъ какъ берутся взятки : пріѣхалъ я ко двору его высокородія Думнаго Дьяка зимою въ саняхъ , и подъѣхавъ ко двору радовался , что я скоро буду въ теплѣ , а етова я не зналъ, что челобитчики къ Думнымъ Дьякамъ на дворъ не въѣзжаютъ , и выходятъ у воротъ. Ворота у Дьяковъ всегда запираются замками изъ нутри , понеже де то отъ воровъ имѣетъ быть безопасняе : больше получаса стучался я у воротъ : отперли калитку , выглянулъ приворотникъ , и спрашивалъ , какъ ему назвать мое здоровье : Я не зналъ какъ ему отвѣчать и промолчалъ ; ибо такой вопросъ и не рабенку страненъ покажется : онъ спрашивалъ какъ назвать вашу милость , ето я зналъ , по тому что оно нѣсколько употребительно , а по нашему : какъ тебя зовутъ: Я ему сказался ; а онъ калиткой хлопнулъ и ее заперъ. Слуга мой былъ по искусняе меня , и говорилъ : надобно дать деньги. Я опять постучался , онъ опять выглянулъ , я давалъ деньги , чтобъ онъ отнесъ ихъ къ Думному Дьяку , а меня бы впустилъ , однако онъ ихъ не взялъ извиняяся , что господинъ ево можетъ подумать, будто онъ не всѣ сполна ему отдастъ , а мнѣ чаялося , что вездѣ

деньги берутся въ тѣхъ мѣстахъ, куда безденежно не впускаютъ у дверей; ибо я бывалъ на Комедіяхъ, смотрѣлъ Александра и Лодвика, Парижъ и Вѣну и другія Комедіи, на что я и ссылался, а онъ отвѣчалъ, то де враки, а здѣсь дѣла. Очень досадно мнѣ его стало, что Дьяковъ онъ, писателямъ Драммъ предпочитаетъ, какъ будто серце слышало, что я по времени буду имѣть нещастіе, быть Драмматическимъ Стихотворцемъ. Однако служителю знатнаго человѣка долженъ я былъ уступить, а мой слуга сунулъ ему въ руку пять копѣекъ, которыя онъ съ меншею приялъ учтивостію, нежели Подлѣкарь и Дьячекъ. Дома ли, спрашивалъ я, ево благоутробіе: етова я еще не знаю, отвѣчалъ онъ, я пойду о томъ, дома ли онъ или нѣтъ доложу ево милосердію, и вашей чести донесу. Еще съ полчаса прошло того времени, въ которое мнѣ зябнуть предписано было, возвратился дворникъ и объявилъ, что бояринъ ево дома: не Дьякомъ назвалъ онъ ево, бояриномъ, а въ етомъ было въ древности рзличіе. На дворахъ приказныхъ служителей стоятъ на часахъ собаки, и кто изъ нихъ больше чиномъ, у тово больше со-

бака

бака и толще лаетъ. Подворотни у Дьяковъ превысокія, и для челобитчиковъ изъ подкалитки не вынимаются, а ворота и не отворяются: калитка была очень узка, и человѣкъ мой пролѣзъ бокомъ на дворъ, а я будучи малъ черезъ подворотню на силу перелѣзъ. Какъ только собака насъ увидѣла, преужасно залаяла. Церберъ не испугалъ Геркулеса въ Адѣ, а меня Дьячій Церберъ гораздо испугалъ, по тому что я рабенокъ былъ, да я жъ и не Геркулесъ хотя и въ Адъ вошелъ. Слуга мнѣ говорилъ, чтобъ я поклонился Церберу. Какъ, спрашивалъ я, что бы я собакѣ поклонился? Хотя ето и собака, однако Дьячья, говорилъ онъ. Но когда я уже дошелъ до такой подлости, чтобы кланяться Дьяку; великое ли ето уже униженіе, чтобъ и собакѣ не поклониться: поклонился: да еще и пристойняе было, чтобъ я собакѣ поклонился, нежели ея помѣщику; она денегъ не возметъ у меня, а безсовѣстной ея помѣщикъ съ меня счиститъ. Я рѣдко вспоминаю, что я дворянинъ, а въ то время вспомнилъ я ето, и размышлялъ идучи по двору: Дьякъ богатѣе меня, а я несу ему деньги: Дьякъ хуже меня, а я иду ему кланяться; и

ежели бы я Философъ былъ, конечно бы закричалъ: О времена! О нравы! Вшелъ я въ боярскія покои: подошла ко мнѣ боярская боярыня. Не чудно ли ето, что Дьячью служанку, называли боярынею? Сія боярыня была охваща въ два, въ подкапкѣ, въ тѣлогрѣи и босикомъ. Боярынъ, говорила она въ мыльнѣ, и ужъ выпарился, скоро изволитъ выйти. Подьяческое племя съ самаго младенчества привыкаетъ, и терпятъ они легко какъ ихъ по спинѣ сѣкутъ, а намѣреніе то, чтобы не тако трудно было тѣлесное наказаніе, ежели, по силѣ уложенья и указовъ, нужда того потребуетъ, и заставляютъ Подьячія холопямъ своимъ сѣчь себя въ банѣ, и велятъ себя до тѣхъ сѣчь поръ, покамѣстъ побагровѣетъ спина, и какъ они подъ патогами ни кричатъ, однако, когда то окончится, такъ они становятся еще бодряе того нежели были, и ради того патоги ихъ обыкновенная забава, и чтобы воскресенье какъ праздничный день проводить имъ повеселяе, такъ они по всякую суботу себя сѣчь приказываютъ, хотя иныя говорятъ, будто они терпятъ ето добровольно за содѣланныя во всю недѣлю плутни, и что передъ праздникомъ полагаютъ на себя

сію

сію епитиміею, подобіемъ Христіянъ Западной церкви, и что Польячія не давъ себя ввечеру въ суботу высѣчь не ходятъ къ обѣдни въ воскресенье, а когда и придутъ, такъ стоятъ только въ трапезѣ будучи оскверненны. Я бы къ нему въ суботу ввечеру конечно не поѣхалъ, вѣдая, что всѣ приказныя служители сѣкутся въ ето время въ баняхъ патожьями; да что дѣлать? я былъ Кадетъ; въ протчія дни надлежало учиться и быть у себя, а воскресенье для Кадетовъ день отдохновенія, а для Польячихъ день пьянства, и такъ одинъ только вечеръ суботы мнѣ къ тому остался. Вышелъ бояринъ изъ застѣнка: я ему подалъ письмо, а тово, что я съ деньгами пришелъ, онъ не вѣдалъ и принялъ меня спесиво. Я ему подалъ грамотку, онъ надѣлъ очки, грамотку распечаталъ и почалъ читать. Суровый ево видъ перемѣнился, когда онъ дочелъ до того мѣста, гдѣ о пятидесяти рубляхъ помянуто было. Прочетъ письмо обозрѣлъ меня очень жадно со мною ли тѣ деньги, и когдя я ему сталъ ихъ подавать, говорилъ онъ: на что ето? ето право напрасно. О приказная душа? на что было такое лицемѣріе? го-

воришь, на что ето и берешь: а что ето напрасно, ето подлинно: я ето зналъ, хотя бы ты и не сказалъ. Взялъ пятьдесятъ рублевъ, и поднесъ мнѣ стаканъ меду, и какъ я больше половины стакана выпить не хотѣлъ, такъ онъ меня гораздо подчивалъ, и увѣрялъ меня, что ето медъ ставленой и хмелю въ немъ нѣтъ. Я етому вѣрю, отвѣчалъ я, да я и безъ меду иззябъ. Нѣтъ ничево, выкушай, говорилъ онъ, ето питье хорошо. А я думалъ то что въ теплѣ быть и брать за ничто чужія деньги ето хорошо, а въ холодѣ быть и отдавать за ничто свои деньги, ето не гораздо хорошо. Отдалъ ему свои деньги и поѣхалъ домой, всѣмъ тѣмъ которыя нарушая честность и присягу, корыстуются взятками желая висѣльницы.

* * *

III.

КЪ ПОДЬЯЧЕМУ, ПИСЦУ или ПИСАРЮ,

то есть, къ таковому человѣку, которой пишетъ, не зная того что онъ пишетъ.

ПИсарь! ты хулишь изданія подъ именемъ ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ, болтая что въ нихъ только Стихи: ето неправда, не одни Стихи въ нихъ, да

да и Стиховъ ни кто кромѣ тебя и тебѣ подобныхъ невѣжъ не уничтожаетъ. А о себѣ ты бредишъ такъ: я бы перевелъ ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА, ІОАННА ЗЛАТОУСТА; но кто бы узналъ ихъ во твоемъ переводѣ? Я тебѣ скажу на ето прибаутку. Просила нѣкогда жена мужа что бы онъ укралъ ей пшеницы испечь пироги, потчивать гостей. Мужъ говорилъ: у насъ отъ роду пшеничныхъ пироговъ не бывало, такъ узнаютъ то всѣ что пшеница украдена. Не твое то дѣло, говорила она, я такъ испеку пироги, что они черняе оржаныхъ будутъ.

* * * А. С.

VIII.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДА.

ВСе въ пустомъ лишъ только цвѣтѣ,
Что ни видимъ, суета:
Добродѣтель ты на свѣтѣ,
Намъ едина красота!
Кто страстямъ себя ввѣряетъ,

Только

Только время онъ теряетъ ,
И ругательство влечетъ ;
Въ той безчестїе забавѣ ,
Кая непричастна славѣ ;
Щастье съ славою шечетъ.

*

Чувствуютъ серца то наши ,
Что природа намъ дала :
Строги Стоики ! не ваши
Проповѣдаю дѣла.
Я забавъ не отмечаю ;
Выше смертныхъ не взлетаю ;
Беззаконїя бѣгу ,
И когда ево гдѣ вижу ,
Паче смерти ненавижу ,
И молчати не могу.

*

Смертнымъ слабости природны ,
Трудно серцу повелѣть ,
И старанїя безплодны ,
Всю природу одолѣть ,
А неправда съ перва вѣка ,
Никогда для человѣка ,
Отъ судбины не дана :
Естьли честность мы имѣемъ ,
Побѣждать ее умѣемъ.
Не вселится въ насъ она.

*

Не съ пристрастїемъ но здраво ,
Разсуждайте обовсемъ :

Пред-

Предпишите оно право ,
Утверждайтеся на немъ :
Не желай , другому доли
Ни какой , противу воли ,
Тако будто бы себѣ :
Безпорочна добродѣтель ,
Совѣсти твоей свидѣтель ,
Правда судїя тебѣ.

*

Не люби злодѣйства , лести ,
Сребролюбїе гони ,
Жертвуй всѣмъ , и жизнью чести ,
Посвящая всѣ ей дни :
Къ вѣчности нашъ вѣкъ дорога ;
Помни ты себя и Бога ,
Гласу истинны внемли :
Духъ не будетъ вѣчно въ тѣлѣ;
Возвратимся всѣ отселѣ ,
Скоро въ недра мы земли.

* *
*

ПРИТЧА.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Лисица взлесть
На виноградъ хотѣла ,
Хотѣлось ягодъ ей поѣсть ,
Полезла попотѣла :
Хоть любъ кусокъ ,
Да виноградъ высокъ ,

И не

И не къ ее на немъ плоды созрѣли долѣ;
Пришло оставить ей закуски по неволѣ.
Какъ добычи лисица не нашла,
Пошла;
Яряся злобно,
Что ягодъ было ей покушать неудобно:
Какой ворчала то невкусной виноградъ,
До самыхъ не созрѣлъ такихъ онъ позныхъ чиселъ;
Хорошъ на взглядъ,
Да, киселъ.
Довольно таковыхъ
Лисицъ на свѣтѣ,
И гордости у нихъ
Такой въ отвѣтѣ.

* * *

ПѢСНЯ.

Успокой смятенный духъ,
И крушась не сгарай!
Не тревожь меня пастухъ,
И въ свирѣль не играй!
Я и такъ тебя люблю, люблю мой свѣтъ;
Ни чево тебя миляй, ни чево лутче нѣшъ.

*

Мысли всѣ мои къ тебѣ,
Всеминутно хотятъ;
Серце отнялъ ты себѣ;
Очи къ серцу летятъ.

Ты

Ты изъ памяти моей не ходишь вонъ ,
Всякую тебя мнѣ ночь представляетъ и сонъ.

*

Но въ мечтѣ , не съ сей судьбой ,
Представляешся мнѣ ;
Я цалуяся съ тобой ,
Обнимаюсь во снѣ ,
Я во снѣ тебя въ шелашъ сама зову :
Успокой смятенный духъ ; будетъ то на яву!

* *
*

РОНДО.

НЕ думай ты чтобъ я другихъ ловила ;
И чью бы грудь я взоромъ уязвила ;
Напрасно мнѣ пеняешъ ты грубя ;
Я та же все ; не возмущай себя ;
Хотя твое я серце растравила.
Любовь меня еще не изрѣзвила ,
Невѣрности мнѣ въ серце не вдавила.
И что горю другимъ я кѣмъ люба ,
Не думай ты.
Измѣною я мыслей не кривила ,
Другимъ любви я съ роду не явила ,
Свободу кѣмъ и серце погубя ;
Твой страхомъ духъ я тщетно удивила ,
Но чтобъ любить я стала и тебя ,
Не думай ты.

* *
*

О АМЕ-

О АМЕРИКѢ.

Коснулись Европейцы суши,
Куда ихъ наглость привела,
Хотятъ очистить смертныхъ души,
И поражаютъ ихъ пѣла:
Въ рукѣ святыя держатъ правы,
Блаженство истинныя славы;
Смиреннымъ мзду и казни злымъ,
Въ другой острѣ мечъ: ярясь пылаютъ,
И ближнимъ щастія желаютъ,
Подобно какъ себѣ самимъ.

* * * А. С.

Оглавленїе.

Стр.

I. Квинта Горацїя Флакка Сатира. - 643
II. Скилла или безбожное предательство. - - - - - - - - - - 650
III. Публїя Овидїя Насона Елегїи. - 659
IV. Изъ IX. Книги Фарсалїи Марка Аннея Лукана. - - - - - - - - - 671.
V Оставшїяся двѣ Оды Сапфоны. - 676.
VI. пѣсни. - - - - - - - - - 678.
VII. Письма. - - - - - - - - - 687.
VIII. Разныя Стихотворенїя. - - - 699.

) o (

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Декабрь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

РѢЧЬ

О ПОЛЬЗѢ И ПРЕВОСХОДСТВѢ СВОБОДНЫХЪ НАУКЪ.

Говорена Маркомъ Антоніемъ Муретомъ, Пресвитеромъ, Законоучителемъ и Гражданиномъ Римскимъ въ Венеціи 1555 году.

МНогихъ я знаю, которыи о свободныхъ наукахъ имѣя сіе твердо въ мысляхъ своихъ вкоренившееся мнѣніе, почитаютъ: что упражненіе въ оныхъ маловажно и не нужно: что тѣ, кои юношеству преподаютъ оныя, или не весьма великой трудъ подъемлютъ, или ученіе ихъ по крайней мѣрѣ обществу не великой плодъ приноситъ, на конецъ думаютъ: что отъ нихъ не требуется ни какая высокая и сокровенная,

но площадная нѣкая , или на распутіяхъ , и сборищахъ людей случайно стекшихся почерпнутая наука. Съ которыми я будучи несогласенъ на противъ утверждаю : что ихъ самая важная должность между всѣми въ учительскомъ званіи находящимися , и что нѣтъ другихъ болѣе обществу плода и пользы приносящихъ , нѣтъ такихъ людей , отъ коихъ бы можно требовать большаго , и толь многоразличнаго въ наукахъ знанія. Чего ради вознамѣрился я сего дни , господа Сенаторы , и прочіи почтеннѣйшіи мужи, сію для слова моего избрать матерію , и благороднѣйшую наукъ часть , сколько силъ моихъ станетъ , отъ презрѣнія и несноснаго нападенія ученыхъ людей защитить. И что мнѣ въ разсужденіи либо времени сего , либо званія моего приличнѣе здѣлать можно ; кромѣ того, чтобъ всякое приложа стараніе словомъ моимъ взаимно принесть нѣсколько чести и славы тѣмъ наукамъ , которыми какъ въ другихъ мѣстахъ , такъ и въ самомъ семъ градѣ приобрѣлъ я себѣ почтеніе , отъ которыхъ , будто отъ нѣкіихъ источниковъ , сія моя какая нибудь въ народѣ излілася слава? Напаче когда ненавистники сихъ наукъ

особ-

особливую и во всѣхъ дѣлахъ довольно показанную вашу, Сенаторы почтеннѣйшіи, премудрость опорочить покушаются. Ибо, ежели все сіе такъ маловажно, какъ они представляютъ, какая васъ въ прошедшемъ годѣ побудила причина изданнымъ въ народъ объявленіемъ поощрять сердца людей ученыхъ къ благородному оному показанію природной своей остроты и успѣховъ въ наукахъ, и къ опредѣленію по томъ довольнаго награжденія тѣмъ, коихъ въ семъ подвигѣ достойными вы усмотрите? Одно сіе довлѣло бы къ обузданію ихъ дерзости, и естьли бы они отъ естества такимъ умомъ, и разсужденіемъ не были одарены, чтобъ сами могли постигнуть сихъ вещей изящество, однако надлежало бы имъ почитать то за великое и преславное; что отъ васъ, толь благоразумныхъ мужей, за полезное признано. Но когда надобно мнѣ употребить доказательства противу презирающихъ премудрыя мнѣнія знатныхъ людей, приклоните сердца ваши слышатели, и меня, въ кратцѣ показующаго коль многое и различное знаніе отъ обучающихъ свободнымъ наукамъ требуется, при томъ коликой плодъ отъ труда и старанія

ихъ получаетъ общество со вниманїемъ послушайте. А чтобъ лучше о семъ прѣнїи разсудить, то должно съ перьва увѣдомиться, что говорятъ сїи словесныхъ наукъ хулители. Кои видя, что упражняющїися въ оныхъ ни къ какимъ важнымъ дѣламъ не приглашаются, ни къ суду, ни къ защищенїю просителей, и что ихъ совѣта въ нужныхъ случаяхъ не требуютъ, легко тѣмъ мнѣнїемъ заражаются, будто они кромѣ нѣкоторыхъ стихотворческихъ басенъ для увеселенїя дѣтскихъ сердецъ сложенныхъ, и нѣсколько скудныхъ и недостаточныхъ правилъ для украшенїя рѣчи собранныхъ во все ни чего не умѣютъ. Что за великое дѣло, говорятъ, въ собранїи опроковъ такїе басенки разказывать, и предлагать имъ въ нѣжномъ слогѣ и суетное услажденїе приносящемъ то Ѳивейскую, то Троянскую войну, то Улисово, или Енеево по пространному морю бѣдственное странствованїе, и часто будто бы изъ ковчезцевъ нѣкїихъ, на испещренїе слова пригопованные взымать краски? Что за великая мудрость, знать съ коликимъ числомъ кораблей Греки для завоеванїя Илїи пріѣхали, сколько дѣтей было у Пріяма.

Елену

Елену ли похитилъ Александръ, какъ Омиръ, или Еленинъ образъ, какъ Еврипидъ повѣствуетъ? Какая польза отъ знанія, и какой ущербъ отъ невѣденія всего сего воспослѣдовать можетъ? Напротивъ того сколько плода прочихъ наукъ учители приносятъ, всякому видѣть удобно. Посмотрѣть на Діялектиковъ, они преподаютъ извѣстныя нѣкія правила къ познанію лжи и истины, ихъ дѣло знать, и другихъ обучать; что съ каждою вещію сходно, что ей противно, что изъ чего слѣдуетъ, какимъ образомъ что нибудь раздѣлять, опредѣлять или описывать, какъ составлять доказательства. Что? испытатели естества, которыи начала и причины вещей описываютъ, которыи учатъ какъ вещь каждая раждается, и какъ погибаетъ, которыи дождей, молній, погодъ причины, которыи небесныхъ тѣлъ величину, разстоянія, теченія, движенія въ передъ, стоянія, которыи свойство души, которыи силу чувствъ, которыи всѣхъ животныхъ рожденія, пищу, образы, которыи произращеній, которыи всѣхъ почти вещей отъ земнаго нѣдра исходящихъ свойства такъ описываютъ, что нѣтъ того на небѣ, въ морѣ и на

землѣ , какъ стихотворцы говорятъ , въ чемъ бы они любопытства своего не употребили , сему они уча мало ли пользы государству приносятъ ? Ежели возришь на упражняющихся въ той части любомудрія , которая наставляетъ чего желать надобно , а чего убѣгать , то увидишь , что никогда ничѣмъ трудовъ ихъ довольно наградить не возможно. Видимъ мы о какихъ и коль славныхъ вещахъ бываютъ у нихъ разсужденія. По тому что во первыхъ обучаютъ они , что полагать за предѣлъ и конецъ совершеннаго благополучія , на которой одинъ взирать , къ коему всѣ дѣйствія , всѣ помышленія , всѣ намѣренія относить долженствуемъ, сколько родовъ добродѣтелей и пороковъ , и какъ оныхъ достигнуть , а отъ сихъ возможемъ уклониться , какимъ образомъ подобаетъ намъ обуздать свирѣпые и разуму не повинующіеся страсти : по семъ какъ надобно поступать каждому въ правленіи своего дому: на конецъ учатъ тому , чего нѣтъ ничего лучше , ничего славнѣе , чего божественнѣе и помыслить не возможно, то есть : какими обычаями , установленіями , законами исправлять общества, какое онымъ полагать основаніе, и какъ

учре-

учреждать, какъ увеличивать и распространять, какъ можно здѣлать многолюдными и богатыми, однимъ словомъ, благополучнѣйшими. О вещи преславные, и достойнѣйшіе не только прилѣжнаго упражненія, но и безмѣрныхъ трудовъ душею и тѣломъ подъемлемыхъ! О Философія правительница житія человѣческаго! О мать всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ пороковъ истребительница! Ты укрощаешь дерзость ложныхъ мнѣній; ты обуздываешь и истребляешь всю суету и заблужденіе: ты вырываешь корни, обрѣзываешь и отсѣкаешь отрасли, погубляешь сѣмена пороковъ. Справедливо говаривалъ божественной Платонъ, что безсмертные Боги не могли ничего лучшаго тебя дать роду человѣческому. Пусть приидутъ теперь сіи учители словъ, толкователи басенъ, сплетатели разсказовъ, и отвергши, ежели у нихъ есть, стыдъ, пусть похвалятся, что можно ихъ хотя мало соравнить съ учителями любомудрія. Кои, ежели какую не удобовразумительную рѣчь, или нѣкое не всеобщее словце, или какую нибудь не всякому извѣстную баснь сыщутъ, то думаютъ, что они золотой статуи достойны, а иногда о такихъ без-

дѣлицахъ между собою такъ спорятъ, что кажется будто бы они за вѣру, и отечество въ сраженїе вступили. Таковая, Сенаторы почтеннѣйшїи, и сей подобная рѣчь, прилѣжанїе и труды наши унизить покушающихся: кои когда похвалами превозносятъ любомудрїе, веселюся и похваляю, для того что ни когда ни кому не уступлю, чтобъ больше любилъ или почиталъ оное: а когда думаютъ, что науки наши не имѣютъ съ нимъ ни какого общенїя, сколько въ семъ ошибаются легко изъ слѣдующихъ рѣчей моихъ уразумѣется. Ибо прежде всего, ежели позволить имъ сїе, что мы ни чему кромѣ стихотворческихъ басенъ, и правилъ для украшенїя слова собранныхъ не учимъ: однако изъ сего еще не слѣдуетъ, какъ имъ хочется, что вся наша наука суетна и смѣхотворна, ниже куда инуды годна, какъ только услаждать дѣтскїя сердца праздными нѣкїими увеселенїемъ. По тому, что стихотворческїе басни, которые они такъ много гонятъ и ненавидятъ, не маловажныи нѣкїи, и безплодныи вымыслы праздныхъ людей, но въ нихъ вся изящная наука, все честнаго человѣка достойное знанїе, вся премудрость будто

то подъ покровомъ и одеждою содержится. Объ Ератосѳенѣ нѣкоемъ повѣствуютъ, которой такъ презиралъ стихотворство, что Омира называлъ учителемъ ни къ чему годнаго многоглаголанія. Но по истинѣ Платонъ и Аристотедь, кои въ большемъ у всѣхъ почтеніи, нежели оной невѣдомо какой Ератосѳенъ, такъ часто употребляютъ взятыя изъ него свидѣтельства къ утвержденію своихъ мнѣній, что кажется не только его читали съ прилѣжаніемъ, но едва когда изъ рукъ выпускали. Чего ради часто удивляюся, когда нѣкіи желая показаться Философами, да еще такими Философами, кои думаютъ о себѣ, что не инако на брови ихъ утверждено любомудріе, какъ небо на Атлантѣ, таковое къ стихотворцамъ оказываютъ презрѣніе, что не хотятъ ихъ удостоить и того, чтобъ посмотрѣть на ихъ сочиненія. Какіи они Философы, пусть сами подумаютъ, когда презираютъ тѣхъ, которыхъ верьховной между любомудрыми Платонъ иногда отцами и вождами премудрости, иногда божіими посланниками и сынами называетъ. Аристотель же, коего прямыми толкователями себя называютъ,

не

не только, какъ я прежде упомянулъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ часто употребляетъ свидѣтельства стихотворческія, но и въ первой книгѣ о премудрости утверждаетъ, что всякой Философъ баснолюбецъ. Но что Аристотелевыми учениками нарицаются, справедливѣе можетъ быть, а безъ сомнѣнія съ правдою сходнѣе, ежели бы о себѣ утверждали, что они подражатели Епикуровы: ибо изо всѣхъ древнихъ повѣстей вѣдаемъ, что онъ только одинъ былъ такой Философъ, которой все краснорѣчіе, а наипаче презиралъ писанія стихотворцевъ. Безстыдно и безумно поступаютъ они въ томъ, когда, для одного только презиранія стихотворцевъ, желаютъ между Аристотелевыми учениками и послѣдователями быть почитаемы. Но я не имѣю намѣренія теперь говорить о похвалѣ стихотворцевъ: а есть ли бы имѣлъ, то бы могъ легко доказать, что они насъ всѣмъ правиламъ въ житіи, всѣмъ должностямъ добродѣтельнымъ, ни чѣмъ не хуже Философовъ научаютъ. И такъ толкуя мы стихотворческія книги не праздными басенками по обыкновенію кормилицъ сердца веселимъ, но посѣваемъ добродѣтель

и уче-

и ученїе ; не въ маловажныхъ и безплодныхъ вещахъ трудъ полагаемъ , но правила любомудрїя для удобнѣйшаго понятїя пріятнымъ нѣкїимъ удивительныхъ и разныхъ вещей присовокупленїемъ украшаемъ. Что ? наставленїе подая въ краснорѣчїи играемъ , или учимъ тому , что за первое всегда во всякомъ благоучрежденномъ гражданствѣ почиталося ? Развѣ мы не вѣдаемъ, что краснорѣчїе отъ знатнѣйшихъ писателей царицею всего именуется ? Сїя то есть оная сила , которая по своему произволенїю на всѣ стороны сердца слушателей преклоняетъ, и свѣтомъ красоты своея лишивши чувства , будто нѣкоею уздою складнаго слова управляетъ оныя. Сїя то есть оная , которая утѣшаетъ сѣтующихъ , страждущихъ ободряетъ , падшихъ возстановляетъ , которая беззаконнымъ погибелью , неповиннымъ защитою , злодѣямъ страхомъ , добродѣтельнымъ людямъ есть украшенїемъ. На сїю уповая Цицеронъ , Катилинино бѣшенство и злоумышленныи на отечество совѣты разсыпалъ , сею , будучи безоруженъ , такъ побѣдилъ вооруженныхъ , что по признанїю и самихъ непріятелей заслужилъ онъ Лавръ

слав-

славнѣйшій всякаго торжественнаго входа во градъ всѣхъ Римскихъ побѣдителей. Сею одаренныи имѣютъ большую власть надъ людьми, нежели Тиранны. По тому, что Тиранны имѣютъ власть на тѣла вериги налагать, а душамъ не могутъ причинять никакого насилія; а сіи обладаютъ душами; и что они за честное и полезное почитаютъ, не только дѣлать, но и желать того другихъ принуждаютъ: тѣхъ повелѣнія съ отвращеніемъ, а сихъ съ усердіемъ исполняются: тѣ и ненавидятъ всѣхъ, и всѣми ненавидимы: а при сихъ, всему человѣческому роду благодѣтельствующихъ, непременная всѣхъ благосклонность пребываетъ неотступно. И хотя притворно презирающіи краснорѣчіе изящество онаго довольно вѣдаютъ, однако для того, что успѣть въ немъ не могутъ, желаютъ лучше завистливо ругать оное, нежели искренно слабость силъ своихъ исповѣдать. И такъ сіе есть рѣчи моей содержаніе, что хотя бы ничего другаго отъ насъ не требовалося кромѣ того, чтобъ мы толковали стихотворческія басни, и показывали бы юношеству будто путь, по которому возможно дойти къ способности

красно

красно говорить ; однако мы и тѣмъ самимъ обществу какъ не малую пользу приносимъ , такъ и въ не малыхъ и презрѣнія достойныхъ вещахъ упражняемся. А отъ насъ не только сіе одно требуется , но при томъ нѣтъ ни одной науки , достойной упражненія человѣка честно воспитаннаго , въ которой бы нѣкоего знанія не должно имѣть званіе свое похвально отправлять помышляющему. Чего ради сіе между ими и нами разнствіе , что они толкуютъ писателей такихъ , которыхъ цѣлое сочиненіе до одной только науки надлежитъ. Ибо въ книгахъ Діялектиковъ и Фисиковъ , или касающихся до врачебнаго , и правъ гражданскихъ знанія , почти ничего не сыщешъ , чего бы не изъ тѣхъ же самыхъ наукъ , отъ коихъ надписаніе свое получили , выразумѣть тебѣ было не возможно : а намъ ежедневно толковать надобно книги , сочиненные людьми во всѣхъ наукахъ искуснѣйшими , и содержащіе въ себѣ безчисленныя мѣста , изо всѣхъ наукъ почерпнутыя. Слѣдовательно прочіи , хотя въ одной только своей наукѣ искусны , а во всемъ другомъ крайніи невѣжи , однако къ отправленію своея должности спо-

соб-

собными почитаются. Ни кто не вмѣняетъ никогда за безчестїе врачу не знать законовъ, или законоучителю не вѣдать врачебной и звѣздочетной науки. Мы, только одни, коимъ необходимо должно всю сїю свободныхъ наукъ обширность хотя не во все обтечь, и измѣрять, однако осмотрѣть, и получить объ оныхъ нѣкоторое по крайней мѣрѣ понятїе. Не надобно далеко искать намъ доказательствъ. Прошлаго года толковалъ я Цицероновы рѣчи противу Верра. Помнятъ бывшїи тогда въприсутствїи, коль много мѣстъ изъяснялъ я такихъ, въ коихъ для незнанїя гражданскаго права почти всѣ другїи ошибалися. Теперь его же книги о самомъ вышнемъ благополучи и крайнемъ нещастїи толковать я вознамѣрился. Коль много вещей должно мнѣ заимствовать изо всѣхъ частей любомудрїя, коихъ не вѣдая, и сихъ книгъ во все разумѣть не возможно! Что небесныхъ свѣтилъ знанїе? Что описанїе земель? Ежели кто сихъ наукъ ни мало не вкусилъ, можетъ ли себя назвать довольно способнымъ Стихотворцевъ толкователемъ? Однако со всѣмъ тѣмъ есть такїи ненавистники, которыи думаютъ, что мы играемъ,

и кощунствуемъ , ничему не учимъ , но только о дѣтскомъ увеселеніи имѣемъ попеченіе. При семъ и то упомянуть надобно , что отъ учителей вышнихъ наукъ ни краснорѣчія , ни чистаго Латинскаго слога во многихъ случаяхъ не требуется. Хотя бы они пустословили, не чисто , не свойственно, странно говорили , все имъ дозволяется : а мы , когда говоримъ , имѣемъ будто сѣти нѣкіе на насъ поставляющихъ такъ , что , ежели ошибкою какое словце слуху не весьма приятное изъ устъ вылетитъ , тотъ часъ велятъ намъ принесть оправданіе, для чего Латинскому языку учинили мы насиліе , и , что за крайнюю несправедливость почитать должно , думаютъ , что погрѣшаемъ ; ежели и въ нечаянно случившемся разговорѣ нашемъ не обрѣтается краснорѣчія. И такъ кто сего не видитъ , что надобно намъ подвергнуть себя трудамъ безконечнымъ , ежели такимъ людямъ во всемъ удовлетворить пожелаемъ. Того ради да престануть сіи похвальныхъ упражненій презиратели умалять чужую славу , да заградятъ себѣ уста , показующія зависть и безуміе. А вы , почтеннѣйшіи Сенаторы , продолжайте милость и щедро-

ты вами являемые изливать на труды наши, дабы сіе цвѣтущее и въ наукахъ свободныхъ прилѣжно упражняющееся юношество, ученіемъ симъ нашимъ къ добродѣтели приуготованное, возмогло удобнѣе въ правленіи сего благополучнѣйшаго общества подражать впредь вашему благоразумію.

Съ Лашинскаго перевелъ Н. М.

II.

ЕСХИНА
СОКРАТИЧЕСКАГО ФИЛОСОФА
РАЗГОВОРЪ
О ДОБРОДѢТЕЛИ:

Можно ли оную пріобрѣсть ученіемъ?

Сохратъ и другъ его.

Сохр. МОжно ли научить кого, быть добродѣтельнымъ, или нѣтъ? а когда послѣднее истинно, то отъ естества ли бываютъ люди добрые, или инымъ какимъ образомъ?

Друз.

Друг. Не могу я тебѣ, Сократъ, на сей вопросъ отвѣтствовать.

Сокр. Такъ станемъ мы теперь о семъ разсуждать. Естьли кто хочетъ имѣть успѣхи въ томъ искуствѣ, по которому бываютъ хорошіе повары, то откуда оное себѣ приобрѣсть можетъ?

Друг. Непремѣнно отъ ученія у искусныхъ поваровъ.

Сокр. А естьли кто хочетъ искуснымъ быть врачемъ, то къ кому пойдетъ учиться сей наукѣ?

Друг. Извѣстно, что къ какому нибудь искусному врачу?

Сокр. Естьли же кто желаетъ похвалу себѣ заслужить у всѣхъ тѣмъ, что онъ искусный здатель?

Друг. Такому надлежитъ обучаться у здателей.

Сокр. Хорошо отвѣчаешъ. А ежели кто похочетъ достигнуть къ совершенству въ добродѣтели, на верьхъ котораго восходятъ люди добрые и премудрые; то гдѣ онъ сему учиться долженъ?

Друг. Я думаю, что онъ и сему научится не у кого другаго, какъ у добрыхъ людей, лишъ бы только было можно ученіемъ приобрѣсти честность.

Сокр. И такъ посмотримъ, какіе у

насъ были люди добрые; и они ли тѣ, кои другихъ дѣлаютъ добрыми?

Друг. Ѳукидидъ и Ѳемистоклъ и Аристидъ и Периклъ.

Сокр. Кто таковы были ихъ въ семъ учители, извѣстно ли?

Друг. Ни какъ. Я про то ни отъ кого не слыхалъ.

Сокр. Такъ не слышно ли хотя объ ученикахъ? не учился ли кто у нихъ изъ чужестранныхъ или изъ гражданъ; либо другой кто, вольный или рабъ? и нѣтъ ли кого нибудь, о которомъ бы говорили, что онъ отъ обхожденія съ ними здѣлался добрымъ и премудрымъ?

Друг. И про сего никто ничего не говоритъ.

Сокр. Не отъ зависти ли полно не хотѣли они другихъ людей здѣлать участниками своей добродѣтели?

Друг. Можетъ быть.

Сокр. И то надѣюсь для того, чтобъ имъ подражателей и противниковъ не было въ искуствѣ ихъ, какъ дѣлаютъ повары, врачи и здатели, ибо не столько имъ прибыльно, когда много есть имъ равныхъ, да и жить имъ между многими искуству ихъ подражателями не полезно. И такъ не ина-

ко

ко, думаю, и добрымъ людямъ пользы въ томъ нѣтъ, чтобъ жить съ подобными себѣ.

Друг. Можетъ статься.

Сокр. А они сами не были ли люди добрые и справедливые ?

Друг. Истинно такъ , были.

Сокр. По сему есть такіе люди , которымъ полезнѣе жить съ худыми , нежели съ добрыми людьми ?

Друг. Не могу сказать.

Сокр. Не можешъ ли мнѣ и того сказать , добрыхъ ли людей дѣло вредить , а худыхъ приносить пользу ; или вопреки ?

Друг. Вопреки непремѣнно.

Сокр. И такъ добрые приносятъ пользу , а худые вредъ ?

Друг. Конечно такъ.

Сокр. Но можетъ ли кто быть таковъ, который бы лучше хотѣлъ претерпѣвать вредъ , нежели имѣть пользу ?

Друг. Никакъ.

Сокр. Того ради нѣтъ никого , кто бы желалъ жить лучше съ худыми , нежели съ добрыми ?

Друг. Да , такъ.

Сокр. По тому никто изъ добрыхъ людей и не завидитъ другому въ томъ , что бы здѣлать его добрымъ и подобнымъ самому себѣ.

Друг. Кажется такъ по твоимъ рѣчамъ.

Сокр. Слышалъ ли ты, что Ѳемистоклъ имѣлъ сына Клеофанта?

Друг. Слышалъ.

Сокр. И такъ не завидѣлъ Ѳемистоклъ и сыну, чтобъ онъ былъ самымъ лучшимъ, для того что онъ ниже другому кому завидѣлъ, ежели только онъ былъ человѣкъ добрый, а что онъ былъ таковъ, прежде сказано.

Друг. Правда.

Сокр. Но знаешъ ли ты, что Ѳемистоклъ сына своего научилъ искусно и хорошо ѣздить на лошадяхъ, ибо онъ стоя прямо садился на лошадь, и копьемъ металъ съ лошади сидя прямо; и многія другія удивительныя вещи онъ дѣлалъ, научився отъ хорошихъ учителей. Не слыхалъ ли ты про ето у стариковъ?

Друг. Слыхалъ.

Сокр. По сему, природа сына его, не возможно, чтобъ была худа.

Друг. Изъ рѣчей твоихъ объ немъ заключить сего не льзя.

Сокр. А о томъ, что бы Клеофантъ, Ѳемистокловъ сынъ, былъ добрымъ и премудрымъ человѣкомъ, каковъ былъ отецъ его, слыхалъ ли ты отъ ка-

какихъ нибудь молодыхъ или старыхъ людей ?

Друг. Нѣтъ не слыхалъ.

Сокр. И такъ должно думать, что онъ сына своего хотѣлъ обучить показаннымъ выше искуствамъ ; а въ той премудрости, которую онъ самъ имѣлъ, не здѣлалъ его ; естьли только добродѣтели учить можно ; ни чѣмъ лучше другихъ своихъ сосѣдовъ ?

Друг. Кажется , что нѣтъ.

Сокр. Таковъ сей твой учитель добродѣтели , котораго ты мнѣ предложилъ. Разсмотримъ другаго Аристида , который воспиталъ Лисимаха , и избравъ хорошихъ учителей , обучилъ его лучше всѣхъ Аѳинянъ , а добрымъ человѣкомъ его не здѣлалъ. Сего и ты знаешъ и я , и въ одно время онъ жилъ съ нами.

Друг. Знаю.

Сокр. Не неизвѣстно тебѣ также, что у Перикла были сыновья Паралъ и Ксанѳиппъ , изъ которыхъ одному и ты былъ другомъ. Сихъ онъ , вѣдаешъ, научилъ очень хорошо ѣздить на лошадяхъ ; были они искусны въ мусикѣ и въ другихъ къ подвигамъ надлежащихъ упражненіяхъ, и прочія нѣкоторыя искуства, коимъ можно было научиться,

знали не худо ; а добрыми людьми не хотѣлъ ли онъ ихъ здѣлать ?

Друг. Можетъ быть они, Сократъ, и были бы добрыми ; естьли бы въ молодыхъ лѣтахъ не умерли.

Сокр. Ты и теперь ихъ по прежней твоей любви защищаешь. Но Периклъ естьли бы можно было добродѣтели научить, и онъ бы былъ въ силахъ сіе здѣлать, то конечно прежде всего здѣлалъ бы ихъ премудрыми въ той добродѣтели, которую самъ имѣлъ, а потомъ бы велѣлъ ихъ обучать мусикѣ и другимъ къ подвигамъ надлежащимъ тѣлеснымъ упражненіямъ. Однако я не думаю, что бы можно было научить добродѣтели. И Ѳукидидъ имѣлъ также двухъ сыновей, Мелисія и Стефана, о которыхъ ты не можешь того сказать, что сказывалъ прежде о сынахъ Перикловыхъ : ты знаешь, что одинъ изъ нихъ достигъ старости, а другой несравненно долѣе перьваго жилъ. Сихъ обучилъ отецъ, какъ прочимъ многимъ искуствамъ, такъ и особливо борбѣ, отдавъ одного въ науку Ксанѳію, а другаго Евдору. Куды, какъ искусно они боролись ! лучше ихъ борцовъ въ Аѳинахъ не было.

Друг. Правду говоришь.

Сокр.

Сокр. Какъ же ты думаешь? Развѣ Ѳукидидъ училъ только дѣтей своихъ тому, чему, употребя немалое иждивенїе, учить было можно: а тому ихъ онъ знать не училъ, на что не надобно было ничего издерживать, то есть, что бы здѣлать ихъ добрыми людьми, естьли бы возможно было сему научить?

Друг. Вѣроятная догадка. Но можетъ быть Ѳукидидъ самъ о томъ не радѣлъ.

Сокр. Не было ли у него премного друзей не только изъ Аѳинянъ, но и изъ союзниковъ ихъ? не было ли у него довольно родственниковъ и домашнихъ? не великъ ли и незнатенъ ли онъ былъ въ другихъ Еллинскихъ городахъ не меньше какъ и въ семъ? И такъ хотя бы самому ему и недосужно было по причинѣ гражданскаго правленїя, къ чему онъ прилагалъ всевозможное стараніе, однако сыскалъ бы онъ кого нибудь изъ одноземцовъ своихъ или изъ иностранныхъ пріятелей; который бы сыновъ его здѣлалъ добрыми людьми, естьли бы только было можно сему научить Но видно, другъ мой, что добродѣтели учить дѣло не возможное

Друг. Такъ кажется. А естьли добродѣтели не льзя научить, такъ слѣдуетъ, что отъ естества бываютъ люди добрые.

Сокр. Разсмотримъ и сіе: а восли бо правду сыщемъ. Есть ли лошади отъ природы добрыя?

Друг. Есть.

Сокр. По сему есть и такіе люди, которые сіе искуство знаютъ, чтобъ по оному узнавать природу добрыхъ лошадей, не только въ ходѣ изъ сложенія тѣлеснаго, но и рьяны ли они или нѣтъ въ разсужденіи духа?

Друг. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Какъ сіе искуство называютъ? есть ли ему какое имя?

Друг. Знаніе о лошадяхъ.

Сокр. Подобнымъ образомъ и въ разсужденіи псовъ, есть ли какое искуство, коимъ природу добрыхъ и худыхъ псовъ узнаваютъ?

Друг. Также есть.

Сокр. Какъ оное зовутъ?

Друг. Знаніе о псахъ.

Сокр. Не дѣлается ли тоже и съ золотомъ и серебромъ? нѣтъ ли такихъ людей, которые однимъ взоромъ узнаваютъ, которое лучше или хуже?

Друг.

Друг. Кто сего не знаетъ, что есть и такіе люди.

Сохр. Какъ ихъ называютъ?

Друг. Серебрениками.

Сохр. Да и надзиратели дѣтей въ училищахъ, гдѣ обучаются тѣлеснымъ упражненіямъ, разсматривая не только у отроковъ, но и у тѣхъ, кои постарѣе, естественный человѣческаго тѣла составъ, который изъ нихъ годенъ или неспособенъ къ понесенію всякихъ трудовъ, въ передъ узнаваютъ; которыя тѣла достойны рачительнаго призиранія, и въ которыхъ есть надежда преизряднаго успѣха въ отправленіи тѣлесныхъ подвиговъ.

Друг Такъ не ложно.

Сохр. Въ гражданствѣ нужнѣе ли добрыя лошади и псы и прочее сему подобное, или люди добрые?

Друг. Люди добрые нужнѣе.

Сохр. Какъ же ты думаешъ? Есть ли бы люди отъ природы имѣли расположеніе и способность къ добродѣтели, не старался ли бы всѣми силами весь человѣческій родъ распознать оныя?

Друг. Вѣроятно.

Сохр. Чтожъ, не можешъ ли ты мнѣ сказать, какое бы сіе искуство было, которое природы людей добрыхъ

рыхъ разсматриваетъ , и съ доказательствами разсуждаетъ объ оныхъ ?

Друг. Незнаю никакого.

Сокр. Великой бы по истинѣ цѣны стояло таковое искуспво , и имѣющіе оное. Ибо сіи намъ показывали бы малолѣтныхъ еще отроковъ , которые добрыми будутъ людьми : а мы бы оныхъ хранили въ замкѣ , какъ общенародную казну или и нѣчто большее , чтобъ никакого не претерпѣли вреда ни во время войны , ниже въ другихъ какихъ града бѣдствіяхъ : но остались бы невредимы на избавленіе и благодѣпельспвованіе всему обществу , когда совершеннаго достигнутъ возраста. Однако сомнительно , чтобъ люди могли себѣ приобрѣсть добродѣтель или ученіемъ или отъ природы.

Друг. Какимъ же образомъ , Сократъ , бываютъ по твоему мнѣнію люди добрые , естьли ни отъ природы ни ученіемъ ?

Сокр. Я думаю , что ясно сего показать неудобно : а догадываюсь , что сіе есть божественное нѣкое дарованіе , и люди бываютъ добрыми не инако какъ провѣщатели и прорицатели. Ибо и сіи ни искуствомъ ни отъ природы таковы бываютъ , но божіимъ мано-

ве-

вѣніемъ. Такъ и добрые люди предвѣщаютъ всегда государствамъ будущее вдохновеніемъ божественнымъ и гораздо яснѣе и извѣстнѣе, нежели прорицатели. Женскій полъ вообще говоритъ такъ: сей мужъ есть божественный. И Лакедемоняне когда кого великолѣпными ублажаютъ похвалами, божественнымъ мужемъ нарицаютъ. Часто и Омиръ употребляетъ сіе слово и другіе стихотворцы. И ежели хощетъ богъ какое государство здѣлать благополучнымъ, то производитъ въ немъ людей добрыхъ: естьли же опредѣлитъ въ нещастіе ввергнуть, то добрыхъ людей изъ онаго изъемлетъ. И такъ кажется, что добродѣтели ни научиться не можно, ниже отъ естества получить, но стяжающіе оную приемлютъ безпосредственно отъ судебъ божіихъ.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

* * *

III.

III.

Изъ второй книги исторіи

ТИТА ЛИВІЯ ПАТАВИТЯНИНА

о походѣ ФАБІЕВЪ противу ВЕЕНТЯНЪ.

Получивъ ударъ отъ Веентянъ безразсудностію одного Консула Римляне потеряли бы все войско, естьли бы Кесонъ Фабій въ самое то время не поспѣлъ на помощь. Съ тѣхъ поръ Римляне съ Веентянами ни совершеннаго мира ни прямой войны не имѣли; и дѣло сіе было больше всего похоже на разбойничество. Когда Римскіе выходили на нихъ полки, то они въ городъ отступали, а по возвращеніи полковъ въ Римъ дѣлали нападенія на поля, ухищренным образомъ отъ себя отвращая войну миромъ, а миръ войною. И такъ ни оставить сего дѣла, ни окончить было не льзя: и другія войны не миновано и въ скоромъ времени предстояли, какъ то отъ Екѣовъ и Волсковъ до

тѣхъ

тѣхъ только поръ мирно живущихъ, покамѣстъ новополученный боль недавно бывшаго пораженія пройдетъ. Казалось, что и Сабины, наши всегдашніе непріятели, и вся Етрурія на насъ вскорѣ востанетъ. Но Веентяне, не столько нанося великой вредъ, какъ безпрестанно непріятельски нападая, чаще духъ нашъ въ огорченіе приводили, нежели были опасны. Ибо ни въ кое время ихъ пренебречь было не возможно, и не льзя было для нихъ ни куда инуда силъ своихъ обратить. Тогда родъ Фабіевъ пришелъ въ Сенатъ: Консулъ именемъ всѣхъ началъ говорить такъ: Вы сами знаете, почтенные Сенаторы, что война съ Веентянами не такъ многочисленнаго войска, какъ безпрестаннаго требуетъ сопротивленія. И такъ вы о томъ имѣйте попеченіе, какъ съ прочими воевать народами, а Фабіямъ однимъ поручите войну противу Веентянъ. Мы васъ въ томъ увѣряемъ, что при семъ нашемъ предпріятіи величество народа Римскаго пребудетъ безопасно. На сію войну будто какъ на свою домашнюю собственное наше иждивеніе употребить мы намѣрены. Пускай намъ на то не даетъ общество ни воиновъ ни денегъ. Великое имъ благодареніе за

по

то приносили. Консулъ вышедши изъ Куріи, пошелъ домой; а за нимъ и весь родъ Фабіевъ, которые въ сѣняхъ предъ Куріею стоя сенатскаго ожидали опредѣленія. Приказъ отданъ слѣдующаго дни всѣмъ въ ружьѣ у Консулскаго двора собраться; по семъ разошлись они по домамъ. Тотъ часъ по всему городу пронесся слухъ: Фабіевъ превозносили до небесъ похвалами за то, что одинъ родъ принялъ на себя бремя всего общества; говорили, что война противу Веентянъ изъ общей здѣлалась участною, и участнымъ иждивеніемъ и стараніемъ будетъ производиться. Когда бы, говорили, еще два роды были въ Римѣ такъ сильные и такъ богатые, то бы непремѣнно одинъ изъ нихъ противу Волсковъ, другой противъ Екковъ подобнымъ образомъ предпринять войну позволенія у Сената требовали. И такъ при ненарушимомъ покоѣ народа Римскаго легко бы можно покорить всѣ сосѣдственные народы. Фабіи на другой день вооруженные всѣ пришли на означенное мѣсто. Консулъ въ багряницѣ вышедши въ сѣни, весь родъ Фабіевъ увидѣлъ въ строю, и вошедъ въ средину велѣлъ, поднять знамена, и въ походъ

кого войска , которое бы и такъ малолюдно было , и съ толикою славою и всенароднымъ удивленїемъ шло чрезъ городъ. Триста шесть воиновъ , всѣ Сенаторскїе дѣти , всѣ одного рода , изъ которыхъ бы каждаго имѣть вождемъ не постыдился избранный Сенатъ во всякое время. Они шествовали , силами одного рода грозя Веентянамъ погибель и конечное разрушенїе. Слѣдовалъ за ними сонмъ , одинъ родственниковъ и приятелей , которые ни страхомъ не были одержимы , ни надеждою , и не имѣли въ мысляхъ своихъ ничего , что бы малымъ и подлымъ могло назваться , но все чрезвычайное , все высокое ; другой общенароднымъ попеченїемъ возбужденный и въ разныя углубленный размышленїя , удивленїе купно и доброжелательство свое оказывая восклицалъ : Шествуйте , храбрые мужи , шествуйте благополучно ; дай Богъ , что бы предпрїятїя ваши безпрепятственно желаемаго достигли конца ; и по возвращенїи вашемъ имѣйте твердую надежду , что мы васъ возведемъ на Консулскїя достоинства , и побѣдоносному оружїю вашему торжественный входъ въ сей городъ дозволимъ. А когда они мимо замка , мимо Капитолїи , мимо

другихъ храмовъ шли, тогда всѣ единомышленно возсылали молитвы къ богамъ не только тѣмъ, на коихъ храмы взирали, но и которые въ то время представлялися ихъ мыслямъ, что бы идущему воиновъ собранїю щедротами своими щастїе и благополучїе даровали, и скорымъ онаго при ненарушимомъ здравїи возвращенїемъ обрадовали родителей ихъ и все отечество.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

IV.

СОНЪ,

ЩАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО.

ЗАснувъ нѣкогда увидѣлъ я въ успокоенїи моемъ мечтанїе благополучїя общества, приведеннаго въ такое состоянїе, каковаго несовершенство естества достигнуть можетъ. Былъ я въ мечтательной странѣ, и разсмотрѣлъ подробно мечтательное оныя благо-

со-

состоянїе. Страна сїя обладаема великимъ человѣкомъ, котораго неусыпное попеченїе, съ помощїю избранныхъ ево помощниковъ подало подвластному ему народу благоденствїе. Желая объявить о порядкѣ ево владѣнїя начну я собственною ево особою. Сей Государь во многодѣлїи своемъ смѣшенныхъ мыслей и слѣдственно мрачнаго вида не имѣетъ. Онъ имѣетъ обыкновенїе не всегда въ дѣлахъ, но иногда и въ забавахъ упражняться, однако и въ нихъ не погубляетъ онъ драгоцѣннаго времени; ибо и они на всенародной основаны пользѣ. Всѣхъ подданныхъ своихъ приемлетъ онъ ласково, и всѣ дѣла выслушиваетъ терпѣливно. Достоинство не остается безъ воздаянїя, беззаконїе безъ наказанїя, а преступленїе безъ исправленїя. Симъ имѣетъ онъ народную любовь, страхъ и почтенїе. Получить ево милость нѣтъ иной дороги кромѣ достоинства. Раздражить ево кромѣ беззаконїя и нерадѣнїя ни чемъ не возможно. Слабости прощаетъ онъ милосердо, беззаконїя наказуетъ строго. Начальниками дѣлаетъ онъ людей честныхъ, разумныхъ и во званїи своемъ искусныхъ. Отроки по склонностямъ въ обученїе отдаются, люди совершеннаго возра-

ста по способности распредѣляются, а въ начальники производятся по достоинству, и отъ того, имъ, подчиненныя исполняютъ ихъ повелѣнія съ великимъ усердіемъ, а они о ихъ благополучіи стараются. Сей Государь ни чево служащаго пользѣ общества не забываетъ, а о собственной своей пользѣ кромѣ истинной своей славы никогда не думаетъ. Благочестіе не допускающее примѣситься себѣ суевѣрію въ сей странѣ, есть основаніе всего народнаго благополучія. Духовныя содержатся въ великомъ почтеніи, котораго они и достойны. Они во многомъ подобны Стоическимъ Философамъ; ибо страсти самую малую искру области надъ ними имѣютъ, а они равны и во благополучіи и во злополучіи. Къ пищѣ привыкли они необходимой. Кромѣ необходимости, ни въ чемъ, ни чево не требуютъ, и довольствуются содержаніемъ, безъ малѣйшаго излишества, не имѣя при томъ и ни малѣйшаго, вреднаго человѣческому естеству недостатка. Всѣ они люди великаго ученія и безпорочныя жизни. Перьвое служитъ ко наставленію добродѣтели, а второе къ показанію образца проповѣдуемой ими добродѣтельной жизни.

Свѣт-

Свѣтскія почитаютъ ихъ безмѣрно ; но сіе не приключаетъ имъ высокомѣрія, но увеличиваетъ ихъ человѣколюбіе. Во Свѣтскія дѣла они ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваются , а науки , благочестія, просвѣщеніемъ почитаютъ. О домостроительствѣ они не пекутся ; ибо содержитъ ихъ общество , и получаютъ они опредѣленное , а больше того имъ никто участно дать не дерзаетъ ; ибо то наказанію подвержено , да они и сами въ сіе преступленіе не впадаютъ ; сіе нарушаетъ правила ихъ и опровергаетъ почтеніе , заслуженное ими по справедливости. Они ко Свѣтскимъ , а Свѣтскія къ нимъ имѣютъ любовь , и отъ того между духовными и Свѣтскими согласіе , что на свѣтѣ бываетъ рѣдко. Суевѣрія и лицемѣрія они непріятели , перьвое язвою благочестія почитая; а второе лукавствомъ затмѣвающимъ сіяніе благочестія , подъ ложнымъ видомъ умноженія лучей ево , и маскою злодѣянія ; ибо де истинное благочестіе притворства не требуетъ. Главное Свѣтское правленіе называется тамъ , Государственный совѣтъ. Въ нево ни какихъ участныхъ дѣлъ не вносится. Тамъ , разпорядки , исправленія , узаконенія и протчія государственныя

венныя основанїя , или по повелѣнїю Монарха или ко предложенїю оному. Узаконенїя въ области сей дѣлаются очень рѣдко, а отмѣняются еще рѣже. Книга узаконенїй ихъ не больше нашего Календара , и у всѣхъ выучена наизустъ , а грамотѣ тамо всѣ знаютъ. Сія книга начинается тако: ЧЕВО СЕБѢ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОВО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ А оканчевается : ЗА ДОБРОДѢТЕЛЬ ВОЗДАЯНІЕ А ЗА БЕЗЗАКОНІЕ КАЗНЬ. Права ихъ отъ того въ такую малую вмѣщены книгу , что всѣ они на одномъ естественномъ законѣ основаны. Преступить законъ , тамо народъ весьма опасается ; ибо заслуживъ приличное винѣ своей наказанїе , уменшенїя онаго имѣть не уповаетъ , а живучи честно ни чево не опасается. Дражайшая безопасность , упованїе на невинность , и неизбѣжное наказанїе , твердо содержатъ людей сего народа въ границахъ честности: Въ Государственномъ совѣтѣ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ больше судей нежели писцовъ , и бумаги исходитъ очень мало. Писцы ихъ пишутъ очень коротко и ясно. Дѣла во всѣхъ приказахъ вершатся не по числу голосовъ , но по книгѣ узаконенїй , отъ чего ни спо-

споровъ ни неправды не бываетъ. Тѣ, которыя неправильно бьютчеломъ, сверьхъ потерянїя тяжбы и убытка, у всѣхъ въ презрѣнїе приходятъ, а тѣ, которыя не по книгѣ узаконенїй дѣла вершатъ, за неправду лишаются должностей своихъ; и для того узаконенїя ясно изображенныя, свято и не нарушимо наблюдаются. Дѣла оканчеваютъ очень скоро, для того что очень мало спорятъ, а еще менше пишутъ, и ни челобитчиковъ, ни отвѣтчиковъ лишняго говорить не допускаютъ, а главная причина скорости ихъ безпристрастїе. За малѣйшїя взятки лишается судья и чина своево и всево имѣнїя; однако дѣти винныхъ людей ни чево не теряютъ; ибо все имъ возвращается. Дѣти тамо за отеческїя прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имѣютъ тамо люди ни благородства, ни подлородства, и преимуществуютъ по чинамъ даннымъ имъ по ихъ достоинствамъ, и столько же права крестьянской имѣетъ сынъ быть великимъ господиномъ, сколько сынъ перьваго Вельможи. А сїе подаетъ охоту ко снисканїю достоинства, ревность ко услугамъ отечеству и отвращенїе отъ тунеядства. Всякая наука,

всякое полезное упражненїе, всякое художество, и всякое ремесло, по размѣру своея доброты и по размѣру успѣха труждающагося, тамо въ почтенїи, а шунеядство въ превеличайшемъ презрѣнїи, и слово шунеядецъ жестокая тамо брань, которыя гнушаяся, къ работѣ люди съ самаго младенчества привыкаютъ. Пьянство мгла благоразумїя и источникъ наглыхъ и вредительныхъ поведенїй, такъ же въ великомъ тамо презрѣнїи, и благоразумнымъ обыкновенїемъ вкореняется отъ него въ людяхъ отвращенїе при воспитанїи. Денежныя игры, приличныя шунеядцамъ и добывателямъ безполезнаго обществу труда денегъ и погубителямъ времени, могущаго употребленнымъ быть на что нибудь надобное, у нихъ почитая волность, хотя и не заказаны, подобно какъ и пьянство, однако часто упражняющїяся въ нихъ люди, презираются. Больше мѣсяца въ судебныхъ тамо мѣстахъ ни какое дѣло не продолжается, а по мѣсяцу времени берутъ только самыя завящивыя дѣла. Что не требуетъ раздумчивости, на то въ самую минуту предложенїя дѣлается и рѣшенїе. Всякое челобитье у нихъ законною нуждою почитается,

ра-

ради которой челобитчики и отвѣтчики отъ своихъ должностей уволяются, а ежели должность просящихъ суда или оправдающихся по важности увольненія не терпитъ, тогда опредѣленныя на то стряпчія всѣ собравъ доказательства и оправданія, съ принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о дѣлѣ спараются, подъ смотрѣніемъ начальника стряпчихъ, что у нихъ чинъ великой. Дѣла изъ города въ городъ и изъ приказа въ приказъ не переносятся, а ежели судящія неправедно осудятъ, тогда оное дѣло разсматривается въ государственномъ совѣтѣ, что бываетъ очень рѣдко, а по сему разсмотрѣнію слѣдуетъ судьямъ наказаніе; а когда проситель судей обнесетъ неправильно; онъ еще большему наказанію подвергается, что еще рѣже бываетъ. Судьи для подозрѣнія отъ дѣлъ не отрѣшаются; ибо никто противъ узаконеній голоса подать не дерзаетъ, подобно какъ законодавцы не должны дерзать дѣлать узаконеній противъ истинны; и тако не судьи тамо страшны, но судъ, который основанъ на узаконеніяхъ, а узаконенія на истиннѣ. Войски ихъ состоятъ подъ воинственнымъ совѣтомъ

а сей совѣтъ подъ Государственнымъ. Главныя люди въ воинской службѣ называются Военачальниками, а подъ ними Полководцы, и такъ ниже. Всякой Военачальникъ и всѣ воинскія начальники прежде быть рядовыми, всѣ нижнія степени пройти, и всѣ оныхъ исполненія познать и въ нихъ совершенно углубиться одолженны. Но не только едина привычка, ниже при томъ и мужество еще не довольны тамо для Военачальника. Остроумїе и великое знанїе сверьхъ того ему необходимы: первое для скораго проницанія, а второе для благоразумнаго расположенїя ево предпрїятїй. Воины по степенямъ исполняютъ повелѣнія своихъ начальниковъ съ превеликимъ наблюденїемъ, и дѣлаютъ имъ великое почтенїе, а начальники ни малѣйшаго къ подчиненнымъ не имѣютъ уничтоженія. Въ мирное время войски ихъ непрестанно воинскимъ обрядамъ обучаются, и снабдѣнны всѣмъ во всякое время ко бранному походу готовы. Къ суровой жизни военныя люди всѣми мѣрами стараются привыкнуть, и какъ защитники отечества народомъ почитаемы и любимы. Они имѣютъ похвалу; что коль велико во время сраженія ихъ муже-

жество , толики послѣ побѣды ихъ человѣколюбїе и великодушїе. Симъ приносятъ они сугубую славу своему отечеству , и сугубое почтенїе отъ самихъ непрїятелей. Подчиненныя такъ обыкли повиноваться своимъ начальникамъ , что во время жесточайшаго распаленїя единымъ словомъ обуздоваются. Добычь воинская имъ не извѣстна ; то у нихъ заказано , а что получится , то послѣ порядочно и разсмотрительно раздѣляется , отъ чево воины думаютъ о побѣдѣ а не о добычѣ. Побѣжденныхъ и непротивящихся убивать запрещено , подъ лишенїемъ жизни. Больше бы мнѣ еще грезилося ; но я живу подъ самою колокольнею : стали звонить и меня разбудили , и лишили меня сего приятнѣйшаго привидѣнїя. Дай боже , что бы сны подобныя сну сему многимъ видилися , а особливо наперстникамъ фортуны.

А. С.

* * *

V.

V.

ИЗЪ ГОЛЬБЕРГОВЫХЪ ПИСЕМЪ.

ВЫ хотите знать отъ меня, какъ самымъ лутчимъ образомъ слово Петиметеръ изобразить можно. Я самъ долгое время въ изобрѣтенїи онаго всуе трудился. И для сего спрашивалъ я у другихъ, которыя сильняе меня въ языкѣ; однако до сего времени ни кто не имѣлъ щастїя найти такова слова, которое бы точное тому знаменованїе имѣло. Нѣкоторыя думаютъ, что слово Петиметеръ можно всево способняе такъ выразить: двуногой комаръ; ибо почти ни одно животное столько много ненаскучитъ какъ комаръ; но сїе слово такъ же несовершенно, не упоминая того, что комаръ только лѣтомъ летаетъ и людей обеспокоиваетъ; напротивъ того Петиметеръ во весь годъ другихъ людей беспокойствомъ мучитъ, а зимою всего несносняе бываетъ; ибо въ сїе время большая часть людей переднїя большихъ го-

господѣ наполняетъ. А въ то же самое время и Театральныя дѣйствія представляются, гдѣ господа Петиметеры способнѣйшій случай имѣютъ оказывать свои чудныя свойства. Въ первомъ мѣстѣ, то есть, въ переднихъ большихъ господъ, подаютъ они случай другимъ людямъ удивляться ихъ благодарной вольности, новомодному платью, размѣрнымъ выступкамъ и пр: при чемъ крайнія свои силы употребляютъ они, показать своимъ согражданамъ, что они самый лутчій сокъ изовсѣхъ жителей той земли, и что они и малѣйшія знаки истребили и отбросили всего того, что мѣщанствомъ и подлостью называется. При Театральныхъ представленіяхъ осуждаютъ они все то, что слышатъ, и все то, чево и не слышатъ, презираютъ то все, что другія хвалятъ, какъ будто нарочно ради того они сотворены. Сіи и другія сему подобныя свойства, которыми Петиметеръ отъ другихъ людей отличается, причиняютъ трудность въ изысканіи приличнаго слова къ изъясненію Петиметера. Надлежало бы желать, чтобъ толико же трудно было сыскивать и самихъ Петиметеровъ, сколько трудно сыскивать слова къ изъяснению ихъ качества: однако

та-

такихъ животныхъ тварей много въ запасѣ, и какъ думать можно, такъ родъ сей никогда не вымретъ, покамѣстъ незаляжетъ дорога между другими городами и Парижемъ, откуда повседневно великое число рекрутовъ выѣзжаетъ; ибо Парижъ есть прямое и ссбственное мѣсто, гдѣ сіи овощи родятся, и куда изовсѣхъ земель молодыя люди въ великомъ числѣ пріѣзжаютъ снимать образцы съ Парижскихъ подлинниковъ, въ чемъ они удивительно щастливы. Впротчемъ же слово Петиметеръ въ новѣйшія времена извѣстно стало, и какъ думаютъ, во времена Герцога Мазарина впервыя появилось, которой былъ сынъ Маршала ** и пожалованъ былъ чиномъ Гранметера надъ Артилеріею. А имя Петиметеръ придавалось молодымъ придворнымъ людямъ, которыя однихъ лѣтъ съ Герцогомъ и Гранметеромъ были, и во всѣхъ поступкахъ и поведеніяхъ ему подражали. Послѣ того придали сіе имя всѣмъ тѣмъ, кои принятымъ на себя знатнымъ видомъ и поступками стараются отмѣнять себя отъ другихъ. И присвоютъ, себѣ право разсуждать объ остроумныхъ, а особливо о Театральныхъ изданіяхъ, и охуждать все, что не на ихъ чистой вкусъ здѣлано.

Авто-

Авторы и Актеры принуждены были по тому учреждать свои дѣла, и для того то Парижскія Комедіи пришли въ толь худое состояніе, въ которомъ мы ихъ нынѣ видимъ; ибо сіи Петиметеры поставляютъ себѣ за честь, уничтожать самыя лутчія Драммы, ни для чево инова какъ только что старыя разумныя люди доброй вкусъ и красоту въ оныхъ находятъ; хотя сами нималой способности не имѣютъ подать о томъ своихъ разсужденій; ибо во время представленія, глаза ихъ больше къ женскимъ ложамъ нежели къ Театру обращаются. Въ началѣ имя сіе придавали только дворянамъ молодымъ: а теперь уже носятъ оное и мѣщанскія дѣти, которыя имъ подражаютъ, и которыя во Франціи подъ именемъ Петиметеровъ Тюльерійскихъ извѣстны. Невозможно довольно надивиться, какъ наши образцы съ Парижскими подлинниками сходны, хотя имъ оное, какъ думать можно и не безъ труда досталось; ибо природа не во всѣхъ народахъ такое дѣйствіе имѣть можетъ какъ во Французахъ; чего ради нѣкоторой писатель справедливо говоритъ: *Французъ въ самой скорости и безъ труда можетъ Петиметеромъ здѣлатся; но*

дру-

другой родившійся не по Франціи, не такъ легко: хотя бъ и хотѣлъ, до того достигнетъ. Белокъ въ одной изъ своихъ Сатиръ весьма смѣшнымъ образомъ Петиметера представилъ, да и по справедливости ни какая вещь не можетъ подать ни чево лутчаго къ шуткѣ и смѣху какъ сія; ибо примѣчено, что сіи господчики не только всякого рода дурачествами, какія выдумать можно, наполнены; но и сіе особливое имѣютъ они, что члены свои ломаютъ и коверькаютъ походку, и всѣ дѣйствія страннымъ и особливымъ образомъ располагаютъ, а сіе у нихъ за особливую красоту почитается. Они презираютъ своихъ сограждан и смѣются ихъ прадѣдовскимъ поступкамъ, которыя обратно смѣются надъ ихъ Парижскимъ дурачествомъ. Когда разумнымъ людямъ, не взначай случается съ Петиметеромъ быти гдѣ въ гостяхъ, такъ они не могутъ довольно изъяснити всѣхъ слабостей ихъ; напротивъ того и тѣ не оставляютъ разсужденія, о ихъ грубости и худыхъ поведеніяхъ жизни. Въ протчемъ свойство Петиметера состоитъ въ томъ, что онъ другихъ пересужаетъ, и обратно отъ другихъ пересужается. Онъ есть какъ нѣкоторой

рой Французской Стихотворецъ говоритъ: животное критикованное, критекующее и критикуемое. Питиметоръ наполненъ дурачествомъ, но старается показывать себя еще глупяе нежели въ самомъ дѣлѣ онъ. Ево поведенїе учтивости и нахальства смесь. Онъ говоритъ много, а недумаетъ почти никогда. Палепратъ говоритъ: Петиметеръ есть такая тварь, которая во всемъ кривому пути слѣдуетъ, для того что протчее подло и помѣщански. Какъ Монахи Картезїянскаго устава никогда не говорятъ, такъ Петиметеръ говоритъ безпрерывно; однако изовсево ево болтанья наконецъ выйдетъ: Ничево; развѣ почесть за разговоръ звукъ тотъ, которой онъ табакеркою, перчатками, простью и комплиментами дѣлаетъ, что такъ вразумительно, какъ и стукъ на улицѣ причиненный ево каретою. Такъ описываютъ Петиметера, сами Французскїя разумныя, и всѣ другїя писатели. Я упомянулъ то, что слово сїе не можетъ хвалиться древностїю своего происхожденїя; но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ люди, которыя имъ означаются, хотя подъ другими именами прежде сего на свѣтѣ не были. Цесарь Неронъ

имѣлъ при своемъ дворѣ нѣкоторой родъ Петиметеровъ, которыя надъ Сенекою какъ надъ Педантомъ смѣялись; напротивъ тово, безъ сумнѣнія думать можно, что и Сенека ихъ не щадилъ насмѣшествомъ. Когда все сіе подробно разсудите, такъ найдете, что весьма трудно сыскать, равносильное Французскому слову Петиметеръ. Въ заключеніе жъ объявлю то, что Петиметеры не во всѣхъ мѣстахъ по одному образцу здѣланы. Наши гадкія Петиметеры суть справедливыя и точныя образцы съ Парижскихъ подлинниковъ; такъ что другова различія между ими не примѣчаютъ, какъ между снятаго образца и подлинника; а въ другихъ земляхъ, находятъ между ими великую разность. Нѣкоторой новой писатель, между прочимъ упоминаетъ, какъ Французскія Петиметеры отъ Аглинскихъ отличны. Французской Петиметеръ, говоритъ онъ, познавается по своему циркулемъ вымѣренному и уставному убору, по пустымъ и ни чево незначущимъ рѣчамъ, по слабому разсужденію, по многому ворчанью и стуку, по безмозглой головѣ, которая со всѣмъ опустошена и вычищена отовсего того, что здравымъ разсужденіемъ называется. Аглинской

ской Петиметеръ, различается отъ другихъ, короткимъ и непудренымъ парикомъ; платкомъ на шѣи, которой онъ вмѣсто галстуха употребляетъ, нахальными и подлыми рѣчьми, подражаніемъ грубыхъ поступокъ и подлыхъ нравовъ. Изъ сего видно, что Французской Петиметеръ, походитъ на обезьяну, а Аглинской можетъ уподобленъ быть медвѣдю. Да и по справедливости кажется, что оба съ великимъ трудомъ домогаются, чтобъ ихъ больше между людьми не числили.

Переведъ съ Дацкаго Иванъ Борисовъ.

VI.

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ.

Государь мой!

Благодарность всѣхъ любящихъ Словесныя науки, и особливо Россійской языкъ, которато вы силу и красоту въ разныхъ вашихъ сочиненіяхъ къ общей пользѣ и удовольствію от-

крыли, и что еще и нынѣ новыми Вашими изданіями ихъ удовольствіе продолжаете, оставляя способы и правила вамъ подражать, заставляетъ меня къ Вамъ сіе писать письмо. Вы показали въ вашихъ Драмматическихъ сочиненіяхъ чистоту, великолѣпіе и нѣжность нашего языка, Вы установили Россійской Театръ. Скорыя онаго успѣхи, склонность дѣйствующихъ, способность языка, и Ваше особливое о томъ раченіе намъ неоспоримыя того свидѣтели. Всѣ пользу онаго болѣ чувствуемъ, нежели я изъяснить могу. Желательно чтобъ и протчія Ваши нравоучительныя сочиненія такой же успѣхъ имѣли: а особливо тѣ, гдѣ Вы въ Вашихъ Періодическихъ изданіяхъ говорите о лихоимствѣ вреднѣйшемъ злѣ Государства. Вы имѣли даръ возбудить и умножить омерзѣніе честныхъ людей къ сему злѣйшему пороку. Я не сомнѣваюся, что Вы устыдите и усовѣстите тѣ подлыя души, есть ли въ нихъ еще какой либо добродѣтели есть остатки. Я пишу къ Вамъ сіе отъ нѣкотораго общества, которыхъ благородныя мысли отвѣтствуютъ знатности ихъ и благорожденію: они такъ ненавидятъ порокъ лихоимства, какъ

какъ гонителей онаго почитаютъ, Ваше имъ изобличенїе и ихъ беззаконїе доказываютъ, сколько они Вами одолженны, и сколько тотъ, которой ненавидя лихоимства, особливо честь имѣетъ быть.

Вашимъ, Государь мой! покорнымъ слугою.

К * * *

VII.

О КОПИСТАХЪ.

Я ни какова не имѣю недвижимаго имѣнїя, и слѣдственно не должно бы мнѣ имѣти было ни какова съ Подьячими дѣла, и подлинно то, что я уже безовсякаго сообщенїя съ симъ родомъ животныхъ, большую половину моево вѣка прожилъ, радуяся тому, что хотя я деревень и не имѣю, да и не имѣю и дѣла съ Подьячими; но судьбина моя не допустила меня дожить оставшїя мои дни во спокойствѣ, и быть избавленну отъ сообщенїя сихъ людей, которыхъ едино имя возму-

щаетъ весь мой духъ. Думалъ ли я когда, возшедъ на Геликонъ и услаждаяся потоками Иппокрены, что я еще увижу сіи твари, которыя мнѣ толикое подаютъ омерзѣнїе, и что они востревожатъ мое спокойство, и отъ тебя, возлюбленная Мельпомена! на вѣки меня отторгнутъ, и въ самое то еще время, въ которое Стихотворства жаръ паче прежняго серце мое наполняетъ и мое искуство на самый верьхъ силы моея восходитъ. Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ Россїя стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, Театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. На конецъ видите вы любезныя мои сограждане, что ни сочиненїя мои ни Акперы вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германїи многими Стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ Науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чистится началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ

вы

вы тому свидѣтели, сколько единой моей Трагедіи скорый переводъ чести мнѣ здѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ Членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ Чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далѣ еще Драмматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися; но скажу словами Апостола Павла: Дадеся мнѣ пакостникъ Ангелъ Сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ; да не превозношуся. Озлобленный мною родъ Подьяческій, которымъ вся Россія озлобленна, извергъ на меня самаго безграматнаго изъ себя Подьячева и самаго скареднаго крючкотворца. Претворился скаредъ сей въ клопа, и вползъ на Геликонъ, ввернулся подъ одежду Мельпомены и грызетъ прекрасное тѣло ея; и хотя грызеніе такой малой твари ей и сносно, но духъ, который сіе животное испускаетъ не сноснъ ей. Страдаетъ Богиня, а клопъ забавляется и говоритъ: Высокопревосходительная, Высокоблагородная и Высокопочтенная Госпожа, Госпожа Богиня! не имѣлося у меня съ Вашимъ Благородіемъ ни какой каришпанденціи до 1759 года, Генваря до 6 дня, а отъ того числа, отправляю я при Россійскомъ Театрѣ

Прокурорскую должность, и ежели что при оном вышереченном Театрѣ не въ силу указовъ и Уложенья дѣйствуется, долженъ я о томъ по присяжной моей должности протестовать и записывати то въ Протоколъ и Реестръ, что бы вирши были по силѣ правъ и не могло бы послѣдовать отъ какой нибудь буквы, какова ущерба казенному, интересу; а нынѣ мною усмотрѣно, что обрѣтающіяся при вышеобъявленномъ Театрѣ Копеисты шпаги носятъ, отъ чево протчимъ Приказнымъ служителямъ не безъ обиды; понеже не точію Копеисты но ниже Канцеляристы и судебныхъ мѣстъ, ни гдѣ шпагъ не носятъ; и дабы отъ Вашего Высокопревосходительства воспослѣдовала резелюція, чтобъ у вышепомянутыхъ Копеистовъ шпаги отобрать, не взирая на то что оное главному рода нашего непріятелю С • • • • смертно досадно будетъ; понеже мнѣ того то и хочется; а ежели отъ Вашего Высокосіятельства, милостивой резелюціи не воспослѣдуетъ; такъ я изъ подъ тѣлогрѣи Вашего Высокопревосходительства не выползу, и скареднымъ духомъ заражу весь Парнассъ, и не только тебя одну, но всѣхъ Музъ и Аполлона съ

Пар-

Парнасса згоню , и осѣдлавъ Пегаса какъ хочу , самъ разъѣзжати на немъ буду , и стану дѣлать вирши , Приказнымъ порядкомъ и Канцелярскимъ штилемъ , на зло тебѣ , другимъ Музамъ и Аполлону. Мельпомена , избавляя себя и Парнассъ , исполнила ево прощеніе. Вся во мнѣ загорѣлася кровь тогда : прибѣжалъ я къ Богинѣ , и говорилъ ей : то ли я заслужилъ о Богиня , чтобы ты въ угожденіе клопу , не памятуя того , что я во весь вѣкъ мой приносилъ тебѣ жертвы , отняла у меня охоту , прославляти имя твое , увеселяя нашу МОНАРХИНЮ и любезное мое отечество ? Ни кто больше не пойдетъ по стопамъ моимъ , когда мнѣ отъ тебя такое воздаяніе. Хотя бы я и не бросилъ пера изъ руки моей ; но кто списывать будетъ сочиненія мои ? Или ты хочетъ того , что бы я и Стихотворецъ былъ и Копистъ ? а въ Россіи мало еще людей , которыя по правописанію копировать могутъ , и ежели и сіе ободреніе отнять у обучаемыхъ отъ меня людей ; такъ ни когда путнова Киписта я не увижу ; ибо всякой писецъ лутче захочетъ быти безграмотнымъ Регистраторомъ и грабить , нежели обучаться правописа-

нїю и таскаться безъ шпаги ; или Домашнїя учители , Домашнїя Секретари, Каммердинеры и Повара достойняе тѣхъ Кописповъ, которыя мною обучаются? По чему они Подьячїя, нижайшїя степени , какъ ихъ благовонный клопъ называетъ ? Они , ни справокъ , ни выписокъ , не пишутъ. А ежели они Подьячїя , по тому только что они пищутъ ; такъ и я Подьячїй ; ибо и я пишу. Подьячїй то , кто писать правильно не умѣетъ и беретъ за плутеки Акциденцїю , а они писать умѣютъ и Акциденцїи не берутъ , и пишутъ они не Подьяческїя , но Драмматическїя сочиненїя. И можетъ ли то статься что бы у жесточайшаго непрїятеля Подьяческаго рода , Кописты сево сочиненїй , были Подьячїя ? Мельпомена устремившися отъ пакостнаго освободиться запаха не опмѣнила своево опредѣленїя , а я , Аполлономъ и всѣмъ Парнассомъ , клялся ей , что доколѣ ея опредѣленїе не отмѣнится , я больше ни чево Драмматическаго писать не стану, и слова своево я не опмѣню.

А. С.

* * *

VIII.

VIII.

КЪ НЕСМЫСЛЕННЫМЪ РИѲМОТВОРЦАМЪ.

Я не знаю кратчайшаго способа стати Стихотворцемъ, какъ выучившися грамотѣ, научиться узнати что стопа, а сіе наука самая легкая, и только трехъ часовъ времени требуетъ, начать писать и отдавати въ печать. Сей новый и краткій способъ уже нѣсколько восприятъ; но я желая успѣха Словеснымъ наукамъ, оный всѣмъ охотникамъ марать бумагу и мучить Типографщиковъ и Справщика, больше препоручаю, и ободряю молодыхъ людей: Врите друзья мои изовсей силы, а я вамъ порука, что вы не только самыхъ крайнихъ невѣжъ, но и таковыхъ людей, которыхъ учеными почитаютъ, или паче Стихотворцами, найдете въ числѣ вашихъ похвалипелей! не пишите только Трагедій; ибо въ нихъ невѣжество Автора паче всего открывается, и не уповайте на искуство Актеровъ, чая получити во вздорѣ вашемъ помощію

щію оныхъ какой успѣхъ; дурная женщина и въ робѣ дурна, а хорошая и въ тѣлогрѣи хороша. Всево болѣе совѣтую вамъ въ великолѣпныхъ упражняться Одахъ; ибо многія читатели, да и сами нѣкоторыя Лирическія Стихотворцы разсуждаютъ тако, что ни какъ не возможно, чтобъ была Ода и великолѣпна и ясна: по моему мнѣнію пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности. Многія говорили о Архіепископѣ Ѳеофанѣ, что проповѣди ево не очень хороши, потому что они просты; что похвальняй естественныя простоты, искуствомъ очищенной, и что глупяе сихъ людей, которыя внѣ естества хитрости ищутъ? Но когда такихъ людей много; слагайте несмысленныя Виршесплетатели Оды; лишъ только темняе пищите. А ежели вы хотите послѣдовать искренности моей; такъ учитеся сперва, и то ежели имѣете способность, и пищите; но здѣлайте то съ первыми сочиненіями своими, что здѣлалъ я съ своими, девять лѣтъ писавъ; бросьте всѣ оныя въ печь; сіе жертвоприношеніе Аполлону приятняе будетъ, нежели изданіе вашего вздора въ печати. Языкъ нашъ великаго исправленія требуетъ, а вы

ево

ево своими изданіями еще больше портите. Былъ нѣкогда и я сему подверженъ сотрѣшенію, которому вы себя подвергаете и слабыя стихи выпустилъ; но я былъ то здѣлати нѣсколько принужденъ; да они же и выпущены какъ отъ рабенка, и не отъ меня, но отъ Кадетскаго Корпуса напечатаны, для показанія только моево ученичества а не Стихотворства, да въ то же время и Стихотворцевъ у насъ еще не было и научиться было не у ково. Я будто сквозь дремучій лѣсъ сокрывающій отъ очей моихъ жилище Музъ безъ проводника проходилъ, и хотя я много долженъ Расину; но ево увидѣлъ я уже тогда, какъ вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ Французъ и въ Русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленія не могъ. Русскимъ языкомъ и чистотою склада, ни Стиховъ, ни Прозы, не долженъ я ни кому кромѣ себя: да долженъ я за первыя основанія въ Русскомъ языкѣ отцу моему, а онъ тѣмъ долженъ Зейкену, который выписанъ былъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО въ учители, къ господамъ Нарышкинымъ, и который послѣ былъ учителемъ ГОСУДАРЯ ИМ-

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВТОРАГО.

Не подумайте вы, что я изъ ревности васъ отвращаю отъ Стихотворства; вы знаете, что я къ тому ни малѣйшія не имѣю причины, и что ущерба чести моей быть не можетъ, когда мои сограждане хорошо Стихи писать будутъ. Я люблю нашъ прекрасный языкъ; и сталъ бы радоваться ежели бы познавъ онаго красоту въ немъ рускія люди больше нынѣшняго упражнялися и успѣхи получали, и чтобы не языкъ но свое нерадѣніе обвиняли: но любя языкъ Русской, могу ли я такія похваляти сочиненія, которыя ево безобразятъ? лутче не имѣти ни какихъ Писателей нежели имѣти дурныхъ. И сіе одно нашему языку дѣлаетъ насиліе, когда Писатели разносити Литеръ не умѣютъ, о чемъ можетъ быть имъ и въ мысли не впадало, да и самъ я въ тончайшее онаго разсмотрѣніе вшелъ недавно. Не знаю кому, или лутче не хочу сказать, кому, не показалася Литера І. и того же произношенія Литера И; и для того уставилъ онъ новое и странное правило очень часто премѣняти ее въ литеру Е. А то еще и странняе, что многія правилу сему, ни на естествѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни

на

на употребленїи основанному слѣдуютъ, то только въ доказательство приемля: *такъ сказалъ Пиѳагоръ*; а Пиѳагоръ Московскаго нарѣчїя не знаетъ; ибо онъ родился въ деревнѣ такова уѣзда, гдѣ говорятъ не только крестьяня, но и дворяня очень дурно; а мы Москвитяня должны ли сему правилу повиноваться, хотя бы оно золотыми Литерами напечатано было? *Достоитъ* называется *Достоенъ*, *Бывшїй Бывшей* и пр: Всѣ которыя въ Русскомъ языкѣ сильны, въ опроверженїи сего со мною согласны; не отрава ли такїя правила нашему языку? Правописанїе наше Подьячїя и такъ уже со всѣмъ испортили. А что свойственно до порчи касается языка; Нѣмцы насыпали въ него словъ Нѣмецкихъ, Петиметеры Французскихъ, предки наши Татарскихъ, Педанты Латинскихъ, Переводчики Священнаго писанїя Греческихъ: опасно, чтобы Кирейки не умножили въ немъ и Польскихъ словъ. Нѣмцы складъ нашъ по Нѣмецкой учредили Грамматикѣ. Но что еще больше портитъ языкъ нашъ? худыя Переводчики, худыя Писатели; а паче всего худыя Стихотворцы.

IX.

IX.

РАСТАВАНІЕ СЪ МУЗАМИ.

Для множества причинъ,
Противно имя мнѣ Писателя и чинъ;
Съ Парнасса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущаго я жара мосво,
И не взойду, по смерть, я больше на небо:
Судьба моей то доли.
Прощайте музы на всегда!
Я болѣе писать не буду никогда.

А. С.

* * *

ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ КОНЕЦЪ.

Оглавленїе.

		стран.
I.	рѣчь о пользѣ и превосходствѣ Свободныхъ наукъ. - - - - - - -	707
II.	Есхина Сократическаго Философа о Добродѣтели. - - - - - - - -	722
III.	Изъ Тита Ливїя. - - - - - -	734
IV.	Сонъ. - - - - - - - - -	738
V.	Изъ Гольберговыхъ писемъ. - -	748
VI.	Къ Издателю Трудолюбивой Пчелы.	755
VII.	О Кописта хъ. - - - - - - -	757
VIII.	Къ Несмысленнымъ риѳмотворцамъ.	763
IX.	Раставанїе съ Музами. - - -	768

) o (

им. Горького БИБЛИОТЕКА М. Г. У.